

A young man with brown hair and a light beard, wearing a black leather jacket, sits behind a young woman with long, wavy brown hair and blue eyes. She is wearing a black top and a black watch. They are both looking off to the side with serious expressions. The background is a simple, brightly lit indoor space with green structural elements.

ЭТА

ДЕВУШКА

Правда способна сделать тебя свободным, но способна ли она подарить тебе счастье в любви?

КОЛИН ГУВЕР

СТО ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ

Колин Гувер

Эта девушка

Посвящается моей матери

Copyright © 2013 by Colleen Hoover
© Н. Пресс, перевод, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Медовый месяц

Все стихи, книги, песни и фильмы о любви, которые я когда-либо читал, слышал или видел, все самые захватывающие моменты, которые, как мне казалось, отражают саму суть любви, меркнут по сравнению с этим моментом.

Этот момент не сравнится ни с чем!

Она лежит на боку, повернувшись ко мне и подложив локоть под голову, а другой рукой гладит меня по плечу. Волосы разметались по подушке, плечам и шее. Рисует круги на моей руке, внимательно следя глазами за собственными пальцами. Мы знакомы уже почти два года, но я ни разу не видел ее такой довольной. Теперь ей не надо в одиночку нести на себе груз испытаний, что выпали на ее долю за эти года, и это заметно. Кажется, словно вчера, сказав «да», мы избавились от всех наших личных тягот и тревог, наше прошлое слилось в единое целое, стало как будто легче и перестало быть такой тяжелой ношей. Теперь я смогу взять эту ношу на себя. Смогу противостоять любым трудностям, которые выпадут на ее долю. А ведь я мечтал об этом с той самой секунды, когда впервые увидел эту девушку!

Она смотрит на меня, улыбается, а потом со смехом зарывается лицом в подушку.

– И что тут смешного? – спрашиваю я, целуя ее в шею.

– Мы смешные, – со смехом отзывается она, поднимая голову с подушки, и я вижу, что щеки ее покраснелись. – Прошло всего двадцать четыре часа, а я уже со счета сбилась!

– С меня хватит, Лейк! – смеюсь я и целую ее в зардевшуюся щеку. – Я уже на всю жизнь насчитался!

Я обнимаю ее за талию и сажаю на себя верхом. Она наклоняется, чтобы поцеловать меня, но волосы мешают. Протянув руку, я нащупываю на тумбочке резинку для волос, собираю их на затылке и стягиваю.

– Так-то лучше, – довольно шепчу я, прижимая ее к себе.

Ей непременно хотелось, чтобы у нас в номере были халаты, но мы ими так и не воспользовались. Та самая жуткая рубашка валяется на полу на том самом месте, куда я бросил ее вчера вечером. Не стану скрывать – это

были лучшие двадцать четыре часа в моей жизни.

Она целует меня в щеку, а потом подбирается губами к уху и шепчет:

– Проголодался?

– Смотря что ты имеешь в виду...

– У нас еще целых двадцать четыре часа, – с улыбкой отстраняется Лейк. – Если хочешь не отставать от меня, придется пополнить запасы энергии. Да и ланч мы как-то незаметно пропустили, – добавляет она, перекачивается на бок и берет с тумбочки меню обслуживания номеров.

– Только не бургеры, – предупреждаю я.

– Ты мне до скончания веков будешь их вспоминать, да? – смеется она, закатывая глаза. – Как насчет говядины «Веллингтон»? – пробежав глазами по меню, показывает она мне нужную строчку. – Всегда хотела попробовать!

– Звучит неплохо, – соглашаюсь я, тихонько придвигаясь к ней поближе.

Лейк снимает трубку и звонит на ресепшен. Пока она разговаривает, я покрываю ее спину поцелуями, а она давится смехом, но пытается как ни в чем не бывало разговаривать с администратором ровным голосом, а потом кладет трубку и, скользнув под меня, накрывает нас обоих одеялом.

– У тебя двадцать минут, – шепчет она. – Справишься?

– Да мне и десяти хватит!

* * *

Говядина «Веллингтон» удалась на славу – вот только мы наелись до отвала, да еще и устали так, что пальцем не можем пошевелить. Впервые с того момента, как мы переступили порог номера, мы включили телевизор, поэтому, думаю, нас ожидает как минимум двухчасовая передышка.

Ее бедра лежат на моих, голова покоится у меня на груди. Одной рукой я глажу ее волосы, другой нежно ласкаю запястье. Когда мы лежим в такой позе, даже самые банальные вещи вроде просмотра телепередач вызывают эйфорию.

– Уилл? – Лейк приподнимается, опираясь на локоть. – Можно задать тебе вопрос? – Она проводит рукой по моей груди, и ладонь замирает прямо у сердца.

– Каждый день я пробегаю кругов двенадцать по университетскому стадиону и качаю пресс: два подхода по сто раз! – скороговоркой произношу я и в ответ на удивленно поднятую бровь Лейк с улыбкой показываю на свой живот. – А ты разве не про мой стальной пресс хотела спросить?!

– Нет, представь себе, не про твои кубики! – смеется она, игриво пихая меня локтем в бок, и добавляет, целуя в живот: – Хотя они, конечно, впечатляют!

– Спрашивай все, что хочешь, детка! – подбадриваю я и, глядя ей прямо в глаза, глажу по щеке.

– Скажи, а у тебя... – Она вздыхает, снова откидывается на подушку, смотрит в потолок и тихо спрашивает: – У тебя когда-нибудь бывает чувство вины? За то, что мы так счастливы?

– Послушай, Лейк. – Я наклоняюсь к ней и кладу руку ей на живот. – Забудь о чувстве вины! Именно этого они хотят...

– Да-да, – натянуто улыбается Лейк. – Просто... Ну, не знаю... Если бы можно было изменить прошлое и это бы вернуло их, то я бы ни секунды не сомневалась. Но тогда я не встретила бы тебя... Просто иногда я чувствую себя виноватой, потому что я...

– Ш-ш-ш! – успокаиваю ее я, прижимая палец к ее губам. – Не надо так думать, Лейк. Не надо думать, а что было бы, если бы... Ну и так далее... – Я целую ее в лоб. – Но если тебя это утешит, я понимаю, о чем ты говоришь. Пойми, такие мысли совершенно бесполезны. Все есть как есть.

Лейк берет меня за руку, наши пальцы сплетаются, и она целует меня в тыльную сторону ладони:

– Ты очень понравился бы моему папе...

– А ты понравилась бы моей маме.

– Еще один момент насчет нашего прошлого, и, обещаю, это все. – На этот раз губы ее кривятся в чуть злорадной усмешке. – Господи, как же я рада, что эта стерва Воэн тебя бросила!

– Кто бы сомневался! – смеюсь я.

Лейк улыбается, отнимает свои пальцы и поворачивается ко мне лицом. Я беру ее за руку и целую прямо в ладошку.

– А ты не жалеешь, что не женился на ней?

– Лейк, да ты что? – Я со смехом закатываю глаза. – Ты и правда хочешь поговорить об этом именно сейчас?

– Да мне просто интересно! – делано смущается она. – Мы же никогда не обсуждали наше прошлое, а теперь я знаю, что ты никуда не денешься, вот и завела этот разговор! К тому же я еще много чего о тебе не знаю! Например, каково тебе было, когда она тебя бросила, да еще так жестко!

– Странные ты вопросы задаешь для медового месяца!

– Просто мне хочется знать о тебе все, – пожимает плечами Лейк. – Теперь, когда твое будущее принадлежит мне, я хочу узнать твое прошлое! А еще... – Она хитро усмехается. – Нам все равно надо как-то убить пару

часов, пока ты восстанавливаешь силы. Надо же чем-то заняться.

Я слишком устал, чтобы двигаться. Хоть я и притворяюсь, что не считаю, но на самом деле девять раз за сутки, по-моему, тянет на рекорд! Перевернувшись на живот и обняв подушку, я начинаю свой рассказ.

Расставание

– Спокойной ночи, Колдер! – говорю я, выключаю свет и надеюсь, что на этот раз он не вылезет из кровати.

Мы уже третью ночь проводим здесь вдвоем. Вчера он боялся спать один, поэтому я разрешил ему остаться со мной. Надеюсь, это не войдет в привычку, но на самом деле я его прекрасно понимаю.

Я до сих пор не могу до конца осознать все, что произошло за последние две недели, и тем более тот факт, что я все-таки принял это решение. Надеюсь, я поступаю правильно. Уверен, родители хотят, чтобы мы были вместе, но вряд ли их радует, что я ради этого отказался от стипендии.

«Странно, почему я до сих пор говорю о них в настоящем времени?»

Да, грядут большие перемены... С трудом дойдя до спальни, я падаю на кровать. Я слишком устал, нет сил даже протянуть руку и выключить ночник. Стоит мне закрыть глаза, как раздается тихий стук в дверь.

– Колдер, все будет хорошо. Ложись спать, – говорю я, но все-таки невероятным усилием вылезая из кровати, чтобы отвести брата в его комнату.

Он прекрасно спал один целых семь лет – я знаю, что он сможет сделать это снова.

– Уилл? – раздается женский голос, и в комнату входит Воэн.

Я и понятия не имел, что она собиралась сегодня зайти, но рад ее видеть! Удивительно, но она чувствует, когда я особенно в ней нуждаюсь. Я закрываю дверь спальни и обнимаю Воэн:

– Привет! Ты что тут делаешь? Я думал, ты уже уехала в кампус.

Она улыбается, но как-то печально и жалостливо, берет меня за плечи и слегка отталкивает. Потом садится на краешек кровати и, стараясь не смотреть мне в глаза, произносит:

– Нам надо поговорить.

От выражения ее лица у меня по спине бегут мурашки. Никогда не видел ее такой смущенной. Я сажусь рядом и целую ее в ладошку:

– Что случилось? У тебя все в порядке?

Я заправляю выбившуюся прядку волос ей за ухо, и тут по ее щекам начинают течь слезы. Обняв ее, я крепко прижимаю к себе и шепчу:

– Воэн, что произошло? Рассказывай!

Она молчит. Слезы струятся по ее щекам, и я даю ей время поплакать, ведь иногда девушкам это нужно. Наконец она успокаивается, выпрямляется и, по-прежнему не глядя в глаза, берет меня за руки:

– Уилл...

Что-то в тоне ее голоса, в том, как она произносит мое имя, заставляет меня насторожиться. Сердце замирает в тревоге. Воэн на миг встречается со мной взглядом, но тут же снова отворачивается.

– Воэн?.. – неуверенно окликаю ее я, надеясь, что моя догадка окажется неверной, потом осторожно беру ее за подбородок и разворачиваю лицом к себе. – Воэн, что происходит? – В голосе моем явственно слышится страх.

Она, кажется, испытывает облегчение, как будто радуясь, что я понял ее намерение, а потом слегка встряхивает головой:

– Прости меня, Уилл... Я так больше не могу. Прости, пожалуйста...

На меня словно обрушивается тонна кирпича. Так? Как «так»? С каких это пор наша любовь превратилась для нее в «так»?! Я молчу. Да и что тут скажешь?

– Прости, мне правда очень жаль, – снова шепчет она, поняв, что я просто в шоке, и ласково сжимает мою руку.

Высвободившись, я встаю и отворачиваюсь. Нервно приглаживаю волосы и делаю глубокий вдох. Внутри бушует ярость, слезы подступают к глазам, но я не намерен показывать ей, что плачу.

– Уилл, просто я всего этого не ожидала... Я слишком молода, чтобы быть мамой... Я не готова к такой ответственности.

Значит, я не ошибся! Она действительно меня бросает! Две недели назад погибли мои родители, а теперь она собирается снова разбить мне сердце! Да как она может?! Наверное, она не в себе. Просто в шоке от случившегося, вот и все! Я поворачиваюсь к ней, уже не заботясь о том, что она заметит, в каком я состоянии.

– Я и не жду, что ты возьмешь на себя какую-то ответственность. Все в порядке, просто ты испугалась. – Я сажусь на кровать и обнимаю ее. – Воэн, я не прошу тебя стать ему мамой, я тебя сейчас вообще ни о чем не прошу. – Я еще крепче обнимаю ее и целую в лоб, и она тут же начинает плакать. – Не надо, – шепчу я, – не надо так поступать со мной... Только не сейчас...

– Если я не сделаю это сейчас, то не сделаю никогда. – Воэн отворачивается, встает и пытается уйти, но я хватаю ее за руку, обнимаю за

талию, прижимаюсь головой к ее животу.

– Воэн, прошу тебя...

– Уилл... – Она гладит меня по голове и шее, наклоняется, целует в макушку и шепчет: – Уилл, я чувствую себя просто ужасно... Ужасно! Но я не готова к такой жизни и не могу согласиться на нее просто потому, что мне тебя жаль...

Прижавшись лбом к ее рубашке, я закрываю глаза и пытаюсь осознать услышанное.

Жаль? Ей меня жаль?

Я разжимаю объятия и отстраняю ее от себя. Она опускает руки и делает шаг назад. Я встаю, подхожу к двери и распахиваю ее настежь, показывая, что Воэн пора уходить.

– Последнее, что мне нужно, – это твоя жалость! – говорю я, глядя ей в глаза.

– Уилл, не надо! – умоляющим тоном произносит она. – Пожалуйста, не сердись на меня!

Воэн смотрит на меня полными слез глазами. Когда она плачет, они становятся темно-голубыми. Я всегда ей говорил, что у нее глаза цвета океана, и сейчас, глядя в них, я понимаю, что океан не вызывает у меня никаких чувств, кроме презрения.

Я отворачиваюсь от нее, хватаюсь за дверь и прижимаюсь лбом к деревянной поверхности. Закрываю глаза и пытаюсь взять себя в руки. Кажется, будто все то давление, стресс, эмоции, которые накопились за последние две недели, вот-вот взорвут меня изнутри.

Она мягко касается ладонью моего плеча, пытаюсь утешить, но я резким движением сбрасываю ее руку.

– Две недели, Воэн! – обернувшись, кричу я, но тут же понимаю, что ору слишком громко, и, сбавляя тон, подхожу к ней поближе. – Они умерли всего две недели назад! Да как ты вообще можешь думать о себе в такой момент?!

Воэн проходит мимо меня в гостиную. Я плетусь следом, наблюдая, как она берет с дивана сумочку, направляется к выходу и открывает дверь.

– Однажды, Уилл, ты поблагодаришь меня за это, – уже с порога говорит она. – Знаю, сейчас тебе трудно в это поверить, но когда-нибудь ты поймешь, что так лучше для нас обоих.

– Так лучше для тебя, Воэн! – кричу я ей вслед. – Ты думаешь только о себе!

Воэн исчезает за дверью, и тут нервы мои окончательно сдают. Я бросаюсь к себе в комнату и, захлопнув за собой дверь, неистово колочу по

ней кулаками, а когда руки немеют, крепко зажмуриваюсь и прижимаюсь к ней лбом. Слишком много всего случилось за какие-то две недели, и я не представляю, как со всем этим справиться.

Черт побери, что случилось с моей жизнью?!

В конце концов я забираюсь на кровать, упираюсь локтями в колени и кладу голову на руки. Из застекленной рамки на тумбочке на меня с улыбкой смотрят мама и папа. Они видят, как кульминация всего, что произошло за последние две недели, медленно убивает меня.

Почему они не подготовились к подобной ситуации? Почему отважились возложить на меня такую ответственность? Из-за их неосмотрительности я потерял стипендию, любимую девушку и, вполне возможно, свое будущее! Схватив фотографию, я со всей силы нажимаю большими пальцами на их лица. Стекло трескается. Ну вот, теперь фото разбито – совсем как моя жизнь! Я с размаху швыряю рамку в стену. Рамка раскалывается пополам, на ковер падают осколки стекла.

Я протягиваю руку, чтобы погасить свет, но тут дверь спальни приоткрывается.

– Возн, уйди. Пожалуйста, уйди... – прошу я.

Но в дверях стоит Колдер.

Он заливается слезами и дрожит от ужаса. После смерти родителей подобное случалось с ним уже много раз. Такой же ужас был в его глазах, когда я обнял его на прощание, уходя из больницы, и когда заставил его уехать к бабушке с дедушкой. Этот взгляд каждый раз разрывает мне сердце.

Этот взгляд тут же заставляет меня спуститься на землю.

Я вытираю глаза и жестом подзываю его к себе. Колдер подходит, я обнимаю его, сажаю к себе на колени, и он тихо плачет, уткнувшись мне в плечо. Я укачиваю его, глажу по голове, а потом целую в лоб и обнимаю еще крепче.

– Хочешь сегодня снова спать со мной, малыш?

Глава 2

Медовый месяц

– Ничего себе, – недоверчиво качает головой Лейк. – Вот ведь эгоистичная стерва!

– Да уж... Ну и слава богу! – Я сцепляю руки за головой и смотрю в потолок, копируя позу Лейк. – Удивительно, что история практически повторилась.

– В смысле?!

– А ты сама подумай. Возн бросила меня, потому что не хотела оставаться со мной из жалости. Ты меня бросила, потому что решила, что я хочу быть с тобой из жалости.

– Я тебя не бросала, – сердито мотает головой Лейк.

– Да ладно, не бросала! – Я со смехом сажусь на кровати. – Вспомни: «Мне не важно, сколько времени это займет: дни, недели или месяцы». Это называется «бросить»!

– А вот и нет! Я просто давала тебе время подумать!

– А мне не нужно было думать! – Я откидываюсь на подушки. – Мне правда казалось, что ты решила меня бросить!

– Что ж... – Лейк смотрит мне в глаза. – Иногда людям необходимо разойтись, чтобы понять, как сильно они любят друг друга.

– Знаешь что, – шепчу я, взяв ее за руку и поглаживая большим пальцем по ладони, – давай больше не будем расходиться!

– Никогда, – не отводя взгляда, кивает она.

Лейк молча смотрит на меня и в эти мгновения кажется удивительно хрупкой и ранимой. Она внимательно вглядывается в мое лицо, а потом ее губы изгибаются в усмешке. Она ничего не говорит, но слова сейчас не нужны. В такие моменты, когда нам никто и ничто не мешает, я твердо уверен, что Лейк по-настоящему любит меня. Сильно-сильно.

– А что ты подумал, когда впервые меня увидел? – спрашивает она. – Что во мне было такого, что ты сразу пригласил меня на свидание? Выкладывай все, даже плохие мысли!

– Плохих не было, – смеюсь я. – Ну, разве что неприличные. Но не плохие.

– Неприличные тоже выкладывай! – ухмыляется она.

Первая встреча

Прижимая трубку к уху плечом, я застегиваю последние пуговицы на рубашке и продолжаю разговор:

– Бабуль, я обещаю! Выезжаю сразу после работы в пятницу. Мы будем к пяти, а сейчас нам пора, уже опаздываем. Надо ехать. Завтра созвонимся!

Мы прощаемся, и я кладу трубку. В гостиную входит Колдер с рюкзаком на плече и зеленой пластмассовой армейской каской на голове. Вечно он пытается какие-нибудь странные штуки притащить с собой в школу! На прошлой неделе я довез его до школы и, только когда он вышел из машины, заметил, что у него на поясе кобура.

Я снимаю с него каску и кидаю на диван:

– Колдер, иди в машину! Мне еще нужно собрать вещи.

Он выходит на улицу, а я в панике пытаюсь собрать бумаги, разбросанные по барной стойке в кухне. Пришлось полночи проверять работы. Я преподаю всего два месяца, но уже начинаю понимать, почему в школах вечно не хватает учителей. Запихнув бумаги в папку, кладу ее в сумку и выхожу во двор.

– Отлично! – бормочу я сквозь зубы, заметив грузовой фургон, сдающий задом по нашей улице.

Всего за год в этом доме уже в третий раз меняются жильцы. У меня совершенно нет настроения снова помогать кому-то с переездом, особенно если учесть, что я спал всего четыре часа. Надеюсь, что к моему возвращению они уже все разгрузят, а то ведь помогать придется. Отвернувшись, я запираю дверь и быстрым шагом иду к машине и вдруг обнаруживаю, что Колдера там нет.

Застонав, я кидаю сумку на сиденье. Вечно он выбирает самый неподходящий момент, чтобы поиграть в прятки! Мы и так уже на десять минут опаздываем!

Оглядываюсь назад в надежде, что он спрячется за спинкой кресла, как в прошлый раз, но тут замечаю его на улице. Он весело смеется, играя с каким-то мальчиком примерно его возраста. А вот это уже хорошо! Может, если у нас появится сосед и друг по играм, я смогу вздохнуть свободнее...

Я уже собираюсь окликнуть Колдера, но мой взгляд снова падает на фургон. За рулем сидит девушка – на вид не старше меня, однако она уверенно въезжает задом во двор без какой-либо посторонней помощи. Опершись на дверь машины, я решаю посмотреть, как она будет пытаться

объехать садовых гномов. Зрелище обещает быть занятным.

Но и тут я жестоко ошибаюсь: она в два счета припарковалась ровнехонько перед домом. Вместо того чтобы выпрыгнуть из машины и проверить, все ли в порядке, она глушит мотор, опускает окно и кладет ногу на торпеду.

По непонятной мне самому причине эти простые действия кажутся мне необычными. Более того, они буквально завораживают. Она барабанит пальцами по рулю, а потом снимает с хвоста резинку и распускает волосы. Кудри рассыпаются по плечам, она долго массирует голову и трясет ею.

Черт возьми!

Ее взгляд падает на играющих на улице мальчишек, а я начинаю умирать от любопытства. Кто она? Его сестра? Мама? Нет, у нее не может быть такого взрослого ребенка. Впрочем, с другой стороны улицы нелегко разглядеть все в деталях. Интересно, почему она не выходит из машины?

Уже несколько минут я не свожу с нее взгляда, и тут рядом с фургоном останавливается какой-то джип.

«Боже, пусть это будет не парень», – шепчу я себе под нос, надеясь, что это не ее бойфренд подъехал. Или муж, не дай бог.

Хотя мне-то какое дело? Мне сейчас уж точно не до развлечений. Тем более с соседями, живущими напротив.

К собственному удивлению, я шумно вздыхаю от облегчения, когда вижу, что из джипа выходит женщина. Судя по внешнему виду, это, наверное, мать семейства. Женщина закрывает машину и подходит поздороваться к хозяину дома, который стоит у крыльца. Сам не понимаю, как выходит, что я иду в их сторону. Поразительно, но меня вдруг охватило непреодолимое желание помочь людям. Я перехожу улицу, не в силах отвести глаза от девушки, сидящей за рулем фургона. Не обращая на меня внимания, она наблюдает за игрой мальчишек. Не знаю, что меня так в ней привлекает. Быть может, выражение ее лица... Оно такое печальное... И почему-то мне это не нравится.

Она не замечает, что я стою у пассажирской двери фургона и смотрю на нее словно за гипнотизированный. Не потому, что она симпатичная, хотя это, конечно, тоже имеет значение. Меня манит ее взгляд. Его глубина. Я хочу знать, о чем она думает.

Нет, не просто хочу... Я обязательно должен узнать, о чем она думает!

Она отворачивается от окна, что-то говорит мальчишкам и открывает дверь, чтобы выйти из машины. Внезапно я понимаю, что сейчас она решит, что я полный идиот: стою перед ее домом и пялюсь на нее! Бросив взгляд на наш дом через дорогу, я начинаю обдумывать пути к

отступлению, пока она меня не заметила. Однако не успеваю я сделать и шага, как Колдер и второй мальчик оббегают фургон и со смехом врезаются прямо в меня.

– Она зомби! – визжит Колдер, а я хватаю мальчишек за воротники рубашек. Из-за фургона выходит моя незнакомка, и я не могу удержаться от хохота: она идет на негнущихся ногах, по-дурацки склонив голову к плечу, и пытается догнать мальчиков.

– Возьми их! – кричу я ей.

Мальчишки крутятся и брыкаются, пытаюсь вырваться, поэтому приходится усилить хватку. Я снова смотрю на нее, и наши взгляды встречаются. Ничего себе! Вот это глаза! Просто невероятного зеленого цвета! Хочется с чем-нибудь сравнить, но ничего подходящего на ум не приходит: цвет просто уникальный, как будто создан специально только для ее глаз!

Я прихожу к выводу, что мальчик не может быть ее сыном. На вид она примерно моего возраста. Ну, может быть, лет девятнадцать-двадцать. Знать бы, как ее зовут, тогда я найду ее в «Фейсбуке» и узнаю, свободна ли она...

Господи!.. Последнее, что мне сейчас нужно, – это влюбиться по уши!

Такое ощущение, что она читает мои мысли, поэтому я заставляю себя отвести от нее взгляд. Воспользовавшись моментом, мальчик вырывается и воображаемым мечом разрубает меня пополам. Я оглядываюсь на девушку и одними губами шепчу: «Помогите!»

Она кричит: «Мне нужен ваш мозг!» – и бросается вперед, притворяясь, что кусает Колдера в макушку, а потом щечкочет мальчиков. Ребята хохочут и в конце концов падают прямо на бетонное покрытие парковки. Девушка со смехом выпрямляется, переводит взгляд на меня и как будто вдруг смущается: щеки вспыхивают румянцем, губы недовольно кривятся. Однако смущение быстро проходит, и лицо озаряется улыбкой – улыбкой, которая будит во мне жгучее желание узнать о ней все, каждую мелочь.

– Привет, меня зовут Уилл, – протягиваю я руку. – Мы живем напротив.

Она вкладывает свою ладонь в мою. Стоит мне сжать ее нежные прохладные пальцы, как по телу пробегает электрическая волна. Не помню, когда в последний раз девушка производила на меня такое сильное впечатление... Наверное, это все недосып.

– А я Лейкен, – отвечает она, неловко улыбаясь. – Судя по всему, я живу... здесь, – добавляет она, обернувшись на дом.

Похоже, ее не очень-то радует тот факт, что она живет «здесь». На ее лице вновь возникает то выражение, которое я заметил, когда она сидела за

рулем, только вот глаза становятся еще более печальными. Ну почему меня это так сильно задевает?!

– Что ж, добро пожаловать в Ипсиланти! – говорю я, отчаянно надеясь развеять ее печаль.

Девушка опускает взгляд. Тут я замечаю, что все еще робко сжимаю ее пальчики, поспешно прячу руки в карманы и спрашиваю:

– А вы откуда приехали?

– Из Техаса?

Почему она говорит с вопросительной интонацией? Я что, задал глупый вопрос? Ну да, задал. Пытаюсь болтать о том о сем, как идиот...

– А-а-а, из Техаса? – переспрашиваю я.

Она кивает и молчит, а я вдруг чувствую себя назойливым соседом.

Не зная, что еще сказать, чтобы ситуация не стала еще более неловкой, решаю, что сейчас самое время удалиться. Наклонившись к Колдеру, я поднимаю его за ноги, перекидываю через плечо и объясняю, что пора везти его в школу.

– Вечером ожидается холодный фронт, – сообщаю я на прощание. – Так что постарайтесь большую часть разгрузить сегодня. Холодно будет несколько дней, так что, если вам вдруг понадобится помощь вечером, не стесняйтесь. Мы вернемся домой около четырех.

– Да-да, спасибо, – пожимает она плечами в ответ.

Она говорит с едва заметным южным акцентом. Надо же, а я и не знал, что мне так нравятся южные диалекты! Перейдя через улицу, я сажаю Колдера в машину, а сам, пока он забирается на сиденье, украдкой оглядываюсь. Мальчик пронзает ее спину воображаемым кинжалом, она испускает притворный вопль и падает на колени. Мне нравится, как она с ним играет. Мальчик запрыгивает к ней на закорки, она поднимает голову и ловит мой взгляд. Я закрываю пассажирскую дверь, обхожу машину с другой стороны и, прежде чем сесть за руль, заставляю себя улыбнуться и помахать ей рукой, хотя на самом деле мне отчаянно хочется двинуть себе в челюсть.

* * *

Звонит звонок на третий урок. Я снимаю крышку со стаканчика с кофе и высыпаю туда два дополнительных пакетика сахара – мне это не помешает. Некоторые ученики в этом классе меня беспокоят. Особенно Хавьер. Этот парень настоящий засранец.

– Доброе утро, мистер Купер! – здоровается со мной Эдди, прежде чем сесть за парту.

Бодра, как всегда. Я тут вдруг подумал, что ни разу не видел Эдди в плохом настроении. Надо узнать, в чем ее секрет, а то кофе мне сегодня явно не помогает...

– Доброе утро, Эдди, – отвечаю я, глядя, как она оборачивается, целует Гевина в щеку и садится на свое место.

Они начали встречаться, как раз когда я закончил школу. Вполне возможно, что из всего класса только эти двое не выводят меня из себя. Ну, может быть, еще Ник. Он вроде нормальный парень.

Ученики рассаживаются по местам, я прошу их достать учебники, но, рассказывая о художественных особенностях поэзии, все время думаю о нашей новой соседке.

Лейкен...

Красивое имя.

* * *

Спустя шесть часов и пару десятков мыслей о новой соседке мы с Колдером наконец-то возвращаемся домой. Я выхожу из машины и открываю багажник, чтобы достать коробку с бумагами. Обернувшись, замечаю, что из ниоткуда возник младший брат Лейкен: он молча стоит прямо передо мной и пристально меня разглядывает. Как будто ждет, что я представлюсь. Несколько минут он смотрит на меня, не моргая и не произнося ни слова. Завис, что ли? Перехватив коробку в левую руку, я протягиваю ему правую:

– Меня зовут Уилл.

– Кел зовут меня, – отзывается мальчик.

Я смотрю на него в недоумении. На каком языке он говорит?

– Я умею говорить задом наперед, – объясняет он. – Вот, например: наперед задом говорить умею я!

Интересное дело... Неужели нашелся еще более странный ребенок, чем Колдер?! А я-то думал, такого не бывает.

– Кел... познакомиться... с тобой... приятно... – чуть медленнее, чем он, отвечаю я.

Кел улыбается, а потом убегает через дорогу вместе с Колдером. Я смотрю на дом напротив: фургон припаркован на улице, задние двери закрыты. Ну вот, опять не повезло... Они уже все разгрузили, а я-то надеялся им помочь... Черт!

Остаток вечера я работаю сверхурочно и бесплатно... Такая уж судьба у учителей. Потом принимаю душ и словно невзначай захожу в гостиную, чтобы в десятый раз выглянуть из окна... Но мне так и не удается ее

увидеть.

– Чего ты все в окно смотришь? – раздается за спиной голос Колдера.

Я вздрагиваю от неожиданности и быстро задергиваю шторы – даже не заметил, что брат сидит на диване. Подхожу к нему, беру за руку и подталкиваю в сторону коридора:

– Ложись спать.

– А я знаю, почему ты смотрел в окно! – провозглашает он уже на пороге своей комнаты перед тем, как закрыть дверь. – Ту девчонку высматриваешь? Сестру Кела? Она тебе понравилась?

– Спокойной ночи, Колдер! – говорю я, не намереваясь отвечать на этот вопрос.

Он подмигивает мне и закрывает дверь. Перед тем как уйти к себе, я в последний раз подхожу к окну. Отдергиваю шторы и вижу, что у окна в доме напротив тоже кто-то стоит, но занавески тут же задергиваются, и мне не удается сдержать улыбку. Интересно, может быть, не только мне не дает покоя сегодняшняя встреча?

* * *

– Холодно, холодно, холодно, холодно, холодно! – приговаривает Колдер, прыгая с ноги на ногу, пока я открываю машину.

Завожу мотор, а потом иду в дом за вещами. Колдер ждет в машине. На обратном пути я застываю как вкопанный: на пороге дома напротив стоит Лейкен. Она наклоняется, берет пригоршню снега, разглядывает, но тут же бросает, выпрямляется и выходит во двор, прикрывая за собой дверь. Я качаю головой, предвкушая, что сейчас произойдет: на улице идет снег, а она в домашних брюках и рубашке – даже куртку не надела. Не знаю, куда она собралась, но долго на улице в таком виде не протянет. Здесь вам не Техас! Лейкен идет по двору, и тут мой взгляд падает на ее ноги.

Она что, в тапочках? Да ладно! Не успеваю я крикнуть ей, что надо смотреть под ноги, как она уже падает на спину.

Ох уж эти южане... Впрочем, что с них взять?!

Сначала она не двигается – просто лежит на спине и смотрит вверх. На секунду я впадаю в панику, испугавшись, что она сильно ударилась, но тут она шевелится и пытается встать. Мне, конечно, не хочется выглядеть навязчивым придурком, но я быстро перехожу улицу, чтобы спросить, не нужна ли ей помощь.

Она вытаскивает из-под себя одного из гномов с таким выражением лица, что я не могу не рассмеяться! Она смотрит на него так, как будто бедный малыш виноват в том, что она грохнулась! Лейкен уже собирается

отшвырнуть его подальше, но я останавливаю ее.

– Плохая идея! – кричу я, подбегая к ней.

Она слегка наклоняет голову набок и пристально смотрит на меня, не выпуская гнома из рук.

– Ты в порядке? – спрашиваю я, продолжая смеяться: у нее на лице написан такой прямо-таки праведный гнев, что сохранить серьезный вид просто невозможно.

– Буду в порядке, когда разобью эту чертову штуку! – покраснев, отводит глаза она.

– Не надо, – прошу я, забирая гнома у нее из рук и ставя беднягу на место, чтобы спасти его от полного уничтожения. – Гномы приносят удачу.

– Ага, удачу! Заметно, – ворчит она, потирая плечо.

– О господи! – восклицаю я, заметив кровь на ее рубашке, и тут же чувствую себя виноватым. – Прости! Я бы не стал смеяться, если бы видел, что ты сильно ударилась! – Я помогаю ей встать и пытаюсь оценить масштабы катастрофы. – Слушай, рану надо пластырем заклеить...

– Нереально, – качает головой она, оглядываясь на дом. – Какой пластырь... Там сейчас ничего не найдешь.

Я оглядываюсь на наш дом (у меня-то в аптечке полно всяких пластырей), однако предлагать помощь не тороплюсь: и так уже опаздываю на работу.

Глядя на наши окна, я отчаянно пытаюсь принять решение, но тут все мои органы чувств вдруг наполняются ощущениями. Легкий запах ванили, обволакивающий меня... звук ее голоса, ее акцент... ее близость пробуждают во мне нечто, что слишком долго находилось в забвении. Черт побери! Я влип!

Работа подождет.

– Тогда придется зайти к нам. У нас в кухне есть пластыри, – решительно говорю я, снимаю куртку, накидываю ей на плечи и, поддерживая под локоть, перевожу через дорогу.

Я ничуть не сомневаюсь, что она и сама прекрасно дойдет, но отпускать ее почему-то мне не хочется. Мне нравится помогать ей. Нравится, как она ко мне прижимается. Это все как-то очень... правильно.

Мы заходим к нам, я веду ее в гостиную, а сам выхожу в кухню, достаю из шкафчика аптечку и нахожу пластырь. Оглядываюсь. Она смотрит на висящие на стене фотографии. Фотографии моих родителей.

«Пожалуйста, не спрашивай меня о них... Пожалуйста!»

Сейчас мне совершенно не хочется об этом говорить, поэтому я спешу отвлечь ее внимание от фото:

– Сначала надо промыть, потом уже пластырь клеить.

Я закатываю рукава, поворачиваюсь к раковине и смачиваю под краном салфетку. Ловлю себя на том, что стоило бы поторопиться, но делаю все неспешно. Мне просто хочется растянуть процедуру, чтобы подольше побыть с ней рядом. Я даже не заметил, в какой момент желание узнать ее поближе превратилось в необходимость. Когда я поворачиваюсь к ней, она быстро отводит глаза. Я не совсем понял, почему она так смутилась, но выглядит до ужаса мило.

– Все нормально, – говорит она, протягивая руку за салфеткой, – я сама.

Отдав ей салфетку, я беру в руки пластырь и на удивление долго вожусь с упаковкой. Все это время мы не произносим ни слова. Почему-то в ее присутствии этот дом кажется особенно пустым и тихим – аж мурашки по коже. Когда я один, тишина как-то незаметна, а вот сейчас, когда мы оба неловко молчим, тишина становится неприятно навязчивой. Надо срочно что-то сказать, чтобы заполнить пустоту, думаю я, и выдаю:

– И что же ты делала на улице в одной пижаме в семь утра? Вы что, еще не все вещи разгрузили?

Она отрицательно качает головой, бросает салфетку в мусорное ведро и коротко бросает:

– Кофе.

– Вот как? Значит, ты не жаворонок?

Я втайне надеялся, что именно в этом причина ее плохого настроения. Вот и славно, значит, это от недостатка кофеина, а не оттого, что я ей не интересен. Я подхожу к ней ближе, чтобы наклеить пластырь на ее плечо, и незаметно делаю глубокий вдох. Странно, но каждое прикосновение к ней вызывает во мне бурю эмоций. Наклеив пластырь, я аккуратно разглаживаю его, слегка надавливая на края кончиками пальцев. У нее по коже бегут мурашки, и она обхватывает себя за плечи, словно пытается согреться.

Мурашки, значит... Что ж, неплохо для начала!

– Ну вот, – говорю я, еще раз проглаживая пластырь, хотя это совершенно не требуется, – как новенькая!

– Спасибо, – откашлявшись, благодарит она и встает. – На самом деле я жаворонок, но только после чашки кофе.

Кофе! Ей нужен кофе! У меня есть кофе!

Быстро подхожу к стойке, где в кофеварке еще плещутся остатки теплого утреннего кофе, достаю из буфета чашку, наливаю и ставлю перед ней на стойку.

– Сливки-сахар?

– Нет, спасибо, – с улыбкой качает головой она.

Прислонившись к стойке, я наблюдаю, как она подносит чашку к губам, осторожно дует на кофе, а потом делает глоток, не сводя с меня взгляда.

Впервые в жизни я готов отдать все, лишь бы поменяться местами с этой чашкой!

Ну почему мне нужно идти на работу?! Да я мог бы целый день стоять и смотреть, как она пьет кофе! Она, наверное, не понимает, с чего вдруг я так на нее уставился. Выпрямившись, я бросаю быстрый взгляд на часы:

– Мне пора идти. Брат в машине ждет. Надо ехать на работу. Давай я тебя домой провожу, а кофе можешь прихватить с собой.

Она смотрит на чашку и читает надпись. Я даже не заметил, что дал ей чашку отца. Пробегает пальцами по буквам и улыбается:

– Да я и сама дойду. По-моему, я уже вполне способна сохранять вертикальное положение.

Она проходит через гостиную, открывает дверь, и тут я замечаю, что моя куртка висит на спинке дивана.

– Лейкен, подожди! – окликаю ее я. – Надень, там холодно!

Она пытается отказать, но я упрямо качаю головой и настаиваю на своем. Ведь тогда ей придется вернуть мне куртку, а я на это как раз и рассчитываю. Она улыбается, накидывает куртку на плечи и выходит на улицу.

Уже дойдя до машины, я оборачиваюсь и смотрю ей вслед. Мне нравится, как она выглядит в моей куртке поверх пижамы. Кто бы мог подумать, что пижама и тапочки с Дартом Вейдером могут смотреться так сексуально?!

– Лейкен! – кричу я, и она оборачивается на пороге своего дома. – Да пребудет с тобой великая сила! – смеюсь я и запрыгиваю в машину, прежде чем она успевает что-то ответить.

– Ты чего так долго? Я з-з-з-замерз! – возмущается Колдер.

– Прости, дружок. Лейкен ударилась, – объясняю я и выезжаю из двора.

– А что случилось? – спрашивает он.

– Решила прогуляться по обледенелому бетону в тапочках с Дартом Вейдером. Упала и поранилась.

– У нее тапочки с Дартом Вейдером?! – восторженно хихикает Колдер.

– Прикинь! – подмигиваю ему я.

Глава 3

Медовый месяц

– Приятно слышать, – улыбается она, лежа рядом со мной на кровати. – Значит, я показалась тебе симпатичной, да?

– Вовсе нет. Ты показалась мне настоящей красавицей! – Я убираю волосы с ее лица, а она наклоняется и целует меня в ладонь. – А ты что обо мне подумала?

– Если честно, я пыталась о тебе вообще не думать, – улыбается она. – Меня к тебе тянуло, но все происходило так быстро... Мы только приехали в Мичиган, и тут – раз! – и появляешься ты! Нас вновь и вновь сводила судьба... Каждую минуту, проведенную рядом с тобой, я понимала, что втрескалась по самые уши...

– Втрескалась? – смеюсь я.

– Я и правда в тебя втрескалась, Уилл, – усмехается она. – Особенно после того, как ты налепил мне пластырь. А еще больше после того, как мы съездили в магазин за продуктами.

– Ну, после той поездки мы оба окончательно втрескались...

Влюбленность

Пытаюсь спланировать занятия на следующую неделю, но толком не могу сосредоточиться. Я все стараюсь понять, что же в ней такого. Почему все мои мысли заняты только ею? После утренней истории с пластырем я на работе думал только о ней. Хоть бы она сделала или сказала какую-нибудь глупость – тогда я, наверное, смог бы сбросить с себя этот груз... Странное дело!

Никогда в жизни мысли о другом человеке не поглощали меня до такой степени. Мне это сейчас совершенно некстати, но ничто другое, как ни прискорбно, меня не интересует.

В дом с хохотом врывается Колдер, скидывает ботинки и, мотая головой, скачет по гостиной.

– Эта девчонка в тапках с Дартом Вейдером спросила меня, как доехать до магазина. Типа она не знает, где это! Вот дурочка! – заявляет он, подходит к холодильнику и открывает дверцу.

– Она еще там?

Я вскакиваю, бегу к двери и вижу на улице ее джип. Быстро натянув ботинки, я выбегаю из дома, чтобы успеть догнать ее, и с облегчением замечаю, что она возится с навигатором: это даст мне время.

А вдруг она согласится, чтобы я поехал с ней в магазин?

Ну конечно не согласится. Это уже чересчур.

– Плохая идея, – говорю я, подходя к машине и заглядывая в окно.

– Что «плохая идея»? – едва заметно улыбаясь, смотрит на меня она и начинает устанавливать навигатор в держатель.

Черт! И правда, а что – «плохая идея»? Как-то непродуманно я начал!

– У нас тут рядом дорогу ремонтируют, – выпаливаю я первое, что приходит в голову, – тебя эта штука сейчас заведет не туда, куда надо.

Только она собирается что-то ответить, как рядом останавливается машина и какая-то женщина обращается к Лейкен через окно. Наверное, ее мама: они очень похожи, да и акцент одинаковый.

Воспользовавшись тем, что Лейкен отвлеклась, я продолжаю ее разглядывать. Темно-каштановые волосы, но светлее, чем у мамы. Лак на ногтях облезает, как будто она его ковыряет, и от этого она мне почему-то нравится еще больше. Воэн никогда из дома не выходила, не привела прическу и ногти в идеальное состояние.

Из другой машины выскакивает Кел и приглашает Колдера, который как-то незаметно нарисовался рядом со мной, зайти к ним. Колдер

спрашивает у меня, можно ли ему пойти в гости, и я, собравшись с духом, кладу руку на дверь машины Лейкен, совершенно не заботясь о последствиях. Да и черт с ними!

– Конечно, Колдер! Я съезжу с Лейкен в магазин и скоро вернусь, – отвечаю я брату и, плохо соображая, что творю, сажусь к ней в машину.

Она награждает меня выразительным взглядом, но, кажется, ситуация ее скорее забавляет, чем раздражает. Еще один хороший знак!

– Я не очень хорошо умею объяснять дорогу на словах. Ты не против, если я с тобой проедусь?

– Ну, видимо, не против, – смеется она, заметив, что я уже пристегнулся, и включает передачу.

Ближайший продуктовый магазин всего в двух кварталах отсюда. Маловато, думаю я и решаю повезти ее в объезд – так я успею узнать ее поближе.

– Значит, твоего младшего брата зовут Колдер, да? – спрашивает она, сворачивая с нашей улицы.

Как мило, чуть врастяжку, она произносит его имя: «Ко-о-о-олдер».

– Да, он у меня единственный и неповторимый. Мои родители несколько лет пытались завести второго ребенка, поэтому, когда Колдер наконец появился на свет, имена вроде Уилл давно вышли из моды.

– А мне нравится твое имя. – Лейкен улыбается и слегка краснеет, но тут же отворачивается и сосредоточенно смотрит на дорогу.

Она смущается? Смех, да и только! А это что – комплимент? Неужели она со мной кокетничает?! О господи, надеюсь, что это так!

Я делаю ей знак свернуть налево. Она включает поворотник и быстро проводит рукой по своим роскошным волосам – от корней до самых кончиков. Я смотрю на нее едва ли не с открытым ртом. Когда она снова кладет обе руки на руль, я откидываю волосы с ее плеча и чуть сдвигаю рубашку.

Мне хочется, чтобы она думала, будто я просто решил проверить, на месте ли пластырь, а на самом деле меня распирает от желания потрогать ее волосы. Мое прикосновение заставляет Лейкен вздрогнуть. Кажется, она немного нервничает в моем присутствии – надеюсь, в хорошем смысле.

– Тебе скоро надо пластырь сменить. – Я поправляю и слегка разглаживаю на ее плече рубашку.

– Напомни, чтобы я не забыла купить, – просит она, поудобнее перехватывая руль и не сводя взгляда с дороги.

Наверняка она не привыкла ездить в снегопад – надо было предложить самому сесть за руль!

Какое-то время мы молчим. Я задумчиво смотрю на нее и совершенно теряю счет времени. Интересно, сколько ей лет? Выглядит не старше меня. Надеюсь, что на самом деле не старше! Девчонки иногда не любят встречаться с парнями младше их самих. Надо и правда разузнать о ней побольше!

– Итак, Лейкен, – светским тоном произношу я, кладу руку на подголовник ее сиденья и оборачиваюсь, бросая демонстративный взгляд на заваленное коробками заднее сиденье джипа, – расскажи что-нибудь о себе!

– Ммм, нет. Это как-то банально, – иронически приподнимает она бровь и вновь сосредоточивается на дороге.

Ее неожиданная реакция меня смешит. А ей палец в рот не клади! Это мне нравится, но так я никогда не получу ответов на свои вопросы.

– Ладно, – говорю я, взглянув на магнитола, и нажимаю кнопку «Извлечь диск». – Тогда я сам все узнаю! Знаешь, можно многое сказать о человеке по тому, какую музыку он слушает.

Затаив дыхание, я вытаскиваю диск из магнитолы и готовлюсь к худшему. Только не «Никелбэк», пожалуйста! Тогда придется выпрыгнуть из машины на полном ходу. На диске фломастером написано: «Всякая фигня Лейкен».

– В каком смысле «всякая фигня Лейкен»? Описательном или притяжательном? – смеюсь я.

– Просто я не люблю, когда Кел берет без спросу всякую фигню, которая принадлежит мне, – понятно? – отвечает она, выхватывает у меня диск и вставляет его в магнитола.

И тут случается чудо... Из колонок раздаются самые прекрасные звуки на свете. И дело не в том, что песня отличная, – у «Братьев Эйвитт» других, в общем-то, и нет, – просто я понимаю, что у нас есть много общего! Мы похожи! Я сижу в ее машине, а она ставит диск с группой, которую я постоянно слушаю больше двух лет!

Ну как такое может быть?

Лейкен наклоняется и убавляет звук, но я хватаю ее за руку:

– Не надо. Я знаю эту группу!

– Да ты что?! – лукаво смотрит на меня она, как будто не верит ни единому моему слову. – И как же она называется?

– «Братья Эйвитт», – отвечаю я.

Лейкен удивленно приподнимает бровь и с любопытством смотрит на меня, пока я произношу название песни. Она любит эту группу так же сильно, как и я, и где-то в глубине живота я начинаю ощущать легкий

трепет, которого не чувствовал несколько лет...

Трепет крыльев миллионов бабочек... Господи, я влюбился!

Она опускает взгляд на мою руку, которую я так и не убрал с ее ладони.

Отдернув руку, я делаю вид, что отряхиваю брюки, надеясь, что не доставил ей неприятных ощущений. Кажется, она снова покраснела. Хороший знак! И правда хороший знак!

Остаток пути до продуктового магазина она рассказывает мне о своей семье. В основном говорит о недавней смерти отца и о подарке, который он сделал ей на день рождения. Рассказывает об отце, обо всем, через что пришлось пройти их семье в этом году. Теперь понятно, почему иногда у нее на лице появляется отсутствующее выражение. Я чувствую в ней родственную душу: в каком-то смысле она может понять мои переживания в последние несколько лет. Но рассказать ей о родителях прямо сейчас я почему-то не в силах.

Ее история близится к завершению, я это чувствую, поэтому наконец-то показываю ей настоящую дорогу к магазину, надеясь съехать с темы родителей, до того как настанет моя очередь рассказывать о себе. Мы въезжаем на парковку. Я ощущаю одновременно и облегчение, и тревогу. Облегчение оттого, что мне не надо объяснять ей про нас с Колдером, и тревогу, потому что рано или поздно все равно придется это сделать. Просто мне не хочется спугнуть ее вот так, сразу.

– Ничего себе! – восклицает она. – А это ближайший магазин?! Мы до него ехали двадцать минут!

– Ну, вообще-то, нет, – подмигиваю я ей, распахивая дверь, и выхожу из машины, жутко довольный собой.

Я так давно не общался с девушками, что мог и потерять навык. Думаю, она понимает, что я с ней флиртую. По-моему, я ей нравлюсь, но она явно девушка скромная, не то что я, поэтому полной уверенности у меня нет. Я не люблю играть в такие игры, поэтому решаю рискнуть: хватаю ее за руку и с криком «Побежали!» тащу за собой к входу. И дело не только в том, что на улице дождь, – я нашел еще один повод снова подержать ее за руку.

Мы забегаем в магазин, она промокла до нитки, но радостно смеется. Я впервые слышу ее смех, и он мне нравится!

У нее к щеке прилипла прядка мокрых волос, я протягиваю руку, чтобы убрать ее. Как только мои пальцы прикасаются к ее коже, она поднимает взгляд и перестает смеяться.

Черт возьми, что за глаза! Я не могу отвести от нее взгляд! Она такая красивая! Чертовски красивая!

Лейкен отворачивается и откашливается. Я ощущаю ее

настороженность, смущение. Она протягивает мне список покупок и берет тележку.

– А у вас тут в сентябре всегда идет снег? – спрашивает она.

Между нами только что произошло нечто серьезное, немного неловкое... а она задает мне вопросы о погоде?!

– Нет, это на несколько дней, ну, может, на неделю, – со смехом отвечаю я. – Обычно снег выпадает не раньше конца октября. Просто вам так повезло.

– Повезло?!

– Ну да, редкий в наших краях холодный фронт. Вовремя приехали.

– А я думала, здешние снег ненавидят. Здесь же большую часть года снег идет – разве нет?

Официально заявляю, что я обожаю южные диалекты! «Здешние»! Не могу сдерживать смех!

– Ты чего? – хмурится она.

– Ничего-ничего, – с улыбкой качаю головой я. – Просто я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь в реальной жизни называл местных «здешними». Так мило, по-южному!

– Ах прости! – смеется в ответ она. – Теперь я буду делать, как вы, янки, и тратить время на то, чтобы сказать «все местные жители»!

– О нет, только не это! – Я слегка толкаю ее плечом. – Мне ужасно нравится твой акцент. Он великолепен!

Она снова краснеет, но взгляда не отводит. Я делаю вид, что читаю список продуктов, но не могу не заметить, что она внимательно разглядывает меня. Очень внимательно. Как будто пытается понять, что я за птица, или что-то вроде того.

Наконец она отворачивается, и я веду ее в нужный отдел.

– «Веселые колечки»? – спрашиваю я, глядя, как она берет три огромные коробки кукурузных хлопьев. – Любимый завтрак Кела?

– Вообще-то, мой, – подмигивает мне она.

– Я больше люблю «Рисовые хрустики», – сообщаю я, забирая у нее коробки и бросая их в тележку.

– «Рисовые хрустики» – скуотища.

– Да ладно! Из «Рисовых хрустиков» можно делать батончики. А из твоих колечек что?

– В «Веселых колечках» попадают звездочки из пастилы! На каждую звездочку можно загадывать желание.

– А, ну тогда ясно! Что будешь загадывать? У тебя ж три коробки – это знаешь сколько желаний!

Она опирается руками на тележку и практически ложится на нее. На лице снова появляется отсутствующее выражение.

– Я бы загадала вернуться домой в Техас, – тихо произносит она.

В ее голосе звучит такая печаль, что мне хочется обнять ее. Не знаю, что ей так не нравится в Мичигане. Просто я ощущаю какую-то настоящую потребность утешить ее.

– А по чему ты больше всего скучаешь в Техасе?

– По всему. Там нет снега, нет бетона, нет людей, нет... нет ничего незнакомого.

– И есть молодой человек? – к собственному удивлению, спрашиваю я, не подумав.

Такое ощущение, что рядом с ней я перестаю контролировать свои слова и мысли. Она растерянно смотрит на меня, как будто сомневаясь, что правильно поняла мой вопрос, а потом вдруг улыбается, и напряжение, отражавшееся на ее лице несколько секунд назад, мгновенно исчезает:

– Нет у меня молодого человека.

Я радостно улыбаюсь. Вот это отлично!

* * *

Домой я решаю отвезти ее короткой дорогой. Мог бы, конечно, снова поводить ее кругами и провести с ней побольше времени, но решаю, что ей все-таки нужно понять, как добраться до продуктового магазина, на случай если я не смогу поехать с ней в следующий раз. Мы паркуемся возле ее дома, я выхожу из джипа и открываю багажник. Наблюдая, как она собирает пакеты, я, к своему удивлению, обнаруживаю, что крайне огорчен предстоящим расставанием. Не хочется даже думать о том, что вот-вот придется возвращаться домой. Хочется побыть с ней подольше.

Она обходит джип, улыбается и вдруг прижимает руку к сердцу:

– О сэр! Я никогда бы не нашла этот магазин без вашей помощи! Благодарю за ваше радушие, добрый человек!

О господи!

Боже ты мой!

Такой яркий пример южного красноречия мне еще не доводилось слышать! А какая улыбка! А этот выразительный смех! Все, что она делает, пронзает мне сердце. Я едва сдерживаюсь, чтобы не взять ее за подбородок и не поцеловать прямо здесь, сейчас! Смотрю на нее, слушаю ее смех... Господи, да мне никогда в жизни так сильно не хотелось поцеловать девушку!

– В чем дело? – взволнованно спрашивает она, видимо заметив на моем

лице признаки разгорающегося внутреннего конфликта.

«Остановись, Уилл!» – едва слышно раздается голос моего разума, но я не обращаю на него внимания, делаю шаг вперед и ласково беру ее за подбородок. Она смотрит мне прямо в глаза, мой смелый ход встречает легким вздохом, но отойти не пытается. Ощущаю пальцами ее нежную кожу. Готов поспорить, губы у нее еще нежнее!

Я смотрю на ее лицо, наслаждаясь его незатейливой красотой. Она не смущена. Мне даже кажется, что она надеется на продолжение...

«Не смей целовать ее! Не смей! Уилл, ты все испортишь!»

Я пытаюсь заглушить назойливый голос, но он все-таки побеждает. Еще слишком рано. К тому же среди бела дня. Господи, да ее мама дома! О чем я вообще думаю?!

Скользнув пальцами по ее шее, я целую ее в лоб, а потом неохотно убираю руку и делаю шаг назад, напоминая себе, что неплохо бы между делом еще и дышать. Рядом с ней у меня перехватывает дыхание, но это приятное ощущение.

– Ты такая милая, – говорю я, чтобы разрядить атмосферу, а потом подхватываю несколько пакетов из багажника и быстро иду к ее дому, пока она не пришла в себя и не двинула мне ниже пояса. Господи, да я ее только что в лоб поцеловал! Мы же знакомы всего два дня!

Поставив пакеты перед дверью, я собираюсь вернуться к джипу, но тут из дома выходит ее мама.

Хорошо, что я сдержал свой порыв, а то нас бы застукали. Боже, ну что за мысли приходят мне в голову!

Я протягиваю ей руку:

– Вы, наверное, мама Лейкен и Кела. Меня зовут Уилл Купер. Мы живем в доме напротив.

Женщина приветливо улыбается. Она весьма милая и выглядит совсем не устрашающе. Поразительно, до чего они с Лейкен похожи!

– Джулия Коэн, – представляется она. – А ты старший брат Колдера?

– Да, мэм. Между нами разница в двенадцать лет.

Она смотрит на меня оценивающе:

– Значит, тебе... двадцать один?

Не могу утверждать с уверенностью, потому что все произошло очень быстро, но готов поклясться, что она подмигнула стоящей за моей спиной Лейкен, а потом с улыбкой снова повернулась ко мне:

– Что ж, я рада, что у Кела и Лейк так быстро появились новые друзья.

– Я тоже!

Джулия берет пакеты с порога и скрывается в доме.

Лейк... Она называет ее Лейк! Это мне нравится еще больше, чем Лейкен, думаю я, доставая из джипа последние пакеты.

– Лейк, значит? Здорово! – говорю я, передавая ей пакеты и захлопывая багажник. Потом прислоняюсь к джипу, скрещиваю руки на груди и делаю глубокий вдох. Предстоит самое трудное: пригласить ее на свидание.

– Вот что, Лейк... Мы с Колдером в пятницу едем в Детройт. У нас там семейные дела. Вернемся поздно вечером в воскресенье. Поэтому я хотел спросить, какие у тебя планы на завтрашний вечер, до нашего отъезда.

Она улыбается, а потом делает такое лицо, как будто изо всех сил пытается вернуть себе серьезный вид. А жаль, улыбка у нее – аж дух захватывает!

– Ты что, хочешь заставить меня признаться в том, что я здесь совершенно никого не знаю?

Она не сказала «нет». Значит, согласна.

– Отлично! Тогда я за тобой зайду в полвосьмого! – Прежде чем она успеет что-то возразить, я поворачиваюсь и направляюсь в сторону своего дома.

Получается, я не то чтобы пригласил ее на свидание. Скорее, сообщил ей, во сколько оно состоится. Но она не возражала. Это хороший знак. Очень хороший знак!

Глава 4

Медовый месяц

Она приподнимается на локтях и кладет подбородок на руки.

– А ты и правда наслаждаешься процессом, – замечаю я.

– По-моему, я тебе не говорила, – улыбается она, – но, когда ты поцеловал меня в лоб, я подумала, что это лучший поцелуй в моей жизни. По крайней мере, на тот момент! – добавляет она, снова падая на подушку.

Наклонившись к ней, я воспроизвожу «лучший поцелуй в ее жизни», но на этот раз лбом дело не ограничивается: я легонько целую ее до самого кончика носа, а потом слегка отстраняюсь.

– В моей тоже, – признаюсь я, глядя в глаза девушке, рядом с которой буду просыпаться каждое утро всю оставшуюся жизнь. Наверное, прозвучит банально, но, по-моему, я самый счастливый мужчина на свете.

– А теперь я хочу знать все о нашем первом свидании! – заявляет она, кладет руки за голову и ждет очередной порции откровений.

Я откидываюсь на подушку и вспоминаю тот день – день, когда я окончательно влюбился в свою жену.

Первое свидание

В таком чудесном настроении я не был уже больше двух лет. На самом деле все эти два года я ни разу не ходил на свидание. Двойная нагрузка – работа на полную ставку и ребенок – к свиданиям не особенно располагает.

Через полчаса нам с Колдером пора ехать в школу, поэтому я решаю немного прибраться, раз вечер мы проведем вместе с Лейк. Еще не решил, стоит ли на первое свидание вести ее в клуб «ДЕВУТЬ». Слэм – важная часть моей жизни, и я не знаю, как отреагирую, если она не поймет. Или, еще хуже, если ей вообще не понравится.

Воэн никогда особенно не любила поэзию. В клубе «ДЕВУТЬ» ей нравилось, но только не на слэме. Вечер четверга мы никогда не проводили вместе. Тут до меня вдруг доходит, что, с тех пор как мы с Лейк познакомились, я впервые вспомнил о Воэн.

– Колдер, наведи порядок у себя в комнате! Сегодня за тобой присмотрит Майя, – говорю я, зайдя в коридоре брата.

– Порядок так и там, – ворчит он, закатывая глаза, но все-таки идет к себе.

С тех пор как он познакомился с Келом, брат все время говорит задом наперед. Как правило, я просто не обращаю на это внимания: слишком заморочно.

Я беру заполненный доверху пакет с мусором из бака в кухне и иду в сторону двери, но в коридоре останавливаюсь и смотрю на фотографию: я, Колдер и папа во дворе перед домом. Сделав шаг вперед, вглядываюсь в фото. Раньше я как-то не обращал внимания, но на заднем плане, прямо над папиным плечом, видно гнома в красном колпачке перед домом напротив. Того самого гнома, который разбился, когда на него упала Лейк.

Гном с ухмылкой смотрит прямо в камеру, как будто позирует.

Обвожу взглядом остальные фотографии на стене, вспоминая, когда они были сделаны. Еще совсем недавно я не мог смотреть на эти фотографии. Ненавидел их за те чувства, которые они во мне пробуждали, за то, что заставляли меня еще сильнее скучать по родителям. Сейчас боль перестала быть такой острой, и они пробуждают во мне только светлые воспоминания.

Глядя на фотографии, я вновь думаю о том, что Лейк понятия не имеет, какая на мне лежит ответственность. Придется вечером ей рассказать. Лучше сделать это сейчас. Если она не примет все как есть, будет хотя бы не слишком поздно. Будет гораздо легче, если она скажет мне «нет»

сегодня вечером, чем потом, когда мои чувства к ней станут еще сильнее.

Закрываю крышку мусорного бака и оттаскиваю его на обочину. Приближаясь к выходу из двора, я замечаю, что задняя дверь джипа Лейк открыта. Она лежит на животе на сиденье и что-то ищет. Наконец поиски заканчиваются, и она вылезает из машины с кофейником в руках. На ней пижама, а волосы завязаны в узел на макушке.

– Плохая идея, – говорю я, переходя улицу.

Она вздрагивает от неожиданности, а потом с улыбкой оборачивается, захлопывает дверь джипа и подходит ко мне:

– Ну и что я на этот раз делаю не так?!

– Если выпьешь слишком много кофе в такую рань, то заснешь после обеда и вечером не сможешь пойти на свидание с крутым парнем.

Лейк смеется, но улыбка быстро испаряется. Она бросает взгляд на свою пижаму и быстро приглаживает волосы с выражением легкой паники в глазах. Волнуется по поводу своего внешнего вида, понимаю я.

– Ты прекрасно выглядишь, – спешу успокоить ее я. – Прическа «только-что-из-постели» тебе очень к лицу.

– Знаю, – снова улыбается она, прислоняясь к машине, и оглядывает пижаму. – Именно в этом я и собираюсь пойти сегодня вечером. Ты не против?

– Н-ну-у... Как тебе сказать... – Я неторопливо осматриваю ее с головы до ног и останавливаю взгляд на сапожках. – Только при одном условии. Думаю, тебе лучше надеть домашние тапочки!

– Ладно, – смеется она, – договорились! Полвосьмого?

Я киваю и улыбаюсь ей в ответ. Нас разделяет метров пять, но она так пристально на меня смотрит, что кажется, будто между нами считанные сантиметры. Глаза ее непривычно блестят. В отличие от предыдущих двух дней она и правда выглядит счастливой.

Мы не можем оторваться друг от друга... Не говорим ни слова, но и не расходимся. Однако молчание нас не тяготит. Сейчас она смотрит на меня более уверенно. Более спокойно.

С большей надеждой.

Я решаю уйти, пока ситуация не станет неловкой, поэтому делаю пару шагов в направлении дома и машу на прощание рукой:

– Мне пора на работу. До вечера!

Она машет мне в ответ. Но не просто машет, а кокетливо шевелит пальчиками.

Ого! Кто бы мог подумать, что это так возбуждает?!

– Лейк?

– Да? – оборачивается она, улыбаясь одними уголками губ.

– Я правда в восторге от того, как ты выглядишь неумытая и только что из постели, – говорю я, показывая на ее пижаму. – Только зубы почисти до вечера, потому что я собираюсь тебя поцеловать.

Я подмигиваю ей и ухожу домой, не дожидаясь реакции.

* * *

– Доброе утро, миссис Алекс, – здороваюсь я, стараясь не быть слишком приветливым.

Мне приходится следить за каждым словом, когда я говорю с этой женщиной, ибо она все понимает неправильно. Совершенно неправильно! Прохожу мимо ее стола, подхожу к ящикам с почтой и забираю свои конверты. У выхода из почтового отдела она бросается мне наперерез.

– Получили мою записку? – спрашивает она, косясь на бумаги в моих руках. – Я вам записку на стикере оставила!

– Пока не знаю, – пожимаю плечами я, – я только что забрал почту.

Миссис Алекс не отличается доброжелательностью, однако я не вхожу в число тех, кто страдает от ее строптивного нрава. Над ее слабостью уже смеется весь коллектив. Под слабостью подразумеваю я. Она лет на двадцать старше меня, да еще и замужем. Однако это не мешает ей открыто проявлять свою привязанность, поэтому теперь я забираю почту только раз в неделю.

– Я вам там сообщение оставила. Звонил ваш куратор из университета и сказал, что ему необходимо с вами встретиться. – Она вырывает из моих рук почту и вываливает ее на стол в поисках своей записки. – Он сказал, что нужно подвести квартальный итог. Клянусь, я сверху положила!

– Большое спасибо, – благодарю я, быстро сгребая письма со стола, и пячусь в сторону выхода. – Извините, но я опаздываю, так что посмотрю позже. Я сообщу, если не найду.

Она улыбается и машет мне на прощание.

Черт! Машет-то как кокетливо! Не надо сюда вообще приходить!

– Всего доброго, – говорю я и ретируюсь со скоростью света.

– Не советую с ней так заигрывать, – раздается из-за плеча голос Гевина, который пристально смотрит на миссис Алекс через окно.

– Гевин, со школьных времен ничего не изменилось! Стало даже хуже: теперь я здесь еще и учитель!

– Она все еще на тебя смотрит, – едва шевеля губами, произносит Гевин и с улыбкой машет рукой миссис Алекс. – Давай поиграй мышцами, покажи себя во всей красе! Пусть хотя бы тобой полюбуется.

Мне жутко неприятна мысль о том, что миссис Алекс будет восхищаться моим «видом сзади», поэтому я меняю тему и спрашиваю, направляясь на первый урок:

– А вы с Эдди сегодня не собираетесь в клуб «ДЕВУТЬ»? Я вас там уже пару недель не видел.

– Может, и пойдем. А что? Будешь читать?

– Нет, не сегодня, – качаю головой я. – Но мы придем около восьми. У меня няня может прийти только к половине восьмого, так что жертвоприношение мы, наверное, пропустим.

– Мы?! – останавливается Гевин перед входом в аудиторию. – Кто это «мы»? Неужели Уилл Купер пригласил девушку на свидание?! – изумленно спрашивает он.

Обычно я не общаюсь с учениками за пределами школы, но Гевин и Эдди ходят в клуб «ДЕВУТЬ» уже несколько месяцев. Иногда мы сидим за одним столиком, так что общаемся довольно тесно. Если ты начинаешь преподавать в возрасте двадцати одного года, сложновато полностью исключить личные контакты с людьми практически одного с тобой возраста.

– Ну и? Кто она? Кто эта загадочная незнакомка, которой, возможно, суждено положить конец воздержанию Уилла Купера?

– На урок опоздаешь, Гевин! – перестав улыбаться, говорю я учительским тоном и открываю дверь аудитории.

Он смеется, отдает мне честь и уходит по коридору в другую сторону.

* * *

– Еще раз спасибо, Майя. Минут пятнадцать назад я заказал пиццу. Деньги на столе, – сообщаю я, проходя через гостиную, и кладу в карман ключи от машины и бумажник. – Последнее время Колдер часто говорит задом наперед, ты не обращай внимания. Если ему надо будет сказать что-то важное, он сделает это по-нормальному!

– А ты мне что, в два раза больше заплатишь? – спрашивает она, падая на диван с пультом от телевизора в руке. – Мы про второго мальчика не договаривались.

– Это наш сосед, – объясняю я. – Он скоро пойдет домой. А если не пойдет... Что ж, тогда заплачу по двойному тарифу.

Уже в дверях я сталкиваюсь с мальчиками, которые как раз возвращаются в дом. Кел останавливается на пороге, упирается руками в бедра и смотрит на меня снизу вверх:

– А ты что, парень моей сестры?

– Э-э-э... Нет. Просто друг, – опешив от такого напора, бормочу я.

– А она сказала маме, что у вас с ней свидание! Я думал, девчонки на свидания ходят только со своими парнями!

– Понимаешь... – Я на миг умолкаю, подбирая слова. – Иногда мальчики приглашают девочек на свидание, чтобы узнать, хотят ли они с ними встречаться.

Рядом стоит Колдер и с неменьшим любопытством, чем Кел, слушает мои объяснения. Вот черт, я сейчас совершенно не готов объяснять им, как правильно встречаться с девочками...

– То есть это вроде как тест? – спрашивает Колдер. – Проверить, хочешь ли ты, чтобы Лейкен была твоей девушкой.

– Н-ну... Можно, наверное, и так сказать, – пожав плечами, киваю головой я.

– Она тебе не понравится, – смеется Кел. – Она часто рыгает. И все время командует. И не разрешает мне пить кофе, а значит, и тебе не разрешит. А еще она слушает дурацкую музыку, слишком громко поет и раскидывает свои лифчики по всему дому. Фу, гадость!

– Спасибо, что предупредил. – Я с трудом сдерживаю улыбку. – Думаешь, сейчас уже поздно все отменить?

– Ага, – кивает Кел, не заподозрив подвоха. – Она уже нарядилась, так что теперь придется тебе ее куда-нибудь вести...

– Ничего не поделаешь. В конце концов, это займет всего несколько часов, – в притворном расстройстве вздыхаю я. – Надеюсь, она не будет постоянно рыгать, говорить мне, что делать, отнимать кофе, подпевать этой дурацкой музыке и раскидывать свои лифчики в моей машине! – Если честно, я искренне надеюсь на обратное.

– Удачи! – с неподдельным сочувствием произносит Кел, проходя мимо меня.

Я смеюсь и закрываю за собой дверь. Уже на полпути к машине я замечаю, что Лейк вышла из дома и идет по двору.

– Готова?! – кричу я.

– Ага! – кричит в ответ она.

Я жду, что она подойдет к машине, но она не двигается с места, хотя вроде как уже собралась. Чего она там стоит?

– Иди сюда! – кричу я.

Лейк стоит, скрестив руки на груди, и не двигается с места.

– Сдаюсь! – смеюсь я и поднимаю руки. – Ты что делаешь?

– Ты сказал, что заберешь меня в полвосьмого. Вот я и жду, пока ты меня заберешь!

Довольно улыбаясь, я сажусь в машину, задом въезжаю к ней во двор, выхожу, открываю перед ней пассажирскую дверь и только тут замечаю, что она не в тапочках. Черт, а я-то надеялся, что утром она говорила серьезно. Жаль, что еще не совсем стемнело и мне не удастся скрыть свой заинтересованный взгляд. Она завила волосы и немного подкрасилась. На ней джинсы и фиолетовая рубашка, подчеркивающая зеленый цвет глаз. Она... само совершенство!

Мы садимся в машину, я оборачиваюсь и достаю с заднего сиденья бумажный пакет.

– У нас нет времени на ужин, так что я сделал горячие бутерброды, – объясняю я, протягивая ей бутерброд и лимонад.

Надеюсь, она не сильно расстроится, что я не веду ее в ресторан. У нас и правда нет времени. Я хотел было зайти к ней и предупредить, но потом решил просто взять что-нибудь с собой перекусить. Интересно, как она отреагирует, если свидание окажется не совсем обычным. Возможно, это жестоко с моей стороны, но она улыбается – видимо, не расстроилась.

– Ничего себе! На первом-то свидании! – подмигивает она, кладет бутерброд на колени и открывает лимонад. – А куда мы так торопимся? Я так понимаю, не в ресторан?

– Сюрприз! – загадочно говорю я, выезжая из двора. – Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты обо мне, поэтому сегодня хочу лучше познакомить тебя со мной.

– Что ж, звучит многообещающе, – улыбается она и принимается за бутерброд.

Хорошо, что она не пытается все-таки выпросить у меня, куда мы едем. Сложно объяснить, что мы идем в клуб, хотя сегодня четверг, да еще будем слушать, как какие-то люди читают свои стихи. Звучит совсем не так классно, как на самом деле. Я хочу, чтобы она сначала увидела все своими глазами, без лишних ожиданий или предубеждения.

Мы доедаем бутерброды, Лейк бросает пакет с мусором на заднее сиденье и поворачивается ко мне.

– А какие у тебя родители? – спрашивает она, непринужденно откидываясь на подголовник.

Я отворачиваюсь и смотрю в окно, чтобы она не заметила напряженного выражения моего лица. А я-то надеялся, что этот разговор зайдет уже на обратном пути или удастся вообще его избежать. Не хочу, чтобы это стало темой нашей первой беседы и испортило настроение на весь вечер. Я стараюсь глубоко дышать и надеюсь, что Лейк не заметит, что со мной творится...

Черт, как же сменить тему?

Я решаю предложить ей сыграть в одну игру. Мы с Колдером часто так развлекаемся в дороге, пока едем к бабушке с дедушкой. Надеюсь, Лейк не решит, что она слишком странная, но так мы скоротаем время и узнаем друг друга получше.

– Я не очень-то люблю разговоры разговаривать, Лейк. Давай с этим потом разберемся, а пока можем заняться чем-нибудь поинтереснее.

Я усаживаюсь поудобнее и готовлюсь объяснить ей правила игры, но, обернувшись, замечаю, что она смотрит на меня едва ли не с отвращением!

Господи, ну что я такого сказал?! Повторив про себя последнюю фразу, я понимаю, что сморозил! Ну конечно, она просто неправильно меня поняла!

– Лейк, да ты что?! Я всего лишь имел в виду, что не хочу говорить на те темы, на которые как бы «положено»!

– Ф-фу-у, слава богу! – с облегчением смеется она.

– Есть такая игра «Ты бы предпочел...». Играла когда-нибудь?

– Нет, – мотает головой она, – но я бы предпочла, чтобы начал ты!

Мне кажется, если я начну с какой-нибудь старой штуки, которую уже использовали мы с Колдером, то это будет как-то нечестно, поэтому я быстро пытаюсь придумать что-нибудь новенькое.

– Ладно, – откашливаюсь я, – начинаем! Ты бы предпочла провести всю оставшуюся жизнь без рук или с руками, но при условии, что их нельзя будет контролировать?

Помню, мы с Колдером как-то пытались уговорить Возн поиграть с нами по дороге в Детройт, но она только театрально закатила глаза и сказала, что нам пора бы уже подрасти. От Лейк я ожидаю другой реакции. И правда: она смотрит на меня совершенно серьезно и как будто обдумывает ответ.

– Думаю, второй вариант, – говорит она. – С руками. Даже при условии, что не смогу их контролировать.

– Да ладно! – смеюсь я, взглянув на нее. – Так ты же не сможешь их контролировать! Они будут двигаться туда-сюда и то и дело заезжать тебе по носу! Или того хуже: вдруг ты схватишь ножик и решишь зарезать себя?!

Она смеется. Черт побери, обожаю этот смех!

– Не знала, что в этой игре есть правильные и неправильные ответы.

– Ты проиграла. Твоя очередь.

– Ладно, – улыбается она, потом хмурит лоб и откидывается на спинку сиденья. – Дай подумать...

– Думать не по правилам. Надо задавать вопрос сразу.

– Уилл, так нечестно! Я же впервые услышала об этой игре полминуты назад! погоди, сейчас что-нибудь придумаю!

– Шучу! – Я нежно глажу ее по руке.

Вообще-то, я не собирался брать ее за руку, но почему-то это кажется мне очень естественным, поэтому я не отпускаю ее. Все выходит как-то само собой, словно мы даже и не задумываемся над своими действиями. Я смотрю на наши переплетенные пальцы, а она тем временем делает свой ход. Игра ей явно нравится, и мне приятно смотреть на нее. Мне нравится, что ей нравятся горячие бутерброды с сыром вместо похода в ресторан. Мне нравятся девушки, которые время от времени предпочитают простые вещи. Мне нравится держать ее за руку.

Мы проводим еще несколько раундов, и Лейк удается придумать такие странные вопросы, что Колдер умер бы от зависти. Дорога до клуба занимает полчаса, а кажется, мы доехали всего за пять минут. Мы уже заезжаем на парковку, и напоследок я решаю задать ей еще один вопрос. Лево́й рукой, чтобы не выпускать ее ладонь из правой, я выключаю двигатель.

– Ну и последний вопрос, – говорю я. – Ты сейчас предпочла бы быть в Техасе? Или здесь?

Она проводит большим пальцем по моей ладони. Так, ответ как минимум не негативный. Скорее наоборот: она слегка улыбается и поднимает на меня глаза. Уже открыв рот, чтобы ответить, она вдруг замечает вывеску на здании, к которому мы подъехали, и улыбка на ее лице мгновенно гаснет.

– Уилл... Я не люблю танцевать, – неуверенно говорит она, открывая дверцу.

– Я тоже! – киваю я, выходя из машины.

Момент упущен, но я все-таки обратил внимание, что на последний вопрос она не ответила. Я обхожу машину, беру Лейк за руку и веду ее внутрь. Мы заходим в зал, я осматриваюсь в поисках местечка поукромнее: меня здесь знают многие завсегдатаи, а хочется побыть с ней наедине. Заметив свободный диванчик в дальнем углу зала, я веду ее туда. Хочу, чтобы она получила настоящие, живые впечатления, чтобы нас постоянно не перебивали и не отвлекали.

– Там потише, – поясняю я.

Она с любопытством смотрит по сторонам и отмечает, что здесь собрались не обычные любители проводить время в клубах. А она наблюдательная!

– Ну, сегодня вечером это не совсем обычный клуб, – объясняю я, пропуская ее вперед на диванчик и садясь рядом. – Сегодня вечер слэма. По четвергам клуб закрывают, и люди приходят на соревнование по слэму.

– А что такое слэм? – с любопытством спрашивает она, отворачиваясь от столика, за которым сидят практически дети, и переводя взгляд на меня.

– Это поэзия. Самое важное в моей жизни!

Я жду, что Лейк рассмеется. Нет, она смотрит прямо на меня, как будто не поняла, что я сказал. Я уже собираюсь повторить фразу, но не успеваю.

– Поэзия, значит? – с почти восхищенной улыбкой переспрашивает она. – А люди читают свои стихи или чужие?

– Люди выходят на сцену и изливают душу, используя язык слова и тела. Это потрясающе! Здесь ты Дикинсон или Фроста не услышишь.

По-моему, она заинтригована. Поэзия всегда играла в моей жизни огромную роль, поэтому я волновался, сможет ли она понять меня. Кажется, она не только понимает, но и в восторге!

Я объясняю ей правила соревнований. Она задает много вопросов, и я потихоньку успокаиваюсь. Закончив рассказ, я решаю взять нам что-нибудь выпить, пока на сцену не вышла жертва.

– Хочешь чего-нибудь?

– С удовольствием. Шоколадное молоко, пожалуйста.

Я ожидаю, что она сейчас рассмеется собственной шутке, но она молчит.

– Серьезно? Шоколадное молоко?

– Со льдом, – как ни в чем не бывало добавляет она.

– Что ж, ладно. Шоколадное молоко со льдом будет буквально через минуту!

Я выхожу из кабинки, иду в бар за напитками, делаю заказ, а потом оборачиваюсь и, облокотясь на стойку, наблюдаю за ней. Когда мы вместе, у меня появляется такое чувство... чувство, которого мне очень не хватало. Она стала первым человеком за последние два года моей жизни, который внушает мне какое-то подобие надежды на будущее.

Наблюдая за ней, я понимаю, что совершаю огромную ошибку, сравнивая ее реакции с реакциями Воэн. Несправедливо ожидать, что Лейк оттолкнет простота свидания или игра, которую я предложил ей в дороге. Несправедливо предполагать, что Лейк не нравится поэзия, только потому, что Воэн не интересовалась стихами. А еще несправедливо предполагать, что она оттолкнет меня, если узнает, что я опекун Колдера.

Эта девушка ни капли не похожа на Воэн.

Эта девушка вообще не похожа ни на одну из тех, кого я знаю. Эта

девушка...

– Симпатичная, – раздается неожиданно голос Гевина.

Он стоит рядом со мной и наблюдает за тем, как я наблюдаю за Лейк.

– Как ее зовут? – спрашивает он и заказывает два коктейля.

– Лейкен, – отвечаю я, – Да, она и правда симпатичная.

– А вы давно встречаетесь? – не отстает Гевин, снова поворачиваясь ко мне.

– Э-э-э... – Я смотрю на часы. – Сорок пять минут!

– Ничего себе! – смеется он. – Судя по тому, как ты на нее смотришь, можно подумать, что гораздо дольше... А где вы познакомились?

Бармен протягивает мне сдачу и чек за напитки. Взглянув на чек, я не могу не рассмеяться. Там и правда написано: «Шоколадное молоко со льдом»! Я аккуратно складываю чек и убираю его в бумажник.

– Вообще-то, это моя новая соседка, – объясняю я Гевину. – Въехала в дом напротив три дня назад.

– Да-а-а, – качает головой он, поглядывая на Лейк. – Тогда, надеюсь, у вас все получится... А то может неловкая ситуация выйти...

– Ты прав, – киваю я. – Но у меня на ее счет хорошее предчувствие.

– Мы с Эдди сидим вон там, – машет рукой на первые ряды Гевин. – Я постараюсь занять ее чем-нибудь, чтобы вы могли спокойно побыть наедине. Если она увидит тебя с девушкой, то сразу же помчится к ней с предложением дружбы до гроба и тому подобной ерундой...

– Спасибо, – смеюсь я, зная, что он совершенно прав, а потом забираю напитки и направляюсь к нашей кабинке, радуясь, что сегодня не придется никого ни с кем знакомить. Кажется, я к этому еще не готов.

Глава 5

Медовый месяц

Лейк резко садится на постели и сердито смотрит на меня:

– Какого черта, Уилл?! Гевин знал про нас? Знал с самого начала?

– А ты думаешь, только у вас с Эдди были от нас тайны?!

– Эдди знала, что он в курсе? – недоверчиво спрашивает она.

– Думаю, нет. В отличие от некоторых Гевин умеет хранить секреты.

– Поверить не могу! – Прищурившись, она пораженно откидывается на подушку. – И что он сказал, когда я явилась к тебе на урок?

– Ну, я мог бы рассказать тебе все о том дне, но тогда придется пропустить наш первый поцелуй. Тебе разве не хочется послушать, чем закончилось наше свидание?

– Ты же знаешь, что хочется! – улыбается она.

Очертя голову

– А что такое «время жертвы»? – спрашивает она, когда я возвращаюсь за столик с напитками.

– Время жертвы – пробный шар для жюри. Сейчас кто-нибудь выступит вне конкурса, чтобы судьи имели какую-то точку отсчета для выставления баллов.

– Значит, вызвать могут любого? Даже меня? – Похоже, одна только мысль об этом приводит ее в ужас.

– Что ж, лучше иметь что-нибудь наготове для такого случая, – поддразниваю ее я.

Она смеется, кладет локоть на стол, поворачивается ко мне и проводит рукой по волосам. Я ощущаю едва уловимый аромат ванили. Какое-то время она просто смотрит на меня и улыбается. Улыбаются даже глаза. Она выглядит умиротворенной, и мне это по душе.

Мы сидим так близко, что я ощущаю тепло ее тела. Наши бедра соприкасаются, руки всего в сантиметре друг от друга. Она переводит взгляд с глаз на губы, и впервые за весь вечер я чувствую, что пришло время для первого поцелуя. От одного взгляда на ее губы мне хочется целовать их снова и снова, ведь она так близко. Я напоминаю себе, что, хотя сегодня вечером я просто Уилл, за мной наверняка наблюдает как минимум один из моих учеников.

Безмолвная близость, возникшая между нами, заставляет Лейк покраснеть. Она отворачивается к сцене, будто почувствовав, что я борюсь с желанием поцеловать ее. Я беру ее за руку и кладу себе на колено. Под столом. Опускаю взгляд и медленно глажу ее пальцы, потом запястье, мне уже не терпится погладить ее предплечье, потом добраться до губ... Однако я вовремя останавливаюсь. Ласкаю кончики ее пальцев и мечтаю оказаться с ней где-нибудь наедине, подальше от посторонних взглядов. Не понимаю, что завораживает меня в этой девушке. Не понимаю, почему мне хочется говорить с ней о вещах, о которых в другой ситуации я не стал бы даже упоминать.

– Лейк, не знаю почему... – начинаю я, продолжая легко скользить кончиками пальцев по ее руке, и после секундной паузы признаюсь: – Ты мне очень нравишься.

Наши пальцы сплетаются, и я отворачиваюсь к сцене, чтобы она не чувствовала себя обязанной что-либо ответить, однако краем глаза замечаю, как она хватает свой стакан и быстро выпивает все шоколадное

молоко. Значит, она тоже это чувствует!

Жертва поднимается на сцену, и Лейк будто подменяют. По-моему, на какое-то время она даже забывает, что рядом сижу я. Женщина начинает декламировать свои стихи. Лейк наклоняется вперед и слушает очень внимательно – от начала до конца. Меня буквально завораживает выражение ее лица, и я не в силах отвести от нее взгляд. Как же между нами возникла столь глубокая связь, да еще так быстро?

Мы провели так мало времени вместе... Черт, да я вообще ее практически не знаю! Не знаю, на кого она учится, какое у нее второе имя, когда день рождения... В глубине души я прекрасно знаю, что все это не имеет никакого значения. Важно только то, что происходит здесь и сейчас, и этот момент – однозначно мой «отпад» на сегодня.

Жертва закончила свое выступление. Лейк утирает руку из моей и вытирает слезы с глаз. Я обнимаю ее и прижимаю к себе. Она не сопротивляется и кладет голову мне на плечо.

– Ну как? – спрашиваю я, касаясь подбородком ее макушки и поглаживая волосы, источающие аромат ванили.

Похоже, ваниль становится моим любимым запахом, не говоря уже о том, что я теперь просто обожаю южный акцент.

– Это просто потрясающе! – шепчет она.

Потрясающе! Именно так я в свое время сказал папе, когда он впервые привел меня на слэм.

Поборов в себе желание взять ее за подбородок и впиться губами в рот, я решаю все-таки подождать, пока мы останемся наедине. Но желание захватывает меня целиком, сердце явно не в ладу с разумом, и я наклоняюсь вперед, прижимаюсь губами к ее лбу и закрываю глаза. Пока на этом придется остановиться.

Мы сидим в обнимку и слушаем дальнейшие выступления. Она смеется, плачет, вздыхает, морщится от боли, словно проживая каждое выступление вместе с автором. Когда на сцену выходит последний участник первого раунда, я понимаю, что опоздал. Я хотел рассказать ей все до того, как дело примет серьезный оборот, но совершенно не ожидал, что это случится так скоро... Я зашел слишком далеко, и пути к отступлению отрезаны: я влюблен по уши.

Продолжая смотреть на сцену, я краем глаза слежу за Лейк, внимательно наблюдающую за тем, как выступающий настраивает микрофон. Затаив дыхание, она ждет начала выступления.

– Стихотворение называется «Очень длинное стихотворение», – объявляет поэт. Лейк смеется и подается вперед.

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой жизни.
Люди не любят *говорить* о смерти, потому что
им становится *грустно*.

Они не хотят *представлять себе*, как жизнь будет
продолжаться *без* них:
все, кого они любили, немного погорюют,
но будут продолжать *дышать*.

Они *не хотят* думать о том, что жизнь будет
продолжаться без *них*,
их дети будут *расти*,
заключать браки,
стареть...

Они не хотят *представлять себе*, как жизнь будет
продолжаться без них:
их вещи *продадут*,
на медицинской карте поставят штамп «Завершено».
Их имена станут лишь *воспоминанием* для всех,
кого они *знают*.

Они не хотят *представлять себе*, как жизнь будет
продолжаться *без* них, поэтому не принимают смерть
заранее, предпочитая *избегать* этой темы,
надеясь и *молясь* о том, что она *непостижимым*
образом...
минует их.
Забудет о них,
пройдет мимо и заберет *следующего* в очереди.

Нет, они не *хотели* представлять себе, как жизнь будет
продолжаться...
без них.

Но смерть
никого
не забывает.

Поэтому они столкнулись *лоб в лоб* со смертью,
скрывавшейся под личиной автопоезда
в клубах *тумана*.

Нет.

Смерть не *забыла* о *них*.

Если бы они *только* успели *подготовиться, принять неизбежное*, построить свои *планы*, понимая, что *на кону* не только *их* жизнь.

По закону в девятнадцать лет меня могли считать взрослым человеком, но я чувствовал себя *всего лишь* девятнадцатилетним.

И был совершенно не готов, ошеломлен тем, что в моих руках оказалась *жизнь* семилетнего ребенка.

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой *жизни*.

* * *

Участник отходит от микрофона. Лейк смахивает еще одну слезинку и начинает аплодировать вместе со всеми. Ее полностью захватило происходящее. Когда она наконец снова прижимается ко мне, я беру ее за руку. Мы провели здесь уже два часа. Она наверняка устала, ведь неделя у нее выдалась непростая. Да и сам я обычно до конца не остаюсь, потому что в пятницу нужно идти на работу.

Я уже собираюсь встать, чтобы вывести ее из кабинки, и тут ведущий последний раз вызывает на сцену желающих. Лейк поворачивается ко мне, и я сразу понимаю, что у нее на уме.

– Нет, так нельзя! – заявляет она. – Как ты можешь привести меня сюда и не выступить?! Ну пожалуйста! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!!!

Я совершенно не собирался выступать. Вообще не собирался. Но, господи, как же она на меня смотрит! Поняв, что все равно не смогу ей отказать, я сдаюсь. Этим глазам не скажешь «нет». Я со смехом откидываюсь на спинку дивана:

– Лейк, ты меня убиваешь! Говорю же, у меня пока нет ничего нового!

– Ну, прочитай что-нибудь старое! Или народу слишком много и ты боишься?

Она не знает, что я выступаю очень часто и уже привык. Для меня это так же естественно, как дышать. Я не нервничаю перед выходом на сцену уже пять лет – с тех пор, как вышел на нее в первый раз.

По крайней мере, не нервничал до сегодняшнего дня.

Я наклоняюсь к ней и смотрю прямо в глаза:

– Не боюсь... Но в зале есть одна девушка...

Наши лица так невероятно близко, что было бы вполне естественно ее поцеловать. Еще пара сантиметров, и я могу ощутить вкус ее губ. Она перестает улыбаться и чуть прикусывает нижнюю губу, а взгляд скользит по моему рту. Я понимаю, что она хочет того же, что и я. Непривычное волнение где-то в области живота нарастает, и я быстро теряю самообладание, но едва начинаю наклоняться к ней, как она складывает ладони под подбородком и жалобным голосом просит:

– Не заставляй меня умолять!

– Ты уже умоляешь! – со смехом отстраняюсь я, на секунду даже забыв о ее просьбе.

Продолжая держать сложенные ладони под подбородком, она смотрит на меня с ангельской улыбкой, и я понимаю, что никогда не смогу ни в чем ей отказать.

– Ну ладно, ладно, – сдаюсь я. – Но помни, ты сама напросилась!

Достаю из кармана бумажник, вынимаю деньги и машу купюрой:

– Я участвую!

Ведущий узнает меня, я выхожу из кабинки и начинаю пробираться к сцене. К такому повороту событий я оказался совершенно не готов... Ну как я мог не подумать о том, что она может попросить меня выступить? Надо было что-нибудь новенькое написать. Ладно, просто расскажу мое любимое, о преподавании. Оно довольно простое, к тому же мы, по моему, еще не говорили о том, чем я занимаюсь. Вот заодно и узнает.

Я выхожу на сцену, поправляю микрофон и смотрю на зрителей. Когда наши взгляды встречаются, она облокачивается на стол и кладет подбородок на руки, потом кокетливо машет мне и широко улыбается. Она так на меня смотрит, что сердце тут же сжимается от чувства вины. Сейчас она смотрит на меня так же, как я на нее.

С надеждой.

И тут до меня доходит, что не стоит упускать такую возможность и читать стихотворение о моей профессии. Это мой шанс выложить все как есть... Использовать выступление как способ объяснить ей, кто я есть на самом деле. Если сила ее чувства ко мне может хотя бы в половину сравниться с моей, она заслуживает правды и должна знать, что может ожидать ее впереди.

– Что ты будешь сегодня читать, Уилл?

– Стихотворение под названием «Смерть», – отвечаю я, не сводя глаз с Лейк.

Ведущий уходит со сцены, я делаю глубокий вдох и готовлюсь произнести слова, которые решат, есть ли у нас с ней будущее.

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой жизни.

Люди не любят *говорить* о смерти, потому что им становится *грустно*.

Они не хотят **представлять себе**, как жизнь будет продолжаться **без** них:

все, кого они любили, немного погорюют, но будут продолжать *дышать*.

Они **не хотят** думать о том, что жизнь будет продолжаться без **них**,

их дети будут **расти**,

заключать браки,

стареть...

Они не хотят **представлять себе**, как жизнь будет **продолжаться** без них:

их вещи *продадут*,

на медицинской карте поставят штамп «Завершено».

Их имена станут лишь *воспоминанием* для всех, кого они *знают*.

Они не хотят **представлять себе**, как жизнь будет продолжаться **без** них, поэтому не принимают смерть

заранее, предпочитая **избегать** этой темы,

надеясь и **молясь** о том, что она **непостижимым образом**...

минует их.

Забудет о них,

пройдет мимо и заберет **следующего** в очереди.

Нет, они не **хотели** представлять себе, как жизнь будет продолжаться...

без них.

Но смерть

никого

не забывает.

Поэтому они столкнулись **лоб в лоб** со смертью, **скрывавшейся под личиной автопоезда**

в клубах *тумана*.

Нет.

Смерть не **забыла** о **них**.

Если бы они *только* успели *подготовиться, принять неизбежное*, построить свои *планы*, понимая, что *на кону* не только *их* жизнь.

По закону в девятнадцать лет меня могли считать взрослым человеком, но я чувствовал себя *всего лишь* девятнадцатилетним.

И был совершенно не готов, ошеломлен

тем, что в моих руках оказалась *жизнь* семилетнего ребенка.

Смерть. Единственное, что неизбежно в этой *жизни*.

* * *

Я отхожу от микрофона, волнуясь еще больше, чем в начале выступления. Я выложил все начистоту. Вся моя жизнь в концентрированном виде уместилась в стихотворении, прочитанном за одну минуту.

Сойдя со сцены, я иду в нашу кабинку. Лейк тыльной стороной ладони вытирает слезы. Пока непонятно, о чем она думает, поэтому я иду медленно, чтобы дать ей время осмыслить все услышанное.

Сажусь рядом с ней. Лицо у нее грустное, поэтому я улыбаюсь, пытаюсь разрядить ситуацию, и протягиваю руку за стаканом.

– Я же предупреждал!

Лейк молчит, и я не знаю, что еще сказать, чувствую себя неловко и начинаю думать, что, возможно, выбрал не лучший способ посвятить ее в историю моей жизни. Наверное, мое откровение оказалось для нее слишком неожиданным. Надеюсь, она не станет говорить, как ей меня жаль... Ненавижу, когда меня жалеют.

Я уже начинаю раскаиваться, что выбрал именно это стихотворение, как вдруг Лейк берет меня за руку – нежно, словно без слов пытается передать мне все, о чем думает. Поставив стакан на стол, я поворачиваюсь к ней и вижу в ее глазах совсем не жалость, а нечто совсем другое: в ее глазах сияет надежда!

Эта девушка узнала о моей жизни все – все, о чем я боялся ей рассказать: о смерти родителей, о гневе и обиде на них, о лежащей на мне ответственности, о том, что, кроме меня, у Колдера никого нет. Она знает обо всем этом и все равно продолжает с надеждой смотреть на меня полными слез глазами. Я касаюсь ее щеки и провожу пальцем по мокрой

дорожке. Она берет мою руку в свои, подносит к губам и, не отводя взгляда, целует меня прямо в ладонь. У меня аж сердце замирает. В этом простом жесте ей каким-то образом удается передать мне все свои мысли и эмоции.

Мне вдруг становится совершенно все равно, кто на нас смотрит. Я должен поцеловать ее... Просто обязан!

Я беру ее лицо в ладони и склоняюсь к нему все ближе, пытаюсь заглушить голос разума, который вопит, что надо немного подождать. Она с готовностью прикрывает глаза, я замираю в нерешительности, но, как только ее дыхание касается моих губ, понимаю, что пропал. Медленно я прижимаюсь губами к ее нижней губе – удивительно мягкой, нежной. Кажется, будто все звуки вокруг стихли и раздается лишь стук моего собственного сердца, заставляющий пульсировать каждую клеточку тела. Я медленно скольжу губами к ее верхней губе, но, почувствовав, что ее губы начинают раскрываться, неохотно отстраняюсь. Я очень хочу поцеловать ее, больше всего на свете, но все-таки помню, что вокруг много людей, двое из которых к тому же мои ученики. Я решаю отложить настоящий поцелуй на потом – ведь стоит только начать, и останавливаться уже точно не захочется.

– Терпение, – шепчу я, призывая на помощь всю свою выдержку.

Я глажу ее по щеке и, прикрыв глаза, прижимаюсь к ней губами. Лейк понимающе улыбается. Я скольжу пальцами по ее рукам и пытаюсь восстановить дыхание, потом прижимаюсь к ее лбу своим и смотрю ей прямо в глаза. В этот момент я точно знаю, что она чувствует.

– Ничего себе! – выдыхает она.

– Да уж! – соглашаюсь я.

Еще несколько секунд мы смотрим друг другу в глаза. Когда ведущий начинает объявлять, кто прошел во второй раунд, я быстро возвращаюсь в реальность. Все, хватит! Если мы останемся здесь, я посажу ее к себе на колени и зацелую до смерти! Нет, лучше уйти отсюда.

– Давай сбежим, – шепчу я, беру ее за руку и веду к выходу.

– Ты не хочешь остаться до конца? – спрашивает она, когда мы выходим на улицу.

– Лейк, ты много времени провела в дороге, а потом несколько дней распаковывала вещи. Тебе надо выспаться.

– Выспаться... – Она зевает. – Неплохая идея.

Мы подходим к машине, я открываю дверцу, но, прежде чем усадить Лейк, крепко ее обнимаю. Все происходит неожиданно и быстро, как будто даже против моей воли. Что она со мной делает? Такое ощущение, что мозг

просто отказывается работать в ее присутствии.

Надо взять себя в руки и отпустить ее, пока ситуация не зашла слишком далеко, думаю я, но ничего не могу с собой поделать. Она тоже обнимает меня, кладет голову мне на грудь и вздыхает. Несколько минут мы стоим молча, боясь шелохнуться. Я не целую ее, не глажу, не говорю ни слова, но почему-то мне кажется, что такой близости я никогда еще ни с кем не ощущал.

Никогда.

Я не хочу отпускать ее, но краем глаза замечаю, что из клуба выходят Гевин и Эдди, поэтому отстраняюсь и наконец усаживаю Лейк в машину. Сейчас неподходящий момент знакомить ее с Эдди.

Мы выезжаем с парковки. Лейк прислоняется лбом к стеклу и вздыхает:
– Уилл... спасибо тебе!

Я беру ее за руку. На самом деле это мне хочется сказать ей «спасибо». От сегодняшнего вечера я ожидал многого, но он превзошел все мои ожидания. Лейк устала, я вижу, что она вот-вот заснет. Она прикрывает глаза, и я всю дорогу молчу – пусть отсыпается.

Подъехав к ее дому и притормозив, я ожидаю, что Лейк проснется, но она спит. Я глушу двигатель и собираюсь разбудить ее, но у нее такое безмятежное выражение лица, что у меня рука не поднимается. Глядя на нее спящую, я пытаюсь разобраться в своих чувствах. Как вышло, что мне стал так близок человек, с которым мы знакомы всего несколько дней?

Я любил Воэн, но, если честно, такой эмоциональной связи у нас не было никогда. Ничего подобного, с тех пор как... На самом деле я такого вообще не помню. Новизна, страх, радость, волнение, спокойствие – словно я ощущаю все чувства сразу и они сливаются в единую волну, которая подталкивает меня к Лейк, побуждает обнять ее и никогда не отпускать.

– Спасибо тебе, – шепчу я, прижимаясь губами к ее лбу.

Я выхожу из машины и открываю ее дверь – Лейк тут же просыпается. Я помогаю ей выйти, и мы молча идем к ее дому, держась за руки. На прощание я снова прижимаю ее к себе. Она кладет голову мне на грудь, как будто объятие на парковке у клуба и не заканчивалось. Интересно, это кажется ей таким же естественным, как и мне?

– С ума сойти, – вздыхает она, – тебя не будет целых три дня! Столько же, сколько мы с тобой знакомы!

– Это будут три самых длинных дня в моей жизни, – смеюсь я, обнимая ее еще крепче.

Мы не разжимаем объятий, не желая расставаться. Наверное,

понимаем, что впереди три самых длинных дня в нашей жизни.

Лейк украдкой косится на окно, как будто опасается, что за нами кто-то наблюдает. Меня охватывает непреодолимое желание поцеловать ее, но вместо этого я просто чмокаю ее в щеку, выпускаю из объятий и медленно возвращаюсь к машине. Лейк смотрит мне вслед с такой лучезарной улыбкой, что я тут же начинаю жалеть, что не поцеловал ее по-настоящему. Сев в машину, я понимаю, что, если не исправлю свой промах, заснуть мне сегодня ночью не удастся.

– Лейк! – окликаю я, открыв окно. – До дома путь неблизкий. Может, поцелуешь меня на дорожку?

Она смеется, подходит к машине и наклоняется к окну. Я нежно беру ее за затылок и притягиваю к себе. Как только наши губы встречаются, я понимаю, что окончательно пропал. Ее губы слегка приоткрываются... Наш первый поцелуй удивительно медленный и нежный. Она тянется ко мне через окно и гладит по волосам, притягивая к себе, – одним словом, сводит меня с ума. Поцелуй становится настойчивее, и я подумываю, не отменить ли нашу поездку. Наконец узнав вкус ее губ, я не смогу обойтись без них целых три дня. Ее губы именно такие, как я себе представлял. Разделяющая нас дверца машины кажется мне пыточным орудием. Мне хочется втащить эту девушку через окно и посадить к себе на колени.

Мы продолжаем целоваться до того момента, пока не понимаем, что либо ей нужно забраться ко мне в машину, либо нам пора расходиться. Одновременно мы замедляем темп и в какой-то момент останавливаемся, но расстаться никак не можем.

– Черт побери, – шепчу я, не отрываясь от ее губ, – с каждым разом все лучше и лучше!

Она согласно кивает и улыбается:

– Увидимся через три дня. Смотри осторожно до дома добираться.

Она подмигивает мне, еще раз целует в губы и делает шаг назад.

С бесконечным сожалением я выезжаю на дорогу, готовый отдать все, что угодно, лишь бы не расставаться с ней на целых три дня. Выйдя из машины возле своего дома, наблюдаю, как уже у самой двери она убирает волосы в пучок и стягивает их резинкой. Ей идет такая прическа. Хотя и с распущенными тоже здорово. Замерев в восхищении, я вдруг вспоминаю, что за весь вечер так и не сказал, как классно она выглядит!

– Лейк! – кричу я.

Она оборачивается, и я перебегаю на другую сторону улицы.

– Забыл сказать тебе кое-что важное, – шепчу я, заключая ее в объятия и уткнувшись лицом в волосы. – Ты сегодня прекрасно выглядишь!

Потом я целую ее в макушку, отпускаю и возвращаюсь к себе. Лейк стоит на том же месте и смотрит мне вслед. Я улыбаюсь, захожу в дом и тут же бросаюсь к окну. Выглянув из-за занавески, вижу, как она снова поворачивается к двери и исчезает за ней.

– Ты что там разглядываешь? – спрашивает Майя.

– Да так, ничего, – вздрогнув от неожиданности, отвечаю я и быстро задерживаю занавеску. – Спасибо, Майя! – благодарю я няню, снимая куртку и ботинки. – Присмотришь за ним снова в следующий четверг?

– Ну да, как всегда, – отвечает она, направляясь к выходу. – Только вот за тем странным парнишкой я смотреть не буду!

Дверь за ней закрывается, я падаю на диван и вздыхаю. Это было лучшее свидание за всю мою жизнь! Готов поспорить, дальше будет еще лучше!

Глава 6

Медовый месяц

Лейк улыбается, вспоминая, какое неземное блаженство мы испытывали после того свидания.

– Это был лучший вечер в моей жизни, – вздыхает она. – Все было просто идеально – от начала до конца! Даже горячие бутерброды с сыром...

– Все, кроме того, что я забыл сказать, кем работаю...

– Ну да, – хмурится она, – вот это было напрасно...

– Напрасно? – смеюсь я. – Слишком мягко сказано. Ты не представляешь, что я испытал, увидев тебя в коридоре. Но у нас все получилось. Пришлось, конечно, нелегко, но теперь-то все отлично!

– Не спеши. – Она прижимает палец к моим губам. – Не забегай вперед! Начни с того места, где закончил. Я хочу знать, о чем ты думал, встретив меня в коридоре в тот день. Господи, ты так на меня разозлился!..

– Разозлился?! На тебя?! Лейк, ты что, правда так подумала? – пораженно спрашиваю я, но она только пожимает плечами. – Да нет же, малыш! Не разозлился, а совсем наоборот!

О черт!

Мой трехдневный отпуск... Что о нем сказать? Это были три самых долгих, самых мучительных дня в моей жизни. Все это время я думал только о ней. Готов был биться об стену из-за того, что до отъезда не спросил номер ее телефона, – могли бы хоть переписываться. Дедушка, видимо, обратил внимание на мою рассеянность и уже перед отъездом отвел меня в сторону.

– Ну? И как ее зовут? – спросил он.

Я, конечно, сделал вид, что не понимаю, о чем речь, и не хотел признаваться, что встретил кого-то. Что он обо мне подумает, если я скажу, что после всего лишь одного свидания влюбился по уши? Дедушка только посмеялся и похлопал меня по плечу:

– Буду с нетерпением ждать, когда ты нас познакомишь.

Обычно я ненавижу утро понедельника, но сегодня все иначе. Наверное, потому, что я знаю – сегодня после работы мы увидимся! Я подсовываю записку под дворник ее джипа и сажусь в свою машину. Как только я берусь за ручку двери, меня начинают мучить сомнения: кажется, я перестарался. Ну кто пишет девушке: «Жду не дождусь встречи с тобой» – после всего одного свидания? Мне совершенно не хочется ее отпугнуть, поэтому я возвращаюсь к ее джипу, приподнимаю дворник и убираю с лобового стекла записку.

– Оставь! – раздается за спиной чей-то голос.

Я резко оборачиваюсь и вижу, что в дверях стоит Джулия с чашкой кофе в руках. Я растерянно перевожу взгляд с записки на джип, потом опять на Джулию и не знаю, что сказать.

– Оставь записку, – повторяет она, показывая на листок бумаги у меня в руках. – Ей это понравится. – Она улыбается и уходит обратно в дом, оставляя меня в смущении и полной растерянности.

Подсунув записку обратно под дворник, я снова иду к машине, надеясь, что Джулия права.

* * *

– Я вам сказала еще на той неделе, что он придет, – оправдывается миссис Алекс.

– Нет, вы сказали, что он звонил! Но не говорили, что встреча назначена на сегодня!

– Ну, значит, сейчас говорю, – огрызается она и вновь стучит по

клавиатуре компьютера. – Придет к вам на открытый урок в одиннадцать. – Она достает из принтера отпечатанную анкету и с улыбкой протягивает ее мне: – А еще у вас в классе появится новенькая. Я зарегистрировала ее сегодня утром. Вот личный листок.

Я засовываю листок в сумку, и внезапно меня охватывает жуткий страх: как пройдет остаток дня?

Бегу на третий урок – уже на пять минут опаздываю. Со стоном смотрю на часы. Открытый урок в одиннадцать? Сегодня? Это же всего через час! А я запланировал на сегодня контрольную по пройденному материалу! К лекции я совершенно не готов, тем более под бдительным оком моего куратора! Надо на этом уроке хоть как-то подготовиться!

Господи, что за день!

Подхожу по коридору к аудитории «Д», заворачиваю за угол, и жизнь моментально налаживается.

– Лейк?! – не верю я своим глазам.

Она как раз убирает волосы в пучок, но, услышав мой голос, оборачивается и пораженно смотрит на меня. Вынимая изо рта листок бумаги, который она держала в зубах, пока причесывалась, она тут же бросается мне на шею:

– Уилл! А ты что тут делаешь?

Я обнимаю ее, но тут мой взгляд падает на листок бумаги в ее в руках, и я буквально столбенею. Тело превращается в неподвижный блок бетона.

У нее в руках расписание!

У меня перехватывает дыхание.

У нее в руках расписание уроков!

Не к добру это.

Миссис Алекс что-то там говорила про новенькую.

О черт!

Черт побери!

У меня внутри начинается настоящая паника. Я беру Лейк за запястья и осторожно отстраняю от себя, пока нас никто не увидел. Господи, пусть это окажется неправдой! Прошу Тебя, Господи!

– Лейк... – начинаю я, качая головой и пытаюсь понять, что происходит, – откуда ты?.. Что ты тут делаешь?

– Пытаюсь найти аудиторию с этим дурацким факультативом, – вздыхает она и сует мне в руки расписание. – Я совсем заблудилась... Спасай! – притворно стонет она.

О черт! Что же я натворил?!!

Я делаю шаг назад, к стене, пытаюсь сообразить, что делать, и

вспомнить, как дышать.

– Лейк, подожди, – шепчу я, отдавая ей расписание, даже не взглянув на него.

А на что там смотреть? Я и так прекрасно знаю, о каком «дурацком факультативе» идет речь. Глядя на нее, я совершенно не могу собраться с мыслями, поэтому отворачиваюсь и хватаюсь руками за голову.

Она учится в школе?!!

И я ее учитель?!!

О черт!

Закрыв глаза, я прокручиваю в голове прошлую неделю. Кому я рассказал? Кто нас видел вместе? Гевин. Черт! А в клубе «ДЕВ9ТЬ» нас вообще мог видеть кто угодно! И Лейк вот-вот поймет, что к чему! А если она решит, что я пытался обмануть ее и поэтому ничего не рассказал? Она же может пойти к начальству, и тогда моей карьере конец!

Как только мне приходит в голову эта мысль, она берет с пола свой рюкзак и срывается с места, но я успеваю схватить ее за руку. Она явно расстроена, и я очень надеюсь, что она не решила пойти сразу к директору.

– Ты куда? – спрашиваю я.

– Да я все поняла, Уилл! Я все поняла. Оставляю тебя одного, пока твоя девушка нас не заметила! – Она резко вырывается из моих рук и отворачивается.

– Деву... Да нет же! Нет, Лейк! Ты, похоже, не понимаешь...

Я жду, пока наконец до нее дойдет, что происходит. Надо бы просто объяснить ей, но я не могу. Боюсь, что у меня просто язык не повернется произнести это вслух!

В коридоре раздается звук приближающихся шагов. Мы с Лейк оборачиваемся. Из-за угла появляется Хавьер и, увидев меня, резко останавливается:

– Фф-у-у, а я-то думал, что опаздываю!

Если Лейк еще не все поняла, то сейчас-то уж точно поймет.

– Ты действительно опаздываешь, Хавьер, – отвечаю я, открывая перед ним дверь аудитории и делая ему знак войти. – Хави, я через минуту буду. Скажи остальным, что у вас есть пять минут на повторение материала перед тестом.

Медленно прикрыв дверь, я опускаю взгляд в пол. Не могу смотреть ей в глаза. Боюсь, у меня сердце разорвется, ведь я понимаю, что она сейчас чувствует. Помолчав, она тихо вздыхает. Я осторожно поднимаю на нее глаза и вижу разочарованное выражение ее лица. Вот теперь она поняла, в чем дело.

– Уилл, – с болью в голосе шепчет она, – только не говори, что ты...

Она произносит слова едва слышно, слегка наклонив голову и медленно покачивая ею из стороны в сторону. Она на меня не злится, нет... Ей больно. Лучше бы она пришла в ярость. Смотрю в потолок, потираю руками виски, едва сдерживаясь, чтобы не врезать кулаком по стене. Да как же я мог так сглупить? Почему я первым делом не рассказал ей, кем работаю? Почему даже не подумал о таком варианте? Я хожу взад и вперед, тщетно надеясь, что, может быть, это все-таки какая-то ошибка. Дойдя до шкафчиков, я тихо бьюсь о них лбом и молча проклиная себя. Я все испортил! Причинил боль нам обоим! Опустив руки, я неохотно поворачиваюсь к ней:

– Как же я сразу не понял?! Ты все еще учишься в школе!

– При чем тут я?! – сердито говорит она, прислоняясь к стене, будто с трудом удерживается на ногах. – А почему мы не говорили о том, что ты работаешь в школе? Как это возможно? Тебе же всего двадцать один!

Я понимаю, что вопросов будет еще много. У меня на работе и правда не самая обычная ситуация, поэтому ничего удивительного, что она сбита с толку. Но мы не можем выяснять отношения прямо здесь. По крайней мере, не сейчас.

– Лейкен, послушай... – начинаю я и тут же ловлю себя на том, что впервые не назвал ее Лейк. Впрочем, может, оно и к лучшему. – Мы с тобой серьезно недопоняли друг друга и должны обсудить ситуацию. Но сейчас не самый подходящий момент. – Я стараюсь не смотреть ей в глаза, чтобы не испытывать всепоглощающего чувства вины.

– Согласна, – шепчет она.

Кажется, она едва сдерживает слезы... Если она заплачет, я не выдержу!

Дверь аудитории открывается, в коридор выходит Эдди и машет рукой Лейк.

– Лейкен, а я уж собиралась тебя искать! Заняла тебе место, – сообщает она, потом смотрит на меня. – Ой, простите, мистер Купер, я вас не заметила!

Эдди снова переводит взгляд на Лейк. Кажется, она ничего не заподозрила. Хорошо. Тогда остается только Гевин.

– Все в порядке, Эдди. – Я выпрямляю спину и направляюсь к аудитории. – Лейкен просто показывала мне свое расписание.

Я распахиваю дверь пошире и пропускаю Эдди и Лейк вперед. Слава богу, что у них сегодня тест! Сейчас я бы точно не смог читать лекцию!

– А это что еще за красotka? – спрашивает Хавьер, когда Лейк садится

на свое место.

– Умолкни, Хави! – обрываю его я.

Я не в настроении слушать его пацанскую болтовню. Только не сегодня. Однако я все-таки беру себя в руки и достаю из сумки стопку тестов.

– Да расслабьтесь, мистер Купер! Я ж хотел ей комплимент сделать, – не унимается Хавьер, развалившись на стуле и оглядывая Лейк с ног до головы таким взглядом, что у меня кровь в жилах вскипает. – Она ж красавица, сами посмотрите!

– Хави! Вон! – Я показываю ему на дверь.

– Мистер Купер, да вы че?! – переключается он на меня. – Я же говорю, просто она...

– А я говорю: выйди вон! Не позволю неуважительно относиться к женщинам на моих занятиях!

– Отлично! Тогда я пойду поотношусь к ним неуважительно в коридоре, – парирует Хави и забирает со стола учебники.

Дверь за ним закрывается, и я морщусь, недовольный собственным поведением. Впервые я вышел из себя на занятии. Обернувшись к ученикам, я вижу, что все смотрят на Лейк, ожидая от нее хоть какой-то реакции. Все, кроме Гевина. Он сверлит меня взглядом. Я едва заметно киваю ему, давая понять, что нам многое надо будет обсудить, однако сейчас нужно заняться другими делами.

– Ребята, у вас в классе появилась новенькая. Ее зовут Лейкен Коэн, – быстро произношу я, пытаюсь сделать вид, словно ничего особенного не произошло. – Заканчиваем повторение и убираем конспекты!

– А вы не попросите ее рассказать о себе? – спрашивает Эдди.

– В другой раз. – Я показываю классу стопку бумаг. – Сейчас у нас тест.

Я начинаю раздавать тесты. Проходя мимо Гевина, я ловлю на себе его недоуменный взгляд и шепчу: «На обеде!», давая понять, что все ему объясню. Он кивает, берет у меня тест и перестает на меня пялиться.

В конце концов у меня остается всего один тест, и я неохотно подхожу к ее парте:

– Лейк... – Я смущенно кашляю и поспешно исправляюсь: – Лейкен, если у тебя есть другие задания, можешь пока заняться ими. Мы сегодня пишем тест по пройденной главе.

– Лучше я тест напишу, – выпрямляясь, тихо говорит она, глядя на руки.

Я кладу перед ней тест и возвращаюсь на свое место.

Остаток урока я выставляю оценки за тесты предыдущим двум классам,

но время от времени ловлю себя на том, что смотрю на Лейк, и тут же стараюсь поскорее отвести взгляд. Она то и дело стирает написанное и переписывает заново. Не знаю, почему она решила написать тест: она же ни на одном уроке не была! В какой-то момент я замечаю, что Гевин снова неодобрительно смотрит на меня, поэтому нервно поглядываю на часы и наконец слышу звонок. Перерыв! Все вскакивают и бегут к выходу, по пути оставляя тесты на моем столе.

– Ну что, переписалась на обед в другую смену? – спрашивает Эдди у Лейк.

Я наблюдаю за тем, как Эдди и Лейк обсуждают расписание, и втайне испытываю облегчение: у Лейк появилась подруга. Однако жаль, что ее подругой оказалась именно Эдди. Нет, я против нее ничего не имею, просто Гевин слишком много знает, и я не уверен, что он сумеет сохранить секрет от Эдди. Надеюсь, что сумеет. Как только Эдди отходит от Лейк, я притворяюсь, что пристально разглядываю свой стол, но Эдди почему-то идет не к выходу, а прямо ко мне. Достав из сумочки маленькую коробочку, она вытряхивает из нее несколько мятных пастилок и кладет мне на стол:

– «Альтоид», – произносит она. – Просто я тут подумала... «Альтоид» – чудо-средство от похмелья. – Эдди подвигает мне пастилки и уходит.

Я в бешенстве смотрю на пастилки: с чего это она взяла, что у меня похмелье?! Видимо, я совсем плохо умею скрывать свои чувства. Я глубоко разочарован в самом себе: разочарован, что вышел из себя, что не просчитал такой вариант в нашей с Лейк ситуации, что теперь придется делать выбор, а выбора-то и нет! Я все еще смотрю на пастилки, когда Лейк подходит к моему столу и кладет свой тест к остальным.

– А что, по мне так заметно, какое у меня настроение? – спрашиваю я, хотя вопрос скорее риторический.

Она берет две пастилки и выходит из аудитории, не удостоив меня ответом. Я со вздохом откидываюсь на спинку стула и кладу ноги на стол: пожалуй, сегодня второй ужасный день в моей жизни.

– Не могу ждать, чувак! – восклицает Гевин, возвращаясь в аудиторию и прикрывая за собой дверь. – Какого черта, Уилл?! – возмущенно спрашивает он, кидая рюкзак на парту прямо перед моим носом и садясь напротив. – Ты о чем вообще думаешь?

Я качаю головой и пожимаю плечами. Пока я не готов это обсуждать, но все-таки придется как-то ему объяснить, что произошло. Сняв ноги со стола, я хватаюсь руками за голову, потираю виски и отвечаю:

– Мы не знали.

– Не знали? – недоверчиво смеется Гевин. – Да как ты-то мог не знать?! Я закрываю глаза и вздыхаю. Он прав. Как мы могли не знать?!

– Не могу объяснить... Просто мы это не обсуждали... Меня не было в городе на выходных... После нашего свидания в четверг мы еще не виделись. Просто мы... Мы почему-то не касались этой темы, – бормочу я, качая головой и пытаюсь привести в порядок мысли. Однако мне это плохо удается.

– Хочешь сказать, что и правда только сегодня узнал, что она учится в школе? Типа только что? – спрашивает Гевин, и я киваю в знак согласия. – Погоди, но вы с ней сексом не занимались, я надеюсь?

Его вопрос ставит меня в тупик. Я растерянно смотрю на Гевина, но он принимает мое молчание за признание вины, наклоняется вперед и шепчет:

– Занимались? Не шутишь? Так тебя ж уволят, чувак!

– Да не занимались мы сексом! – раздраженно отмахиваюсь я.

– Погоди, а чего ты тогда так расстроился? – Он непонимающе смотрит на меня, пытаюсь понять, почему я так разозлился. – Раз у вас ничего не было, то и проблемы нет! Вряд ли она подаст на тебя жалобу из-за одного поцелуя! Ты же из-за этого нервничаешь? Что она на тебя стукнет?

Я отрицательно качаю головой, ведь я беспокоюсь совсем не из-за этого. По поведению Лейк я сразу понял, что ей даже в голову не пришло подать на меня жалобу. Она была очень расстроена, но причина в другом.

– Нет-нет, она никому ничего не скажет. Просто... – осекаюсь я, потирая рукой лоб, и вздыхаю, не имея ни малейшего представления, что делать дальше. – Черт! – в отчаянии выдыхаю я. – Мне нужно подумать, Гевин...

Проведя рукой по волосам, я сцепляю пальцы на затылке. По-моему, я впервые в жизни пребываю в такой панике и растерянности. Все, ради чего я усиленно работал два года, могло пойти коту под хвост из-за моей глупости! До выпускных экзаменов остается всего три месяца, но если эта история выйдет наружу, моя карьера и гроша ломаного стоит не будет.

Однако хуже всего то, что моя растерянность и паника связаны вовсе не с карьерным ростом, а с ней. Все из-за нее. Я полностью выбит из колеи, потому что разбил ей сердце...

– О черт... – тихо произносит Гевин.

– Ты о чем? – непонимающе смотрю на него я.

– Ты в нее влюбился. – Он встает и показывает на меня пальцем. – Вот почему ты так расстроен! Ты уже успел в нее влюбиться, да?

Не дожидаясь ответа, он хватается за свой рюкзак и пятится к двери, сокрушенно качая головой. Я даже не пытаюсь отрицать очевидное, ведь

он видел, как я на нее смотрел в тот вечер.

Открывается дверь, в аудиторию начинают заходить ученики, но тут Гевин возвращается, подходит к моему столу и шепчет мне на ухо:

– Эдди не в курсе. Больше никого из наших на слэме не было, так что на этот счет можешь не беспокоиться... Главное, реши для себя, что теперь делать, – произносит он и выходит в коридор, столкнувшись в дверях с моим куратором.

Черт!

* * *

Если я чему и научился за свою жизнь, так это адаптироваться к неожиданным ситуациям.

Каким-то чудом мне удастся отлично провести открытый урок и продержаться до перерыва, хотя на самом деле больше всего мне хочется проломить кулаком стену. Уж не знаю, как доживу до конца этого дня. А что потом?! Наши дома стоят напротив!

Мы с Колдером подъезжаем к дому, и я замечаю, что Лейк сидит в своем джипе, прикрывая рукой глаза. Кажется, она плачет.

– А можно, я пойду к Келу? – спрашивает Колдер.

Я киваю. Оставив сумку в машине, я хлопаю дверцей и медленно перехожу через улицу. Около джипа я на секунду останавливаюсь, чтобы собраться с мыслями.

Я знаю, что нужно сделать, но знать и сделать – разные вещи. Сегодня я снова и снова задавался одним и тем же вопросом: а как бы на моем месте поступили родители? Как поступили бы в такой ситуации другие люди? Разумеется, большинство из них сделали бы правильный выбор. Поступили бы ответственно. В конце концов, ну сходил я с ней на одно свидание – и что? Не бросать же работу из-за одного свидания?

Это не должно быть так тяжело. Но почему же тогда мне так тяжело?!

Подойдя ближе, я стучу по окну с пассажирской стороны. Лейк вздрагивает, опускает козырек от солнца и смотрит в зеркало, торопливо вытирая слезы. Щелкает замок, я открываю дверь, сажусь в машину и устраиваюсь поудобнее на сиденье, упираясь одной ногой в торпеду. Мой взгляд падает на записку, которую я оставил на лобовом стекле джипа утром. Она лежит на торпедо. Неразвернутая. Когда я писал «увидимся в четыре», то и подумать не мог, что наша встреча произойдет при таких обстоятельствах. Взглянув на Лейк, я вижу, что она старается не смотреть в мою сторону. От одного ее вида у меня внутри все сжимается. Язык не поворачивается произнести то, что я должен сказать. Да и что тут

говорить? Понятия не имею, о чем она сейчас думает...

– О чем ты сейчас думаешь? – наконец спрашиваю я.

Она медленно поворачивается ко мне, забирается на сиденье с ногами, обнимает руками колени и опирается на них подбородком. Никогда в жизни я так не завидовал чьим-то коленкам!

– Я совсем запуталась, Уилл. Не знаю, что и думать.

Если честно, я и сам не знаю, что думать. Господи, какой же я засранец! Как я мог такое допустить? Вздохнув, я смотрю в окно. Глядя ей в глаза, я ни за что на свете не смогу сохранить спокойствие.

– Прости, это я во всем виноват...

– Никто ни в чем не виноват. Человек виноват, если сделал что-то нехорошее намеренно. Уилл, ты же не знал...

Я и правда не знал. Но, черт побери, я сам виноват! Должен был узнать!

– Вот именно, Лейк! Вот именно! Я должен был догадаться. Моя профессия подразумевает этичное поведение не только в школьной аудитории, но и во всех остальных областях жизни! Я не понял, потому что был не на работе. Когда ты сказала, что тебе восемнадцать, я почему-то сразу решил, что ты учишься уже в колледже.

– Мне исполнилось восемнадцать всего две недели назад, – шепчет она, отводя взгляд.

Эти простые слова! Если бы они прозвучали всего несколько дней назад, ужасной ситуации можно было бы избежать. Ну какого же черта я не спросил, когда у нее день рождения? Закрыв глаза, я прижимаюсь щекой к спинке сиденья и мысленно подбираю слова, чтобы разъяснить ей свое нынешнее положение. Она должна понять, почему у нас ничего не получится.

– Я прохожу в школе практику. Что-то вроде этого.

– Вроде этого?

– После смерти родителей я стал заниматься с удвоенной силой и набрал достаточно баллов, чтобы закончить на семестр раньше. В школе не хватало персонала, поэтому они предложили мне контракт на год. Мне осталось три месяца практики – испытательного срока, если хочешь, а потом буду работать по контракту до июня будущего года.

Я бросаю на нее взгляд. Она сидит с полузакрытыми глазами и медленно качает головой, как будто не очень понимая смысл моих слов. А может быть, она просто не хочет все это слушать.

– Лейк, мне нужна эта работа. Я шел к этому три года. У нас нет денег. Родители оставили кучу долгов, да еще за колледж надо платить... Я не могу уволиться.

Она смотрит на меня с таким выражением, будто я только что глубоко ее оскорбил.

– Уилл, я все понимаю. Мне бы и в голову не пришло просить тебя поставить под угрозу свою карьеру. Глупо лишаться всего, чего ты достиг, из-за девушки, с которой ты знаком всего неделю.

«А я бы это сделал! Если бы только ты попросила меня, я бы это сделал!» – мысленно возражаю я, но вслух произношу совсем другое:

– Я и не думаю, что ты стала бы просить. Просто хочу, чтобы ты понимала ситуацию.

– Я все прекрасно понимаю. Глупо даже думать, что нам имеет смысл идти на такой риск.

Она может отрицать очевидное, но как бы ни называлось чувство, которое я испытываю к ней, оно взаимно. Я вижу это по ее глазам.

– Мы оба прекрасно знаем, что все не так просто, – вырывается у меня, и я тут же жалею о сказанном. Эта девушка – моя ученица. У-ЧЕ-НИ-ЦА! Пора уже как-то смириться с этим фактом!

Мы оба молчим, но молчание лишь делает более очевидными те чувства, которые мы пытаемся подавить. Лейк начинает плакать, и, несмотря на то что голос разума кричит, что это делать не стоит, я начинаю ее утешать. Я обнимаю ее, и она утыкается лицом мне в грудь. Мне не хочется об этом думать, но я обнимаю ее в последний раз – безумно печально, но это правда. Как только мы расстанемся, все закончится. Я больше не смогу находиться рядом с ней – ведь тогда я ни о чем другом и думать не смогу. В глубине души я понимаю, что обнимаю ее на прощание.

– Мне так жаль... Если бы я мог что-то изменить. Но я должен поступить правильно... Ради Колдера. Не знаю, как мы будем жить дальше и какими станут наши отношения...

– Наши отношения? – в ужасе смотрит на меня Лейк. – Но... может быть, ты поговоришь с руководством? Скажи им, что мы не знали! Спроси, какие у нас есть варианты...

Она об этом даже не подозревает, но последние пять часов я только и занимался тем, что обдумывал варианты. Прокручивал в голове все возможные сценарии развития событий, мучительно пытаюсь придумать какой-то способ быть вместе с ней. Но тщетно. Такого способа нет.

– Я не могу, Лейк. Ничего не получится. Это невозможно.

Она отстраняется от меня, заметив, что из их дома вышли Кел и Колдер. Я неохотно отпускаю ее, понимая, что мне уже не доведется ее обнять. Скорее всего, это вообще наш последний разговор за пределами школы. Если я хочу поступить правильно, то должен отпустить ее.

Отдалиться от нее настолько, насколько это возможно.

– Послушай, Лейкен... – неуверенно начинаю я. – Нам нужно обсудить еще кое-что.

Она закатывает глаза, словно говоря, что понимает: ничего хорошего не предвидится, и молча ждет продолжения.

– Тебе нужно завтра пойти в канцелярию и отчислиться из моего класса. Думаю, нам стоит встречаться как можно реже.

– Но почему? – спрашивает она, и в ее голосе звучит боль. Именно этого я и боялся.

– Я прошу тебя сделать это не потому, что не хочу тебя видеть, а потому, что наши отношения неуместны. Мы должны расстаться.

– Неуместны?! – словно не веря своим ушам, кричит она, и боль ее в голосе сменяется возмущением. – Расстаться?! Да ты живешь через дорогу от меня!

В ее голосе столько страдания, лицо искажено гневом, глаза полны отчаяния! Я не в силах это слышать! Мне невыносимо смотреть, как она мучается, и не иметь возможности утешить ее. Если я сейчас же не выйду из машины, то начну гладить ее по голове и целовать, поэтому рывком открываю дверь, выскакиваю на улицу и останавливаюсь возле капота джипа.

Мне нужен глоток свежего воздуха.

Она тоже открывает дверь и смотрит на меня.

– Мы оба достаточно взрослые люди, чтобы понимать, что уместно, а что нет. Я никого тут, кроме тебя, не знаю. Пожалуйста, не проси меня делать вид, что мы с тобой вообще не знакомы! – умоляет она.

– Лейк, перестань! Так нечестно! Я не выдержу. Мы не сможем быть просто друзьями. У нас нет выбора.

Она и понятия не имеет, насколько я только что был близок к тому, чтобы повести себя совсем не по-дружески. Я никогда не смогу находиться рядом с этой девушкой и продолжать делать правильный выбор. У меня просто не хватит силы воли.

Лейк выходит из машины и забирает сумку.

– Значит, либо все, либо ничего – так? А все между нами, судя по всему, невозможно! – С силой хлопнув дверцей, она направляется в сторону дома, но вдруг резко останавливается и пинает гнома с разбитым красным колпачком. – Не волнуйся, завтра к третьему уроку ты от меня избавишься! – кричит она и, грохнув дверью, исчезает в доме, оставив меня с разбитым сердцем во дворе.

Мне совершенно не хотелось расстроить ее еще сильнее! В отчаянии я

ударяю кулаком по крыше джипа. Ну как я мог поставить ее в такое положение?! Черт!!!

Развернувшись, чтобы идти домой, я практически спотыкаюсь о Кела и Колдера. Они смотрят на меня, вытаращив глаза от удивления.

– Почему ты так злишься на Лейкен? Решил, что не хочешь быть ее парнем? – спрашивает Кел.

– Я не злюсь на нее, Кел, – взглянув на дом Лейк и потирая затылок, возражаю я. – Я... Я на себя злюсь.

Мальчики расступаются, давая мне пройти. Я слышу их шаги за спиной, но не оборачиваюсь. Взяв вещи из машины, захожу в дом, ставлю коробку с тестами на стойку, а потом оборачиваюсь и грозно смотрю на своих преследователей:

– Чего вам?

Они переглядываются, а потом Колдер нервно выпаливает:

– Мы просто хотели у тебя кое-что спросить. – Он садится на табурет у барной стойки и подпирает кулаком подбородок. – Майя сказала, что если Лейкен станет твоей девушкой и вы поженитесь, то мы с Келом станем светляками.

Мальчики смотрят на меня с надеждой.

– Свояками, – поправляю его я, – но Лейкен не станет моей девушкой. Мы просто друзья.

Кел подходит к стойке и садится на табурет рядом со мной:

– Она рыгала, да? Или лифчик у тебя в машине забыла? Хотя нет, она, наверное, не разрешила тебе попить кофе. Да?

– Ты прямо в точку попал, – вымученно улыбаюсь я, делая вид, что разбираю бумаги. – Все из-за этого чертова кофе! Она такая зануда!

– Ну вот, так я и знал, – удрученно кивает головой Кел.

– А может, вы попробуете еще раз? Может, она тебе на следующем свидании больше понравится? – спрашивает Колдер. – Мы с Келом хотим стать братьями-светляками!

– На свидание мы с Лейкен больше не пойдем. Мы просто друзья, – серьезно глядя на них, объясняю я. – Так что забудьте об этом.

Сев за стойку, я достаю ручку и беру верхний тест из коробки.

Черт! Это ее тест!

Ну конечно, а чего я ожидал? Я смотрю на лист бумаги, размышляя, станет ли когда-нибудь легче... Сейчас от одного взгляда на ее почерк у меня яростно колотится и до боли сжимается сердце. Я провожу пальцем по ее имени. Никогда в жизни не видел почерка красивее...

– Ну пожалуйста! – говорит Колдер.

Я морщусь. Погруженный в невеселые мысли, я напрочь забыл об их присутствии. Надо срочно с этим завязывать. Она моя ученица. Я переворачиваю ее тест, кладу на стопку к остальным и встаю.

– Кел, ты пиццу любишь?

– Нет, – мотает головой он, – я ее обожаю!

– Иди спроси у мамы, можно ли тебе остаться на ужин. Устроим мальчишник!

Кел вскакивает с места, и они с Колдером бегут к двери. Я снова сажусь за стойку и роняю голову на руки.

Весь этот день – один сплошной отстой!

* * *

Взявшись за ручку двери администрации, я раздумываю, стоит ли туда заходить. Я сегодня не в настроении общаться с миссис Алекс. К сожалению, она замечает меня через стеклянное окошко и машет мне рукой. Кокетливо так машет. С тяжелым вздохом я все-таки захожу.

– Доброе утро, Уилл! – говорит она.

Терпеть не могу ее отвратительную манеру говорить нараспев.

Я знаю, что еще пару лет назад она имела полное право называть меня просто «Уилл», но сейчас могла бы сделать одолжение и обращаться ко мне так же, как к остальным учителям. Однако я оставляю свои пожелания при себе.

– Доброе утро, – отвечаю я и протягиваю ей анкету. – Будьте добры, отдайте это на подпись мистеру Мёрфи, а потом отправьте по факсу моему куратору.

– Для тебя все, что угодно! – с улыбкой отвечает она и кладет листок в папку.

Я натянуто улыбаюсь в ответ и уже направляюсь в сторону двери, следя за тем, чтобы не допустить ничего, что она может счесть флиртом.

– Ой, кстати! – кричит она мне вслед. – Эта новая ученица, которую я вчера зарегистрировала! Она тут заходила и сказала, что не хочет на ваш факультатив ходить! Наверное, не любительница поэзии! Подпишите ее заявление, тогда я его приму. Она, наверное, сейчас ищет вас в аудитории!

– Спасибо, – бормочу я, выходя из кабинета.

Это просто невозможно! Я не могу взять и забыть о самом факте существования Лейк. Скорее всего, на работе я буду встречаться с ней каждый день: в коридоре, в столовой, на парковке... Естественно, я буду видеть ее и возле дома – а как иначе? Ведь мне стоит только выйти за порог или выглянуть в окно. Хотя, конечно, я не собираюсь за ней

подглядывать.

Кел и Колдер теперь просто неразлейвода, так что мне в любом случае придется общаться с ней по этому поводу. Избежать встреч с ней не удастся, как ни крути. Лейк совершенно права: ничего не получится. Вчера вечером я долго уговаривал себя, что она ошибается, но это не так. Видимо, единственный вариант – действительно попробовать остаться друзьями. Рано или поздно надо будет как-то решать эту ситуацию.

Я выхожу из-за поворота и вижу, что она стоит около аудитории и, прижимая заявление к стене, пытается подделать мою подпись. Моим первым порывом было развернуться и уйти, но я понимаю, что так или иначе мы с ней вынуждены будем общаться.

– Это плохая идея, – говорю я, как раз перед тем, как она уже собирается поставить за меня подпись.

Если кто и может распознать мой почерк и отличить его от чужого, так это миссис Алекс.

Лейк резко оборачивается и смотрит на меня. Покраснев, она смущенно смотрит на мою рубашку. Я прохожу мимо нее, открываю дверь аудитории и делаю ей знак зайти. Она подходит к столу и швыряет на него заявление:

– Ну, тебя еще не было, я и подумала, что незачем дергать тебя лишний раз.

Похоже, она не успела утром попить кофе... Я беру заявление, просматриваю его и поднимаю на Лейк удивленный взгляд:

– Русская литература?! Ты серьезно?

– Особого выбора не было: либо это, либо ботаника.

Я сажусь за стол и достаю ручку, чтобы подписать заявление, но вдруг осознаю эгоистичность своего поведения. Она выбрала поэзию в качестве факультатива, даже не подозревая, что этот предмет веду я. Она выбрала поэзию, потому что обожает ее. Я не имею права обрекать ее на изучение русской литературы до конца года только потому, что она мне небезразлична,

После минутного колебания я кладу ручку поверх заявления.

– Вчера... я много думал о том, что ты сказала. С моей стороны нечестно просить тебя уйти с моих занятий просто потому, что мне это неудобно. Мы живем в ста метрах друг от друга, наши братья вот-вот станут лучшими друзьями. К тому же занятия, надеюсь, помогут нам понять, как вести себя, находясь рядом. Хотим мы этого или не хотим, придется привыкнуть к этому. – Я достаю из сумки лист бумаги и расправляю его на столе. – Тем более что сложностей с моим предметом у тебя явно не предвидится.

Лейк берет тест у меня из рук и смотрит на оценку.

– Да я не против перейти, – тихо говорит она. – Понимаю, что в твоей ситуации...

– Спасибо, но так действительно будет лучше, – заверяю ее я, надевая колпачок на ручку и вставая из-за стола. – Все наладится. Правда ведь?

– Конечно, – с выражением недоверия на лице кивает она.

Я знаю, что жестоко ошибаюсь. Она могла бы переехать обратно в Техас прямо сегодня, а я все равно ощущал бы ее близость. Но опять же, при чем тут мои чувства? Надо подумать о ней! Я достаточно испортил ей жизнь на прошлой неделе, не хватало еще отправить ее изучать русскую литературу. Скомкав ее заявление, я бросаю его в мусорную корзину, но промахиваюсь. Лейк подходит к корзине и поднимает с пола бумажный комок.

– Что ж, тогда увидимся на третьем уроке, мистер Купер, – говорит она, опуская комок в корзину, и выходит из аудитории.

Ее «мистер Купер» вызывает у меня зубовой скрежет. Господи, ну почему я ее учитель?!

Как же мне хочется быть для нее просто Уиллом!

Глава 7

Медовый месяц

За последние пятнадцать минут на лице Лейк не дрогнул ни один мускул. Она впитывала каждое сказанное мной слово. Вспоминала день, когда мы познакомились, наше первое свидание. Вспоминала о том роковом стечении обстоятельств, из-за которого нам пришлось расстаться.

– Я больше не хочу об этом говорить, – признаюсь я, – по-моему, это тебя только расстраивает.

– Ну что ты, Уилл! – Она поворачивается ко мне. – Мне очень важно узнать, что ты тогда обо всем этом думал. Теперь я лучше понимаю, почему ты так поступал. Не знаю, с чего я тогда решила, что ты во всем винил меня.

– Ну как ты могла такое подумать, Лейк? – Я нежно целую ее в губы. – Мне никто был не нужен, кроме тебя!

– Поверить не могу, что мама велела тебе оставить ту записку, – с улыбкой произносит Лейк и кладет голову мне на плечо.

– Господи, Лейк, да я чуть под землю не провалился! Ты даже не представляешь, как я растерялся!

– Знаешь, ты ей правда понравился, – со смехом отзывается она. – С самого начала. Потом-то она вообще тебя полюбила. Разве что в середине всей этой истории она к тебе слегка охладела!

Я вспоминаю тот день, когда Джулия узнала, что Лейк – моя ученица. Представляю себе, как она встревожилась! Мало того что у нее своих проблем было предостаточно, так еще и дочери разбили сердце... Даже представить себе невозможно!

– Помнишь, как она узнала, что ты мой учитель? – спрашивает Лейк. – Ты бы видел, какое у тебя было лицо, когда она шла к тебе разбираться! Ужас! Я боялась, что ты решишь, будто я ей все рассказала, потому что разозлилась на тебя!

– В тот день она меня ужасно напугала, Лейк! Джулия умела быть суровой! Конечно, после того как в тот же вечер мы поговорили с ней еще раз, я понял, насколько она ранима. И все-таки я ее до смерти боялся!

– В смысле?! – вздрагивает Лейк и смотрит на меня. – Что значит «поговорили с ней еще раз»?!

– Она заходила ко мне домой. Я тебе разве не рассказывал?

– Нет, – сухо отвечает Лейк, как будто я предал ее. – А почему она

вернулась? Что сказала?

– Подожди, лучше я расскажу тебе все сначала. Начнем с вечера предыдущего дня. На слэме я прочитал посвященное тебе стихотворение...

– Да ладно! – пораженно смотрит на меня Лейк. – И ты мне никогда не рассказывал?!

– Я был на тебя обижен, – пожимаю плечами я. – Стихотворение нелестное.

– Все равно хочу его услышать!

Эта девушка

Надеюсь, что вся эта история будет развиваться подобно диете: говорят, на третий день уже не так адски хочется есть. Я правда на это надеюсь. В аудитории она сидит в трех метрах от меня, и потому у меня в голове бушует ураган. Чего мне стоит хотя бы не смотреть на нее весь третий урок! На самом деле все сорок пять минут я только и занимаюсь тем, что стараюсь на нее не смотреть. В принципе, это удастся мне неплохо. А как иначе, если Гевин наблюдает за мной, словно зоркий ястреб?! Вот как сегодня. Еще никогда я с таким нетерпением не ждал выходных.

Осталось продержаться один день. Еще один день.

– Майя, сегодня я, наверное, немного задержусь. Я выступаю, поэтому, скорее всего, останусь до конца.

– Да пожалуйста, – бросает она, плюхаясь на диван с коробкой мороженого.

Прихватив ключи от машины, я направляюсь к выходу и, пока иду к машине, невольно бросаю взгляды на дом через дорогу. Клянусь, занавеска в ее гостиной только что колыхнулась и задернулась! Я останавливаюсь, смотрю на окна минуту-другую, но занавеска висит совершенно неподвижно.

* * *

Я прихожу в клуб одним из первых, и мне удастся занять место поближе к сцене. Надеюсь, что энергия зрителей позволит мне хоть как-то прийти в себя. Неловко признавать, но расставание с Лейк причиняет мне гораздо больше боли, чем уход Возн. Впрочем, тогда я мучительно переживал смерть родителей, так что сравнивать сложно. И все-таки как можно так страдать из-за разрыва с девушкой, которая, по сути, и девушкой моей не была?!

– Привет, мистер Купер! – раздается голос Гевина, и они с Эдди подсаживаются ко мне за столик.

В отличие от прошлого четверга сегодня я искренне рад их компании.

– Гевин, ну сколько можно?! Я же просил называть меня Уилл! Странно слышать, как ты обращаешься ко мне как к учителю за пределами школы.

– Привет, Уилл! – ехидно подмигивает мне Эдди. – Порадуешь нас сегодня чем-нибудь?

Вообще-то, я собирался выступить, но теперь, взглянув на Гевина, засомневался. Большинство моих стихотворений сугубо метафорические, но в этом все будет понятно. Хотя какая разница? Он и так знает, что я чувствую.

– Да, – киваю я. – Буду читать кое-что новое.

– Класс! А это ты для той девушки написал? А где она, кстати? – Эдди скользит взглядом по залу. – По-моему, на прошлой неделе вы с ней уходили вместе... Это твоя девушка?

Мы с Гевинком переглядываемся. Он знаком дает мне понять, что ничего ей не рассказывал, поэтому я пытаюсь взять себя в руки и спокойно отвечаю:

– Нет, просто подруга.

– Подруга?! – надувает нижнюю губку Эдди. – Ну во-о-о-от... Надо тебя срочно с кем-то познакомить. – Она наклоняется вперед и ложится подбородком на руки. – Гевин, с кем бы нам познакомить Уилла?

– Эдди! – закатывает глаза Гевин. – Тебе лишь бы кого-нибудь с кем-нибудь познакомить! Тебе невдомек, что некоторые люди вполне способны некоторое время обойтись без таких отношений! – Он явно пытается сменить тему, и я ценю его усилия.

– А вот и нет! Только тех, кто явно в этом нуждается. – Эдди поворачивается ко мне. – Без обид, Уилл! Просто... понимаешь... Ты никогда не ходишь на свидания. А стоило бы!

– Эдди, перестань! – резко обрывает ее Гевин.

– А что?! Всего два человека, Гевин! На этой неделе я говорила тебе только о двоих. Не так уж и много! Кстати, по-моему, я уже знаю, с кем стоит познакомить Лейкен!

Услышав имя Лейк, я тут же слегка подаюсь вперед. Гевин следует моему примеру.

– Думаю, я попробую сделать так, чтобы Ник пригласил ее на свидание, – говорит Эдди, словно размышляя вслух.

Гевин уже собирается что-то ей ответить, но тут на сцену вызывают

жертву. Я с облегчением вздыхаю, когда этот разговор обрывается, но не могу не отметить про себя, что ощутил укол ревности.

А чего я, собственно, ожидал? Конечно, она будет с кем-нибудь встречаться. Ей еще целый год в школе учиться, и, вполне естественно, у нее может появиться бойфренд. Однако это не значит, что меня это порадует.

– Скоро вернусь, – говорю я и выхожу из-за стола.

Прошло всего пять минут, а мне уже нужна передышка от непрерывной болтовни Эдди. Когда я возвращаюсь из туалета и сажусь за столик, жертва уже закончила выступление, и ведущий первым вызывает на сцену меня.

– Ни пуха ни пера! – шепчет Гевин, когда я встаю с места.

– Ну это же не экзамен, Гевин! – толкает его в бок Эдди.

Я поднимаюсь на сцену и подхожу к микрофону. Я уже давно заметил, что если сконцентрироваться и по-настоящему вложить чувства в то, что пишешь, то потом выступление становится своего рода терапией. После всего, что произошло на этой неделе, она мне не помешает.

– Мое стихотворение называется «Эта девушка», – объявляю я, стараясь не смотреть на Гевина, хотя ясно, что, едва услышав название, он прекрасно понял, что речь пойдет о Лейк. Я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и начинаю:

Вчера ночью мне приснился сон об этой девушке.

Ах, эта девушка.

Во *сне* я стоял на краю *скалы*

и смотрел *вниз* на огромную *бесплодную долину*.

На мне не было *обуви*, и камни

осыпались под моими стопами.

Как *легко* было бы сделать шаг назад,

отойти от края *утеса*,

отойти от *неизбежно predetermined* жизни, которая

каким-то образом мне *предначертана*.

От жизни, которая *каким-то образом* стала единственно возможной.

Я так живу уже *два года* и *смирился* с этим.

Я не *радуюсь* этому,

но *смирился*.

Здесь было мое место.

И пусть оно было мне *не по душе*, пусть я *мечтал*

о *реках, горах* и *деревьях*,

пусть я *мечтал* слышать их *песни*...

Услышать их... *поэзию*...

Яснее некуда – то, о чем я мечтал,
мне *не дано*.

И так решил не я – так решила судьба.

Поэтому я поступил единственно возможным образом.

Единственно *правильным* образом.

Приготовился к тому, чтобы *радоваться* такой жизни.

Я собрался с духом и сделал *глубокий* вдох.

Я положил *руки* на край *скалы* и начал *опускаться*
на *камни*, падающие вниз с самого *края*.

Крепко цепляясь пальцами за трещины в скале, я медленно
начал спускаться *вниз*.

Вниз, в *огромную бесплодную долину*,

в которую превратилась моя
жизнь.

Но *тут*...

Тут появилась эта *девушка*...

Бог ты мой, эта *девушка*...

Она возникла из *ниоткуда* и встала *прямо* передо мной

на краю той *скалы*. Она посмотрела на меня *сверху вниз*

своим *печальным* взглядом, уходящим *вглубь* на *миллионы*
километров...

а потом *улыбнулась* мне.

Эта девушка *улыбнулась* мне.

Ее *взгляд поразил* меня до *глубины души* и *пронзил*

мое *сердце* подобно *миллиону* стрел Купидона,

одна за другой, *одна* за *другой*,

одна за *другой*...

Прямо...

В самое...

Сердце...

Теперь переходим к *той* части сна, где *большинство* девушек

склонились бы надо мной, взяли бы меня за *руки* и попросили

не *уходить*... не *делать* этого. В *этой* части сна

большинство девушек вцепились бы мне в *запястья*, *уперлись*

в землю *ногами* и *тащили* бы меня *вверх*

из *последних сил*. В этой части сна

большинство девушек *кричали* бы что есть мочи,

звали бы на помощь, делали бы все *возможное* и *невозможное*,

чтобы *спасти* меня...

Спасти

от этой

огромной

бесплодной

долины

там, *внизу*.

Но только не *эта* девушка.

Эта девушка не такая, как остальные.

Эта девушка...

Эта девушка поступила еще *лучше*.

Сначала она уселась на краю *скалы, скинула*

ботинки, и мы вместе смотрели, как они *падают*.

Они *падали* и *падали, падали* до тех пор, пока не *приземлились*.

Один ботинок поверх другого. Они оказались в этой

огромной бесплодной долине.

Затем она *сняла резинку* с запястья,

завела руки за спину

и собрала *волосы* в *хвост*.

А потом эта девушка... Эта *девушка*

поставила ладони рядом с *моими* на самый *край*

скалы и *медленно* начала *спускаться*

с нее.

Она упиралась *босыми ногами* в *острые камни*,

совсем как я. *Правой рукой* она

цеплялась за *трещины в скале*, а потом

положила свою *левую* руку

прямо...

поверх...

моей.

Она посмотрела вниз, на *огромную бесплодную долину* *внизу*,

а потом снова взглянула на меня и *улыбнулась*.

Она *улыбнулась*.

Она *посмотрела* на меня, *улыбнулась* и спросила:

«Ты *готов?*»

О да.

Я *наконец-то* *готов*.

Впервые за всю свою *жизнь* я настолько *готов*.

О да...

Эта *девушка*.

Моя мама *полюбила* бы эту девушку.

Как жаль, что она оказалась всего лишь *сном*.

* * *

Я закрываю глаза, отключаясь от шума толпы, и жду, когда восстановится дыхание, потом спускаюсь со сцены и сажусь за столик. Эдди вскакивает с места, вытирая слезы с глаз, а потом хмуро смотрит на меня:

– Не хочешь для разнообразия хоть раз прочитать что-нибудь порадостнее? – выпаливает она и убегает в туалет – наверное, подправить косметику.

Я смеюсь и поглядываю на Гевина, но он смотрит на меня очень серьезно:

– Уилл, по-моему, я все понял.

– Насчет...

– Насчет тебя, – машет в сторону сцены Гевин, – и твоего... положения.

Я невольно подаюсь вперед:

– Какого еще положения?!

– Я знаю одну девушку, она с моей мамой работает. Твоего возраста, симпатичная, учится в колледже...

– Нет! – качаю головой я. – Нет, без шансов! – повторяю я, откидываясь на спинку дивана.

– Уилл, но ты не можешь быть с Лейкен! Если твое стихотворение имеет какое-то отношение к ней – а я думаю, что оно именно о ней, – тебе срочно нужно найти способ забыть ее. Если ты это не сделаешь, твоя карьера полетит ко всем чертям из-за этой девчонки! Девчонки, с которой вы один раз сходили на свидание! Один раз!

– Мне не нужна девушка, Гевин. – Слушая его рассуждения, я лишь качаю головой. – Когда мы познакомились с Лейк, я даже не думал о том, чтобы найти кого-то. Мне и так неплохо. Поверь, меньше всего я хочу вляпаться в очередную трагическую историю с женским полом!

– Не надо никаких трагических историй! Тебе надо заполнить пустоту, образовавшуюся в твоей жизни. Тебе обязательно надо с кем-то встречаться. Эдди, как выясняется, права!

– Насчет чего это я оказалась права? – спрашивает Эдди, возвращаясь к нам.

– Насчет Уилла! – показывает на меня Гевин. – Ему надо с кем-то встречаться! Как думаешь, они с Тейлор подойдут друг другу?

– Как же я о ней сразу не подумала! – радостно восклицает Эдди. – Точно! Уилл, ты будешь от нее просто в восторге!

– Нет уж, ребята, сводничеством занимайтесь без меня! – Я встаю и надеваю куртку. – Ладно, мне пора домой. Увидимся завтра в школе.

Эдди и Гевин тоже встают.

– Завтра возьму у нее телефон, – обещает Эдди. – Что скажешь о вечере следующей субботы? Можем устроить двойное свидание: мы с Гевинком и вы.

– Это без меня, – повторяю я и ухожу, не оборачиваясь.

Глава 8

Медовый месяц

– Ладно, – говорит Лейк. – Во-первых, признаю: стихотворение просто потрясающе красивое!

– Как и его муза! – галантно отвечаю я и наклоняюсь, чтобы поцеловать ее, но она шутливо отталкивает меня.

– А во-вторых, – прищурившись, продолжает Лейк, – есть вопрос: значит, Гевин и Эдди пытались тебя с кем-то свести? – Она фыркает и садится на постели. – Хорошо, что ты не согласился! Не важно, что у нас с тобой не было шансов. После того что между нами произошло, я просто не смогла бы ни с кем встречаться!

Я быстро меняю тему, пока до Лейк не дошло, что я-то, конечно, не согласился, но Эдди меня особенно и не спрашивала, а она девушка настойчивая.

– Ладно, теперь насчет вечера пятницы, – продолжаю я, переводя разговор на другую тему. – Твоя мама.

– Ага, – кивает она, устраиваясь поудобнее рядом со мной и закидывая свою ногу на мою. – Моя мама.

Секреты

– Снова паста?! – стонет Колдер, берет тарелку с едой и садится за барную стойку.

– Если не нравится – вперед, учись готовить.

– А мне нравится, – говорит Кел. – У меня мама часто готовит курицу с овощами, наверное, поэтому я такой маленький – недокормленный!

– Недокормленный! – смеясь, поправляю его я.

– Я так и сказал! – закатывает глаза Кел.

Я беру глубокую тарелку и кладу себе пасты... снова. Мы и правда едим ее как минимум три раза в неделю. Я не понимаю, зачем готовить какие-то дорогие блюда, если в основном мы ужинаем вдвоем: я и мой девятилетний брат. Я усаживаюсь напротив мальчиков и наливаю всем чай.

– Пора играть в «отстой-отпад»! – провозглашает Колдер.

– Что еще за «отстой-отпад»? – спрашивает Кел.

Стоит Колдеру начать объяснять правила игры, как раздается стук в дверь. Я иду открывать и с удивлением обнаруживаю стоящую на пороге Джулию. Ее присутствие меня смущает, особенно после того, как она узнала, что я работаю учителем в школе Лейк. Она смотрит на меня с непроницаемым лицом, засунув руки в карманы кофты.

– Ой. Здравствуйте, – приветствую ее я, стараясь не показать, что нервничаю. – Кел только что сел с нами ужинать. Если хотите, я отправлю его домой, как только он доест.

– Вообще-то, – говорит она, бросая поверх моего плеча взгляд на мальчиков, – я хотела поговорить с тобой, если у тебя найдется пара минут, – шепотом добавляет она.

Она явно волнуется, поэтому я начинаю нервничать еще сильнее.

– Конечно. – Я делаю шаг в сторону, приглашая ее пройти. – Мальчики, можете поесть в комнате Колдера. Нам с Джулией надо поговорить.

– Но мы же еще даже в «отстой-отпад» не поиграли! – протестует Колдер.

– Поиграете у тебя в комнате, а свои задумки я тебе потом расскажу.

Мальчики забирают тарелки и стаканы и уходят в комнату Колдера, прикрыв за собой дверь. Обернувшись, я вижу, что Джулия улыбается.

– «Отстой-отпад»? Это вы так друг другу рассказываете, что сегодня случилось хорошего и плохого?

– Да, – с улыбкой киваю я. – Мы уже полгода так играем. – Я сажусь рядом с ней на диван. – Нам посоветовал его терапевт. Хотя в оригинале

игра, конечно, так не называлась. «Отстой-отпад» придумал я, чтобы ему было интереснее.

– Отпад, – смеется Джулия. – Надо нам с Келом тоже такую игру завести.

Я едва заметно улыбаюсь в ответ, но молчу. Пока не совсем ясно, зачем она пришла, поэтому я просто жду объяснений. Она делает глубокий вдох и фокусирует взгляд на семейной фотографии, висящей на стене напротив.

– Твои родители? – спрашивает она, показывая на фото.

– Да, – взглянув на фото, отвечаю я и устраиваюсь поудобнее. – Мою маму звали Клэр. А папу – Димас. Он был наполовину пуэрториканец, его назвали в честь бабушки по материнской линии.

– Теперь ясно, почему ты немножко смуглый.

Джулия явно не хочет переходить к делу и по-прежнему смотрит на фотографию родителей...

– А можно спросить, как они познакомились? – спрашивает она.

Всего пару часов назад она, узнав, что я учитель Лейк, готова была мне голову оторвать, а теперь вдруг решила познакомиться поближе? Как бы то ни было, я не в том положении, чтобы ей перечить, поэтому просто поддерживаю разговор.

– Они познакомились в колледже. Точнее, мама училась в колледже, а папа играл в группе, которая часто выступала в студенческом городке. Он поступил в колледж только через несколько лет после их знакомства. Мама работала в студенческом клубе, помогала с организацией концертов. Вот так они и встретились. Он пригласил ее на свидание, а два года спустя они поженились.

– А кем они работали?

– Мама работала в отделе кадров. Папа был... Он преподавал английский, – быстро поправляюсь я, не желая произносить вслух слово «учитель». – Не самые высокооплачиваемые должности, но они любили свою работу.

– Это самое главное, – вздыхает Джулия.

Я киваю в знак согласия, и после этого повисает неловкое молчание. Джулия медленно обводит взглядом фотографии на стене. Мне кажется, она хочет завести разговор о том, что случилось сегодня днем, но не знает как.

– Джулия, послушайте, – поворачиваюсь к ней я, – мне очень жаль, что между Лейк... между Лейкен и мной все так вышло. Я поставил ее в очень нехорошее положение, это нечестно по отношению к ней, и я ужасно себя чувствую... Это я во всем виноват.

– Я знаю, что ты не специально, Уилл, – улыбается она и похлопывает меня по руке. – Знаю. Это просто жуткое стечение обстоятельств – вот и все, но... – Она вздыхает и качает головой. – Ты мне очень нравишься. Думаю, ты классный парень... Все это как-то неправильно... Она еще ни разу не влюблялась по-настоящему, и мне страшно вспоминать, какое у нее было лицо, когда она пришла домой в прошлый четверг. Я знаю, что она хочет поступить правильно, но, с другой стороны, уверена, что она отдала бы все на свете, лишь бы вернуть тот вечер. Впервые после смерти ее отца я видела свою дочь такой счастливой.

Ее слова подтверждают, что Лейк испытывает ко мне такие же сильные чувства, как и я к ней, и от этого мне становится еще тяжелее. Понимаю, что Джулия рассказывает мне это не просто так, но лучше бы мне это не слышать.

– Я вот что пытаюсь сказать... Все в твоих руках, Уилл. Я знаю, что у нее хватит сил сопротивляться зову сердца, поэтому хочу, чтобы ты пообещал мне, что выстоишь. Ты рискуешь куда большим, чем она. Такова реальность. Если вы последуете голосу сердца, а не разума, произойдет катастрофа.

Нервно поерзав на диване, я обдумываю ответ. Джулия из тех людей, кого невозможно обмануть, поэтому лучше всего быть с ней предельно откровенным.

– Она мне нравится, Джулия. Сам не знаю почему, но мне небезразлична ее судьба. Мы знакомы чуть больше недели – и тем не менее. Она мне очень небезразлична. Именно поэтому вам не о чем беспокоиться. Я очень хочу помочь Лейкен пережить все это – какими бы ни были ее чувства. Единственный способ, как это можно сделать, – постараться сохранять сугубо профессиональные отношения. Что я и сделаю, обещаю вам!

Я слушаю себя со стороны и должен признать, что честен с ней на сто процентов. Но если я буду на те же сто процентов честен с собой, то придется признать, что я не обладаю такой силой воли. Поэтому надо сохранять дистанцию.

– Ты хороший человек, Уилл, – произносит Джулия. – Надеюсь, однажды ей повезет и она встретит мужчину, хотя бы вполовину такого хорошего, как ты. Просто пусть это случится не сейчас. Ты меня понимаешь? Ну и уж точно не при таких обстоятельствах.

– Понимаю. Мне бы тоже этого сейчас не хотелось, – тихо добавляю я.

И это правда. Если я в чем и уверен, так это в том, что не хочу нагружать Лейкен своими многочисленными обязанностями и

ответственностью. Она еще совсем юная, и в отличие от меня у нее есть шанс на светлое будущее. Я не имею права лишать ее этого шанса.

Джулия откидывается на спинку дивана и снова смотрит на фотографию моих родителей. Я внимательно наблюдаю за ней. Теперь ясно, откуда у Лейк этот задумчивый взгляд. Хотелось бы знать, были ли у них поводы для грусти, до того как умер отец Лейк. Интересно, а в моем взгляде тоже сквозит такая тоска, когда я думаю о моих родителях?

Джулия дотрагивается рукой до щеки, вытирая покотившуюся из уголка глаза слезинку. Я не знаю, почему она плачет, но почти физически ощущаю ее печаль. От нее прямо веет горем.

– Как ты это пережил? – шепчет она, продолжая смотреть на фото.

– Что пережил? – переспрашиваю я, поворачиваясь к фотографии. – Их смерть?

Она кивает, не глядя на меня. Я прикрываю глаза, скрещиваю руки на груди, кладу голову на спинку дивана и вдруг понимаю, что никогда ни с кем об этом не говорил. Только на слэме выступал со стихами об их смерти, а чтобы просто рассказать – ни разу...

– Это было... ну как будто все кошмары, какие мне приснились за всю мою жизнь, в одно мгновение оказались реальностью.

Джулия зажмуривается, зажимает рукой рот и быстро отворачивается.

Она не может больше сдерживать слезы. Я подвигаюсь к ней, обнимаю ее за плечи и прижимаю к себе. Я знаю, что она плачет не из-за того, что я сказал, а по какой-то другой причине. И дело не в нас с Лейк. Происходит что-то куда более серьезное. Намного более серьезное.

Я поворачиваю ее к себе лицом:

– Джулия, что случилось?

– Мне пора, – говорит она сквозь слезы, встает и поспешно выходит на улицу.

Я иду за ней следом. Она стоит во дворе и рыдает. Я неуверенно подхожу к ней, но не знаю, как себя вести. Имею ли я право как-то помочь ей.

– Послушайте, Джулия, что бы ни произошло, вам нужно об этом поговорить. Мне можете не рассказывать, но поговорить нужно. Хотите я схожу за Лейкен?

– Нет! – выпаливает она. – Ни в коем случае! Не хочу, чтобы она видела меня в таком состоянии!

– Все в порядке? – кладя руки ей на плечи, спрашиваю я. – С вами все в порядке?

Она отводит взгляд, и я понимаю, что попал в точку. У нее какая-то

серьезная проблема. Джулия отходит от меня на несколько шагов, вытирает глаза рукавом рубашки и делает несколько глубоких вдохов, стараясь снова не разрыдаться.

– Я еще не готова рассказать им, Уилл. Пока не готова, – шепчет она, обнимая себя за плечи и глядя на дом. – Я хочу, чтобы они успели хоть немножко привыкнуть к жизни здесь. В этом году и так столько всего случилось... Я не могу рассказать им. Это разобьет им сердце.

Она не произносит этого вслух, но я и так понимаю: она больна.

Я крепко обнимаю ее. Мне хочется утешить ее. Совсем недавно она пережила несчастье, и вот теперь еще одно... Я обнимаю ее от Лейк, от Кела и от нас с Колдером. Обнимаю, потому что не знаю, что сказать.

– Я ничего ей не скажу. Обещаю.

Я действительно не знаю, что сказать, как поддержать ее... Должно быть, очень тяжело знать, что двое твоих детей останутся в мире совсем одни. Мои родители хотя бы не знали заранее, что произойдет, поэтому были избавлены от той тяжелой ноши, которая обременяет Джулию.

Наконец она высвобождается из моих объятий и снова вытирает глаза:

– Отправь, пожалуйста, Кела домой, когда он доест. Мне на работу пора.

– Джулия, если вы захотите поговорить... – неловко начинаю я, но она молча улыбается и уходит.

А я остаюсь стоять перед домом с ощущением жуткой пустоты в душе. Теперь, когда я знаю, что предстоит пережить Лейк, мне еще сильнее хочется защитить ее. Я на своем опыте знаю, каково ей придется, – такого я и злейшему врагу не пожелаю. И уж точно не пожелаю такого девушке, в которую влюблен.

Глава 9

Медовый месяц

Лейк молча встает с кровати и идет в ванную, на ходу смахивая слезы. Это и правда была плохая идея. Вот поэтому я не люблю ворошить прошлое...

– Лейк, – окликаю ее я, заходя в ванную. Она стоит перед зеркалом, промокая глаза салфеткой. Я обнимаю ее сзади и кладу голову ей на плечо. – Прости меня! Давай больше не будем об этом...

– Уилл, – шепчет она, глядя на мое отражение в зеркале, а потом оборачивается и обнимает меня за шею. – Я же понятия не имела, что ты уже тогда знал, что она больна...

– Я не мог просто взять и рассказать тебе. – Я прижимаю ее к себе. – Мы тогда с тобой вообще не разговаривали. К тому же я обещал твоей маме. Я бы никогда ее не обманул!

Она смеется, уткнувшись в мою рубашку. Я слегка отстраняюсь и, недоуменно глядя на то, как она смеется до слез, спрашиваю:

– Ты чего?

– Уж поверь мне, – выговаривает она, – я-то знаю, как ты держишь данные моей маме обещания! Последний раз ты ей кое-что пообещал, отчего мы страдали целый год! – восклицает она, кидает салфетку в мусорное ведро, хватая меня за руку и тащит обратно в постель.

– Прямо уж так страдали! – смеюсь я, вспоминая прошлую ночь. – Вообще-то, я уверен, что ожидание того стоило! Стоило года ожидания!

Она кладет руку между щекой и подушкой, а потом поворачивается ко мне. Я глажу ее по волосам, убираю выбившиеся прядки за уши, а потом целую в лоб.

– Кстати, насчет страданий! Ох, Гевин и Эдди получают, когда мы увидимся! Надо же, пытались тебя с кем-то свести!

Убрав руку от ее лица, я опускаю ее на постель между нами, отвожу взгляд и переворачиваюсь на спину. По какой-то необъяснимой причине я не могу прикасаться к Лейк, если чувствую, что не говорю всей правды. Если уж она решила обсудить это с Эдди, то лучше мне сразу выложить все как есть. Иначе нам всем не поздоровится!

– Э-э-э... Лейк... – неуверенно начинаю я.

– Да ладно, только не говори мне... – разочарованно произносит она.

Вот ведь какая догадливая, думаю я, но пока молчу.

Она садится на постели, берет меня за подбородок, заставляет посмотреть ей в глаза и недоверчиво спрашивает:

– Ты ходил на СВИДАНИЕ?!

Я примирительно глажу ее по щеке, надеясь как-то смягчить впечатление от того, что собираюсь ей рассказать. Она отбрасывает мою руку, садится на коленки и упирается в них руками:

– Ты серьезно?

– Послушай, Лейк, ты же знаешь Эдди, – нервно смеюсь я, пытаюсь представить все в шутливом свете. – Я не хотел идти! К тому же свидание было всего одно!

– Всего одно?! И это мне заявляет человек, который влюбился после первого же свидания?! – кричит она, соскакивает с постели и плюхается в стоящее рядом кресло на колесиках. – Только не говори, что вы еще и целовались! – грозно восклицает она.

Я сдвигаюсь на край кровати, беру Лейк за руки и смотрю ей в глаза:

– Я люблю тебя. И сейчас я здесь. С тобой. Я твой муж. Какая разница, что произошло на этом дурацком свидании два года назад?

– Ты ПОЦЕЛОВАЛ ее?! – Она, отдергивает руки, упирается ногой в край кровати и вместе с креслом отодвигается подальше.

– Она поцеловала меня, – оправдываюсь я. – И, Лейк... Господи, да это и рядом не стояло по сравнению с нашими поцелуями! – продолжаю я, но она только сердито смотрит на меня и молчит. – Ну ладно, – перестаю улыбаться я, – не смешно, согласен. Но если серьезно, ты делаешь из мухи слона! Вспомни, ты ведь тоже согласилась пойти на свидание с Ником! Помнишь? Так в чем разница?

– В чем разница? – медленно произносит она. – Да в том, что я на то свидание так и не пошла! И не целовалась с ним! Вот в чем разница, к твоему сведению!

Наклонившись вперед, я беру за ручки кресла и придвигаю его к себе так, что оно встает ровно у меня между ног. Беру ее за подбородок и заставляю посмотреть мне в глаза:

– Лейкен Купер, я люблю тебя! Люблю тебя с той самой секунды, как впервые увидел, и не переставал любить тебя ни на мгновение! На свидании с Тейлор я думал только о тебе, клянусь!

– Тейлор? – морщит носик она. – Мне плевать, как ее зовут, Уилл! Ты зачем мне сказал? Теперь меня будут всю жизнь раздражать девушки по имени Тейлор!

– А мне, значит, надо теперь испытывать отвращение ко всем Хавьерам и Никам? – спрашиваю я.

Она улыбается, но тут же берет себя в руки и делает грозное лицо. Пытается хорошенько наказать меня!

– Крошка, ты такая милая, когда ревнуешь! – Я наклоняюсь вперед и нежно касаюсь губами ее рта. Она тихо вздыхает в знак того, что готова сдаться, и слегка приоткрывает губы навстречу поцелую. Я глажу ее по плечам, по талии, а потом поднимаю с кресла и сажаю себе на бедра, одновременно опускаясь на спину.

Одной рукой я обнимаю ее за поясницу и прижимаю к себе, а другой глажу по волосам. Потом крепко целую ее, переворачиваю на спину... В общем, всеми силами пытаюсь доказать ей, что у нее нет никаких причин для ревности. Но как только я оказываюсь сверху, она отталкивает меня:

– Значит, твои губы касались еще чьих-то? После нашего первого поцелуя?!

Я утомленно падаю на спину рядом с ней:

– Лейк, перестань! Да не думай ты об этом!

– Не могу, Уилл! – Она поворачивается ко мне и надувает губки, прекрасно зная, что я не могу устоять против этой гримаски. – Мне нужно знать подробности! А то я представляю себе, как ты повел другую девушку на идеальное первое свидание! Сделал горячие бутерброды с сыром! Играл с ней в «Ты бы предпочел...»! А потом вы почувствовали влечение друг к другу! А потом вы весь остаток вечера целовались как сумасшедшие!

Она так забавно описывает наше первое свидание, что я не могу не рассмеяться! Наклонившись к ней, я прижимаюсь ртом к ее уху и шепчу:

– Так вот как у нас с тобой все было? Целовались как сумасшедшие?

Лейк дергается в сторону и награждает меня таким убийственным взглядом, что я понимаю: мне не отвертеться.

– Ладно, – со стоном сдаюсь я. – Если я тебе расскажу, ты мне разрешишь снова целоваться с тобой как сумасшедшему?

– Обещаю! – торжественно произносит она.

Другое свидание

Звенит звонок на перемену, и Лейк снова выходит из аудитории первой. Между нами висит такое напряжение, что кажется, в одном помещении со мной ей тяжело дышать. Я подхожу к столу и сажусь, ожидая, пока все выйдут в коридор.

– Вечером в субботу. В семь часов сможешь? – спрашивает Гевин.

– Что – смогу? – удивленно спрашиваю я, когда до меня доходит, что он и правда ожидает моего ответа.

– Пойти на свидание с Тейлор. Мы идем на двойное свидание, Эдди от этой идеи не отговорить.

– А ты отговори. Я не пойду.

Гевин смотрит на меня несколько секунд, словно не понимая смысл моего ответа. Я совершенно недвусмысленно сказал ему, что никуда не пойду. Так в чем проблема?

– Ну пожалуйста! – просит он.

– Не надо делать такие щенячьи глазки, Гевин! Это работает только с девушками!

– Она от меня не отстанет, Уилл! – Гевин, повесив нос, садится за первую парту. – Если Эдди что-то втемяшилось в башку, лучшее, что можно сделать, – это согласиться.

– Нет, – качаю головой я, – никуда я не пойду. К тому же это была твоя идея! Так что тебе и страдать от последствий. Я-то при чем?

Гевин откидывается на спинку стула и в отчаянии закрывает лицо руками. Не успел я достаточно насладиться вкусом победы, как он вдруг наклоняется вперед и решительно произносит:

– Если не пойдешь, я все расскажу!

– Что – все? – спрашиваю я, разъяренно глядя на него.

– Пойду к директору Мёрфи и расскажу ему... – Гевин поглядывает на дверь, чтобы убедиться в том, что нас никто не слышит. – Расскажу, что ты ходил в клуб со своей ученицей. Ты уж прости, что мне приходится опускаться до шантажа, Уилл, но ты не знаешь, на что способна Эдди, если ей что-то взбрело в голову. Ты должен согласиться. Хотя бы ради меня!

Да он что, действительно пытается меня шантажировать?!

Я беру ручку, достаю из ящика план уроков и со смехом отворачиваюсь:

– Ничего ты никому не расскажешь, Гевин!

Он стонет от отчаяния, ведь я прекрасно знаю, что он никогда не

опустится до такой подлости.

– Ты прав... Не скажу... Но тебе не кажется, что ты у меня в долгу? Я тебе верой и правдой, можно сказать... Уилл, пожалуйста! Всего одно свидание! Одна крошечная услуга! Какая тебе разница?

– Большая. В зависимости от того, с кем идешь на свидание, – отвечаю я, ведь нам с Лейк хватило одного свидания, и вся моя жизнь стала напоминать ушедший в штопор самолет...

– Если тебе от этого легче, то говорить почти не придется, поверь мне. Тейлор и Эдди нам рта открыть не дадут. Можем есть свои стейки и что-нибудь мычать раз в пять минут – большего им не требуется. Поужинаем, и все, я тебе обещаю!

Я действительно перед ним в долгу, да еще в каком! Только Гевин знает о нашей с Лейк ситуации и ни разу не дал мне повода волноваться. Не знаю, как Эдди удастся заставить его плясать под свою дудку. Ну да ладно... Сдаюсь. Отложив ручку в сторону, я строго смотрю на него и отвечаю:

– Хорошо. Но при одном условии.

– Все, что пожелаешь! – просияв, обещает он.

– Я не хочу, чтобы Лейк об этом узнала. Скажи Эдди, что я пойду, но придумай, как сделать так, чтобы она никому не разболтала. Скажи, что мне не положено с вами встречаться за пределами школы... Ну или еще что-нибудь...

– Спасибо тебе, Уилл! – вставая и собирая вещи, восклицает Гевин. – Ты меня просто спас! А вдруг Тейлор тебе понравится? Ты постарайся отнестись к ней непредвзято!

* * *

Я вхожу в ресторан и сразу вижу всех троих в кабинке в дальнем углу зала. Сделав глубокий вдох, я неохотно направляюсь в их сторону. Подумать только, я иду на свидание! Но не с Лейк, не с той единственной девушкой, с которой мне хочется быть рядом...

С той девушкой, с которой мне не суждено быть рядом.

«Постарайся отнестись к ней непредвзято», – мысленно повторяю я слова Гевина. С тех пор как три недели назад мы с Лейк познакомились, я не могу думать ни о ком, кроме нее. Конечно, я сделал правильный выбор, прервав отношения, которые могли бы разрушить мою карьеру, но мне еще предстоит с этим выбором смириться и выбросить мысли о ней из головы. Возможно, Гевин прав: жизнь продолжается. Наверное, так будет лучше для нас обоих.

Гевин замечает меня, встает и машет рукой. Тейлор тут же оборачивается. Она... симпатичная. Правда симпатичная. Волосы темнее и короче, чем у Лейк, но прическа ей идет. Не такая высокая, как Лейк. У нее классная улыбка. Такое впечатление, что она улыбается всегда.

Я подхожу к столику и улыбаюсь ей. Почему бы и нет, собственно говоря?

– Уилл, это Тейлор. Тейлор, это Уилл, – представляет нас Гевин.

Она с улыбкой встает и быстро обнимает меня. Мы садимся. Мне немножко странно сидеть рядом с ней. Не очень понимаю, как надо себя вести: то ли повернуться к ней, то ли обратить все внимание на Эдди и Гевина.

– Гевин говорит, что ты учитель, – завязывает беседу Тейлор.

– Пока что практикант, – уточняю я. – По крайней мере, пока не закончу колледж, то есть до декабря.

– Ты заканчиваешь в декабре? – удивляется она, делая глоток лимонада. – Как так? Это же на семестр раньше!

Наш разговор прерывает официантка.

– Что будете пить? – протягивая мне меню, спрашивает она.

– Мне, пожалуйста, сладкий чай со льдом, – отвечаю я.

Официантка кивает и уходит.

Эдди вдруг толкает Гевина в плечо.

– Извините, ребята, у нас тут возникли непредвиденные обстоятельства! – объясняет она.

Они встают из-за столика, Гевин достает бумажник и бросает на столик пару купюр.

– Этого должно хватить за наши напитки. Ты же подвезешь Тейлор до дома, правда? – обращается он ко мне.

– Непредвиденные, значит, обстоятельства?! – Я смотрю на них в бешенстве: «Да как они могут?! Ладно, они у меня попляшут!»

– Ага, – подтверждает Эдди и берет Гевина за руку. – Очень жаль, но мы никак не можем остаться! Хорошего вам вечера!

Они уходят! Как ни в чем не бывало!

– М-да-а-а... Это был тонкий ход! – смеется Тейлор.

Повернувшись, я вижу, что она улыбается и качает головой. Вот теперь мне и правда очень странно, что я сижу с ней рядом.

– Ну, это...

– Как-то нелепо! – говорим мы в один голос и смеемся от неожиданности.

– Ты не возражаешь, если я пересяду? – спрашиваю я, показывая на

диванчик напротив.

– Конечно-конечно, мне вообще всегда казалось, что сидеть рядом в ресторане... несколько странно!

– Согласен, – говорю я и усаживаюсь по другую сторону столика.

Официантка приносит мне чай и принимает у нас заказ. Это дает нам фору в тридцать секунд, а потом она снова уходит и оставляет нас наедине.

Тейлор поднимает свой бокал и торжественно произносит:

– За нелепые первые свидания!

Я тоже поднимаю бокал, и мы с ней чокаемся.

– Так о чем мы там говорили? – возобновляет беседу Тейлор. – Ты заканчиваешь колледж на семестр раньше?

– Да, – отвечаю я и умолкаю.

Мне не очень хочется вот так сразу объяснять ей, почему я заканчиваю раньше остальных, поэтому я устраиваюсь поудобнее на диванчике и пожимаю плечами:

– Если я чего-то хочу, то стараюсь сконцентрироваться на этом, пока не получу желаемое. Своего рода узость мышления, – объясняю я.

– Впечатляет, – кивает она. – Мне еще год учиться, а потом я тоже буду преподавать. В начальной школе. Люблю малышей.

Беседа сразу налаживается. Некоторое время мы говорим о колледже, а когда приносят еду, переводим разговор на нее. Потом Тейлор рассказывает о своей семье. Я внимательно слушаю, но сам не откровенничаю. К тому времени, когда приносят счет, беседа уже становится приятной и ситуация кажется ничуть не нелепой. За все это время я подумал о Лейк всего раз десять. Ну, может быть, пятнадцать.

Все идет хорошо, но только до того момента, когда мы садимся в машину и я начинаю выезжать с парковки. Мне неприятно видеть Тейлор рядом с собой на пассажирском сиденье. Она смотрит в окно. А я вспоминаю, как всего несколько недель назад Лейк делала то же самое на том же самом месте. Вот только чувствую я себя сейчас совершенно по-другому. В тот вечер с Лейк я глаз от нее не мог отвести, пока мы ехали, а она спала, даже во сне продолжая держать меня за руку. Я не настолько романтичен, чтобы думать, будто она единственная на свете и другая девушка никогда мне не понравится. Но между нами возникло такое притяжение, что даже сейчас, когда ее нет рядом, я продолжаю ощущать, что она именно тот человек, который мне нужен. Хотя мне кажется, что на втором свидании у нас с Тейлор все могло бы сложиться, я не уверен, что смогу почувствовать к ней хотя бы сотую долю того, что чувствовал к Лейк.

Мы еще немножко болтаем о том о сем, Тейлор показывает мне дорогу к своему дому. Я паркуюсь во дворе и тут же ощущаю себя ужасно неловко. Мне не хочется давать ей ложную надежду, но я не хочу, чтобы она думала, будто сделала что-то не так. Она классная, свидание прошло классно. Просто наше с Лейк свидание было совсем другим, куда более глубоким, а на меньшее я не согласен.

Как бы то ни было, я предлагаю проводить Тейлор до дверей. Мы поднимаемся на террасу, она оборачивается и смотрит на меня призывным и ласковым взглядом. Вот сейчас мне нужно рассказать ей все как есть, чтобы она не надеялась попусту.

– Тейлор, мне было очень... – начинаю я, но не успеваю закончить фразу: ее губы вдруг касаются моих.

Вообще-то, она не производит впечатления такой смелой барышни, поэтому ее поцелуй застает меня врасплох. Она гладит меня по волосам, и я вдруг понимаю, что не знаю, куда деть руки. Дотронуться до нее? Оттолкнуть? Если честно, целуется она неплохо, я даже глаза прикрыл на секунду и погладил ее по щеке. Знаю, что нельзя сравнивать, но ничего не могу с собой поделать. Она целуется примерно так же, как Воэн: неплохо, даже приятно. Вот только за этим нет никаких чувств. Нет страсти. Ничего подобного тому, что я чувствовал, целуя Лейк.

Лейк...

Я уже собираюсь отодвинуться, когда она вдруг отстраняется сама. Я испытываю облегчение: хорошо, что мне не пришлось отталкивать ее. Она делает шаг назад и смущенно прикрывает рукой рот.

– Прости. Обычно я так себя не веду...

– Все в порядке, Тейлор, – смеюсь я. – Это было мило.

Я не вру, это и правда было мило.

– Просто ты такой... Ну, я не знаю, – неловко улыбается она, пожимая плечами. – Мне очень захотелось тебя поцеловать.

Почесав затылок, я бросаю взгляд на дверь ее дома и снова смотрю на нее. Ну как же мне ей все объяснить?

– Ой, а ты, может, хочешь зайти? – заметив мой взгляд на дверь, с улыбкой спрашивает Тейлор.

«Господи боже ты мой! Ну зачем я посмотрел на дверь?! – мысленно корю я себя. – Теперь она решила, что я хочу к ней зайти! А я хочу? Черт. Я не хочу. Я не могу. Если даже я и зайду, то думать буду совсем не о Тейлор».

– Тейлор, я не хочу тебя обманывать, – начинаю я. – Ты очень классная! Я прекрасно провел время. Случись это несколько месяцев назад, я

обязательно зашел бы к тебе, даже не раздумывая.

Она понимает, к чему я клоню, поэтому кивает:

– Но...

– Но есть один человек... Это случилось недавно, и я не могу забыть ее. Я согласился пойти на свидание, потому что надеялся, что, возможно, смогу как-то отвлечься, но... Но еще слишком рано.

– О господи! – Тейлор закатывает глаза и опускает руки. – Я только что поцеловала тебя! Решила, что понравилась тебе, вот и поцеловала! – Она закрывает лицо руками и краснеет от смущения. – Ну что я за идиотка!

– Нет-нет, не говори так. – Я подхожу к ней. – Знаю, что это клише и тебе от этого совсем не легче, но дело не в тебе, а во мне! Правда, только во мне! Я считаю, что ты классная, симпатичная, и мне приятно, что ты меня поцеловала. Но, если честно, сейчас просто очень неподходящий момент, вот и все.

Тейлор обнимает себя за плечи и опускает взгляд.

– Если сейчас просто неподходящий момент, может быть, ты сохранишь мой номер телефона? – тихо спрашивает она. – Вдруг наступит более подходящий момент?

– Конечно. Обязательно!

– Вот и хорошо, – с улыбкой кивает она. – За нелепые первые свидания!

– За нелепые первые свидания! – со смехом отзывается я.

Она машет мне рукой и заходит в дом, а я вздыхаю и возвращаюсь к машине.

«Первый и последний раз, Гевин! – бормочу я себе под нос. – Первый и последний раз!»

Глава 10

Медовый месяц

– Извини, я на секунду, – говорит Лейк, резко вставая с кровати, а потом уходит в ванную и хлопает дверью.

Она что, злится на меня? Серьезно?! О нет, только не это! Я подсакиваю с места, пытаюсь открыть дверь в ванную, но она заперта изнутри. Я стучусь. Через несколько секунд она распахивает дверь и тут же, не глядя на меня, поворачивается к ванне, включает воду, а потом снимает рубашку.

– Мне надо душ принять! – резко бросает она через плечо.

– Ты злишься, – констатирую я, прислоняясь к косяку и скрещивая руки на груди. – Почему? Ничего же не было! Мы с ней больше ни разу не виделись!

Она качает головой, потом закрывает крышку унитаза и садится. Снимает носки и швыряет их на пол.

– А вот и не злюсь, – отвечает она, не глядя мне в глаза.

– Лейк! Лейк, посмотри на меня! – требую я.

Она делает медленный вдох, а потом смотрит на меня из-под ресниц, надув губки.

– Три дня назад ты мне кое-что обещала, – уговариваю ее я. – Помнишь?

– Конечно помню, Уилл! Это же всего три дня назад было! – закатывает глаза она и начинает расстегивать брюки.

– И что ты обещала не делать?

Она подходит к зеркалу, тянет за резинку и распускает собранные в хвост волосы, но ничего не отвечает.

– Лейк, что ты обещала? – повторяю я, делая к ней шаг. – Что мы оба обещали друг другу накануне свадьбы?

– Что никогда не будем вырезать тыквы, когда дело будет касаться наших отношений, – бурчит она, в бешеном темпе расчесывая волосы. – Что будем обо всем на свете разговаривать.

– И что ты сейчас делаешь?

– А что ты хочешь, чтобы я тебе сказала, Уилл? – кричит она, швыряя щетку для волос на полку. – Что я не само совершенство? Что я ревную? Ты сказал, что для тебя это ничего не значило, но это не значит, что это ничего не значило для меня! – выпаливает она, проходит мимо меня,

подходит к моему чемодану, чтобы достать оттуда кондиционер для волос.

Я снова прислоняюсь к двери и смотрю, как она вытряхивает все содержимое моего чемодана на пол, продолжая искать что-то еще.

Я не спешу приводить контраргументы, – по-моему, она еще не все сказала. Когда она так заводится, лучше ее не перебивать. Она находит свою бритву, оборачивается ко мне и продолжает свою гневную тираду:

– Да, не ты поцеловал ее первым, но ты же ответил на поцелуй! А еще ты сказал, что она симпатичная! А еще ты сказал, что если бы не я, то ты, наверное, пригласил бы ее еще куда-нибудь! Да я ее просто ненавижу, Уилл! Она, похоже, очень милая девушка, поэтому я ее ненавижу! У меня такое ощущение, что она была твоим запасным вариантом, на случай если бы у нас ничего не получилось!

Она размашистым шагом направляется в мою сторону. Ее последняя фраза вывела меня из себя. Запасным вариантом?! Я загораживаю ей вход в ванную и пытаюсь успокоить, чтобы она не наговорила такого, о чем потом пожалеет.

– Лейк, ты же знаешь, что я тогда к тебе чувствовал! Да я об этой девушке даже не вспоминал! Я прекрасно знал, с кем мне хочется быть рядом! Это был просто вопрос времени!

– Очень мило с твоей стороны! – Лейк упирается руками в бока. – А я вот не была так уверена! Каждый божий день я жила словно в аду, зная, что до твоего дома рукой подать, но ты выбираешь кого и что угодно, только не меня! Не говоря о том, что, пока я сидела дома и смотрела, как у меня на глазах умирает мама, ты разгуливал по свиданиям и целовался с другими девушками!

– Прекрати! Так нечестно, – говорю я, стиснув зубы, и пытаюсь обнять ее.

Лейк отводит взгляд, понимая, что это был удар ниже пояса. Но тут же вырывается и уходит обратно в ванную. Не желая поступиться собственными гордостью и упрямством, она отдергивает занавеску, настраивает воду...

– Вот и все? Ты мне больше ничего не хочешь сказать? – спрашиваю я.

Она даже не смотрит на меня. Обычно я чувствую, когда лучше не вмешиваться, и, кажется, это как раз такой случай. Если я не уйду, то скажу что-нибудь, о чем потом пожалею. Пнув дверь ногой, я вылетаю из ванной, а затем и из номера. Меряя шагами коридор, я матерюсь про себя на чем свет стоит, но каждый раз, проходя мимо нашего номера, останавливаюсь, ожидая, что она выглянет и попросит прощения.

Видимо, не дождусь.

Она просто пошла в душ? Да как она может говорить мне такие вещи, а потом идти в душ, даже не извинившись?! Господи, как она меня иногда бесит! В последний раз я так злился на нее в тот вечер, когда решил, что она целовалась с Хави.

Прислонившись к двери номера, я опускаюсь на пол и хватаюсь за голову. Ну не может же она всерьез обидеться на меня?! Мы же с ней тогда даже не встречались! Я пытаюсь понять, почему она так реагирует, но не могу. Она ведет себя как взбалмошная старшеклассница!

– Уилл? – раздается из-за двери ее приглушенный голос.

По тому, откуда идет звук, я понимаю, что она тоже сидит на полу. Меня бесит, что она поняла, что я присел на корточки. Черт, она слишком хорошо меня знает!

– Что? – резко отзываюсь я.

– Прости, что я тебе так сказала, – тихо произносит она.

Я прижимаюсь затылком к двери, прикрываю глаза и делаю глубокий вдох.

– Ну просто... Я знаю, что всех этих вторых половинок не существует, – продолжает она. – На свете много людей, которые могут подойти друг другу. Будь иначе, никто никому не изменял бы. Все просто находили бы свою истинную любовь и жили счастливо! Но на самом деле все не так, и я это понимаю. Поэтому мне больно. Понимаешь? Мне больно оттого, что есть другие женщины, которые могли бы сделать тебя счастливым. Знаю, что веду себя не по-взрослому, что придираюсь, ревную и все такое... Но я просто хочу быть твоей единственной! Хочу быть твоей половинкой, даже если на самом деле их не существует. Я тебе лишнего наговорила, прости, пожалуйста. Я виновата.

По обе стороны от двери повисает тишина, до меня доносится звук закрывающейся двери ванной. Прикрыв глаза, я размышляю над словами Лейк. Я прекрасно понимаю, что она чувствует: когда-то и я был подвержен приступам ревности, если дело касалось Лейк. Когда она еще была моей ученицей, я услышал, как Ник приглашает ее на свидание и она соглашается, потом увидел, как Хави целует ее... Оба раза я совершенно вышел из себя. Черт, да я Хави задницу надрал, а мы с Лейк тогда даже не встречались! Так что ее реакция вполне естественна. Шутка ли, узнать, что в то время, как в нашей жизни происходили столь драматические события, я целовался с какой-то девчонкой! Надо быть настоящим ханжой, чтобы ожидать от нее чего-то другого. Нормально она отреагировала, а я с ней обращаюсь так, как будто она передо мной провинилась! Она, наверно, сейчас плачет в душе! И все из-за меня!

Ну и засранец же я!

Вскочив на ноги, я провожу картой-ключом по слоту, вхожу в номер и распахиваю дверь в ванную. Так я и думал: Лейк в джинсах и лифчике сидит на краю душевой кабины и плачет, закрыв лицо руками. Услышав мои шаги, она поднимает голову. Я вижу полные печали глаза и ощущаю невыносимое чувство вины. Я хватаю ее за руку и поднимаю на ноги. Она тихонько ахает, как будто боится, что я снова на нее накричу, и мне становится еще тошнее. Я глажу ее по волосам, по шее, а потом пристально смотрю в глаза, чтобы она поняла, что я пришел не ссориться.

Я пришел мириться.

– Жена, – говорю я, глядя ей в глаза, – думай что хочешь, но во всей этой чертовой вселенной нет ни единой женщины, которую я мог бы полюбить так же сильно, как люблю тебя!

Мы целуемся так страстно, что она чуть не падает в душевую кабину. Я опираюсь одной рукой о стену кабинки, другой обнимаю ее за талию, приподнимаю, ставлю в кабинку и прижимаю к стене. Все это время мы продолжаем целоваться, а сверху на нас льется вода. Мы тяжело дышим, я прижимаю ее к себе изо всех сил, а она тянет меня за волосы от наслаждения. С каждым вдохом грудь вздымается все сильнее, мы иступленно гладим каждый сантиметр друг друга...

Я стягиваю с нее лифчик и бросаю его на пол. Моя рука скользит по ее поясице, описывая круги под джинсами. Она стонет, выгибает спину и прижимается ко мне еще сильнее. Мои пальцы медленно продвигаются к молнии, расстегивают ее... Джинсы намокли, поэтому снять их с нее нелегко, но мне это все-таки удается.

Проводя ладонью по ее бедрам, я не чувствую ничего, кроме нежной кожи.

– Минимализм, да? – улыбаюсь я.

Лейк времени даром не теряет и тут же закрывает мне рот поцелуем. Моя одежда промокла насквозь, и раздеться самому оказывается еще труднее, чем раздеть ее, особенно если учесть, что она ни на секунду не ослабляет объятия. Наконец мне удается снять с себя рубашку, и я снова прижимаюсь к Лейк. Она стонет от прикосновения к обнаженной коже. Услышав эти сладкие звуки, я пытаюсь избавиться и от брюк. Она вырывает их у меня из рук, бросает через плечо и притягивает меня к себе. Я закидываю ее правое бедро себе на талию.

– Именно так я себе и представляла наш первый совместный душ! – улыбается она.

Я прикусываю ее нижнюю губу и показываю ей, что такое настоящий

совместный душ.

* * *

– Черт побери, – выдыхает она, падая на кровать, – это было сильно!

Она лежит на спине, раскинув руки в стороны. Халат распахнут ровно настолько, чтобы оставить простор воображению. Я сажусь рядом с ней и глажу ее по щеке, потом по шее. Она дрожит под моими пальцами. Наклонившись к ней, я припадаю губами к ее ключице.

– Тут есть такое место... – говорю я, медленно целуя ее в шею. – Вот отсюда... – шепчу я, целуя ее от ключицы до ямочки, – досюда... Это место меня просто с ума сводит...

– Я так и поняла, – смеется она. – Прямо как медом намазано! Большинство парней больше интересуют попа или сиськи, а Уилл Купер предпочитает шею!

– Не-а! – качаю головой я, не отрываясь от ее невообразимо нежной кожи. – Уилл Купер предпочитает всю Лейк целиком.

Я медленно развязываю узел на поясе ее халата и нежно ласкаю ее живот. Лейк постанывает от моих прикосновений...

– Уилл, ты шутишь! – смеясь, говорит она. – Еще и трех минут не прошло!

Я не обращаю внимания на ее шуточные протесты и целую прямо в мурашки, появляющиеся на ее плече, а потом шепчу:

– А помнишь, когда я впервые не смог устоять перед твоей шеей?

(Первая) ошибка

С тех пор как я узнал, что Джулия больна, прошло три недели, но, встречая Лейк и слушая каждый день болтовню Кела, я понимаю, что она им ничего не сказала. Несколько раз я видел Джулию, но мы успевали перекинуться буквально парой фраз. Похоже, что она больше не хочет касаться этой темы, и я уважаю ее решение.

Вести уроки в присутствии Лейк мне все так же тяжело. Я научился концентрироваться на том, о чем рассказываю, но сам факт того, что она находится всего в нескольких метрах от меня, все равно влияет на мое эмоциональное состояние. Каждое утро она заходит в аудиторию, а я украдкой разглядываю ее и пытаюсь по каким-то невербальным сигналам понять, рассказала ли ей Джулия правду. Но каждый день происходит одно и то же. Она никогда не поднимает руку, никогда ничего не говорит, а я ее никогда не спрашиваю. Я на нее даже не смотрю. Сейчас это становится делать все тяжелее, потому что Ник все время крутится рядом с ней, словно помечает территорию. Это, конечно, не мое дело, но меня мучает вопрос, встречаются они или нет. Дома у нее я его не видел, но в столовой они сидят вместе. Когда он рядом, она всегда в хорошем настроении. Гевин наверняка знает, но думает, что я о ней забыл, так что у него не спросишь. Вообще-то, мне до этого не должно быть никакого дела... Но все не так просто.

Я опаздываю на урок и захожу уже после звонка. Сразу же замечаю, что Ник обернулся к Лейк, а она снова смеется. Она все время смеется над его дурацкими анекдотами. Мне нравится ее смех, но бесит его причина. Настроение у меня тут же портится, поэтому я решаю отложить лекцию на потом, а пока дать ученикам самостоятельное задание: написать стихотворение. Я объясняю им правила, и они начинают работать. Я сажусь за стол, пытаюсь закончить составление плана урока, но краем глаза все равно замечаю, что Лейк не написала ни слова. Я знаю, что проблема не в том, что она не поняла задание: с первого дня у нее лучшие оценки в классе. Интересно, думаю я, не связано ли ее поведение на уроке с той же невозможностью сконцентрироваться, которая мешает мне вести уроки в этом классе.

Я отвожу взгляд от лежащего перед Лейк чистого листа бумаги и замечаю, что она смотрит на меня. У меня перехватывает дыхание. Впервые за три недели мы смотрим друг другу в глаза. Я пытаюсь отвернуться, но не могу. Лейк сидит с совершенно бесстрастным

выражением лица, но взгляд не отводит. Смотрит на меня так же пристально, как и я на нее. Из-за этого бессловесного разговора у меня резко учащается пульс – точно так же, как во время поцелуя.

Когда звенит звонок, я заставляю себя встать из-за стола и попрощаться с учениками, но, как только все, включая Лейк, выходят в коридор, с силой хлопаю дверь.

Черт, да о чем я вообще думаю? Эти двадцать секунд свели на нет все мои попытки забыть ее на протяжении трех недель! Я прислоняюсь к двери лбом и ожесточенно пинаю ее.

* * *

После работы я выхожу на парковку и вижу, что у джипа Лейк открыт капот. Оглядываюсь по сторонам в надежде, что мы на парковке не одни и кто-нибудь сможет ей помочь. Сейчас мне не стоит оставаться с ней наедине, особенно после того, что произошло сегодня утром на уроке. Мне все сложнее и сложнее не думать о ней, а сейчас ситуация и вовсе взрывоопасная.

К сожалению, на парковке никого, кроме меня. Не могу же я оставить ее тут одну! В принципе, я мог бы вернуться в школу, пока она меня не заметила: рано или поздно кто-нибудь ей поможет. Однако по каким-то непонятным мне самому причинам я поступаю иначе. Подойдя к джипу, я вижу, что Лейк ожесточенно стучит монтировкой по аккумулятору.

– Плохая идея! – говорю я, надеясь, что она не успела разнести его ко все чертям.

Она оборачивается и, смерив меня с головы до ног равнодушным взглядом, снова сосредоточенно смотрит под капот. Как будто я пустое место.

– Спасибо, я и так знаю, что многое из того, что я делаю, кажется тебе плохой идеей, – спокойно говорит она.

Она явно не рада меня видеть. Вот еще один повод развернуться и пойти своей дорогой.

Но я не ухожу.

Не могу я просто взять и уйти.

Неохотно подхожу поближе и заглядываю под капот:

– А что случилось? Не заводится?

– Уилл, ты что делаешь? – спрашивает она звенящим от раздражения голосом.

Я выглядываю из-под капота и смотрю на ее суровое лицо. Она словно бы выстроила между нами невидимую стену, и это, наверное, хорошо.

Кажется, я оскорбил ее одним только предложением помочь.

– А сама как думаешь? – спрашиваю я. – Пытаюсь выяснить, что у тебя случилось.

Сажусь за руль и поворачиваю ключ зажигания. Двигатель не заводится. Обернувшись к дверце, я вижу, что Лейк стоит совсем близко, и тут же вспоминаю, что значит находиться с ней рядом. Затаив дыхание, я сдерживаю желание схватить ее за талию и затащить в джип.

– Зачем ты это делаешь? Сам же просил, чтобы я к тебе не подходила! – не унимается она.

Ее так явно раздражает мое присутствие, что я начинаю жалеть, что все-таки решил помочь ей.

– Лейкен, а что тут такого?! Одна из моих учениц застряла на парковке. Не могу же я просто сесть в свою машину и уехать! – не выдерживаю я и тут же жалею о сказанном.

Лейк гордо задирает подбородок и отворачивается, обиженная моим равнодушием.

– Слушай, я не это имел в виду, – вздыхаю я и выпрыгиваю из джипа.

Она подходит еще ближе и облокачивается на капот. Я наблюдаю за ней краем глаза, притворяясь, что вожусь с какими-то проводами. Она прикусила нижнюю губу и опустила глаза, внезапно погрузившись в грусть.

– Мне и так тяжело, Уилл, – тихо произносит она.

Видеть ее такой тихой и печальной еще хуже, чем смотреть, как она злится. Она делает глубокий вдох, как будто не знает, стоит ли заканчивать фразу, но потом все-таки продолжает:

– Тебе легко удалось смириться с тем, что произошло, а мне нет! Да я ни о чем другом даже думать не могу!

От этого признания, да еще так искренне произнесенного, я не могу не поморщиться. Взявшись за край капота, я поворачиваюсь к ней. Она смотрит на руки с выражением страдания на лице.

– По-твоему, мне легко? – шепчу я.

– Похоже, да! – пожимает она плечами, бросив на меня взгляд.

Вот сейчас мне точно стоит уйти!

– Лейк, ты жестоко ошибаешься, – шепчу я, уверенный, что не стоит говорить ей все то, что хочется, но ее вид заставляет меня рассказать всю правду. – Каждый день я заставляю себя идти на работу и думаю о том, что из-за этого мы не можем быть вместе, – признаюсь я, отворачиваясь от двигателя и облокачиваясь о капот рядом с Лейк. – Если бы не Колдер, я бы уволился в тот самый день, когда мы с тобой встретились в коридоре. Взял бы академку на год, ты бы окончила школу, и я бы вернулся.

Поверь, – понизив голос, поворачиваюсь к ней я, – я прокручивал в голове все возможные варианты. Думаешь, мне легко видеть, как ты страдаешь из-за меня? Что из-за меня ты все время такая грустная?

Ну вот, я сказал то, чего не должен был! Ни в коем случае не должен был!

– Прости... Прости... Я думала, что... – заикаясь, бормочет она.

– С аккумулятором все в порядке, – громко объявляю я, заметив, что к нам направляется Ник. – Похоже, дело в генераторе.

– Что, не заводится? – спрашивает Ник, подходя к нам.

– Ага. Мистер Купер думает, что надо генератор менять... – сообщает ему Лейкен, но при этом смотрит на меня огромными глазами и только потом оборачивается к Нику.

– Отстой! – провозглашает Ник, заглянув под капот. – Подвезти тебя домой? – предлагает он.

На самом деле мне хочется хорошенько врезать ему, а не разрешать подвезти ее до дома, но другого варианта нет. Уверен, что мне сейчас точно не стоит ехать с Лейк в одной машине.

– Было бы здорово, Ник, – говорю я, закрываю капот джипа и ухожу, пока к длинному списку дурацких поступков не добавился еще один. А ведь я был на волоске!

* * *

И вот теперь я совершаю еще один глупый поступок.

Последние пятнадцать минут мы в панике ищем Кела и Колдера. Я думал, что они дома у Лейк, а она думала, что у меня. Наконец мы обнаруживаем, что они преспокойненько спят на заднем сиденье моей машины.

Порывшись в сумке, я нащупываю ключи от ее джипа. Вечером я отвез машину механику, и тот поменял генератор. Я – вот идиот! – предлагаю ей зайти в дом и кое-что взять. Идиот, потому что каждая клеточка моего тела мечтает о том, чтобы она не уходила. Сердце гулко ухает в груди просто оттого, что она рядом. Наконец я нахожу ключи и оборачиваюсь, чтобы отдать их ей.

– Ключи от твоей машины. – Я протягиваю ей связку.

– Ой, спасибо! – Она растерянно смотрит на ключи.

Уж не знаю, чего Лейк ожидала, но, кажется, она разочарована тем, что я всего лишь вручил ей ключи от машины.

– Бегаешь как новенькая, так что завтра можешь спокойно ехать, – объясняю я, а сам в глубине души надеюсь, что она окажется сильнее меня

и просто уйдет.

У меня не хватает мужества проводить ее к выходу, поэтому я возвращаюсь в гостиную и сажусь на диван. То, о чем мы говорили днем на парковке, просто висит в воздухе, хотя мы и молчим.

– Да ты что?! Починил?! – восклицает она, тоже проходя в гостиную.

– Ну, не я... Просто заехал к знакомому, и он наладил твой генератор.

– Слушай, тебе не стоило заморачиваться, – говорит она и, вместо того чтобы уйти, садится на диван рядом со мной.

Ее локоть слегка касается моего, и я тут же убираю руку и откидываюсь на спинку, подперев ладонями затылок. Одного прикосновения ее локтя достаточно, чтобы мне захотелось обнять ее и зацеловать до смерти.

– Но спасибо тебе огромное! – продолжает она. – Сколько я тебе должна?

– Нисколько, что ты! Вы мне столько помогаете с Колдером последнее время... Я рад, что могу хоть как-то вас отблагодарить!

Она молча смотрит на ключи и вертит их в руках, поглаживая брелок с надписью «Техас». Неужели сейчас ей все равно хочется оказаться там, а не здесь?

– Мы, кажется, с тобой вчера не договорили? – вдруг произносит она, разглядывая брелок.

Я уже давно пожалел о своих словах. Слишком разоткровенничался. Поверить не могу, неужели я сказал ей, что если бы не Колдер, то я бы ушел с работы ради нее? Это, конечно, правда, как бы безумно и отчаянно ни звучало. Я не раздумывал бы ни секунды. Я до сих пор не уверен, что не подам заявление по собственному желанию, если она просто попросит меня.

– Не знаю... А ты придумала, что делать?

– Вообще-то, нет, – вздыхает она, бросая ключи на журнальный столик, а потом забирается на диван с ногами и поворачивается ко мне. Вздыхает, как будто хочет о чем-то меня спросить, но боится. Гладит узоры на подушке, которая лежит между нами. – Но знаешь что... Предположим, что со временем наши чувства становятся еще более сложными... Я могла бы попробовать сдать выпускные экзамены экстерном...

Идея настолько абсурдная, что я едва удерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

– Бред какой-то! Даже не думай об этом! – пристально глядя на нее, резко возражаю я. – Ты не должна бросать школу, Лейк!

– Это всего-навсего идея... – Она отбрасывает подушку в сторону. – Всего-навсего дурацкая идея!

Повисает долгое молчание. Она сидит рядом на диване и смотрит на меня так, что каждый мускул в моем теле напрягается, даже челюсти сводит. Чего мне стоит не поворачиваться к ней, не обнимать ее! Как же это все несправедливо! При любых других обстоятельствах наши отношения считались бы совершенно нормальными! Приемлемыми! Обычными! Но всему мешает моя чертова должность!

Так тяжело пытаться скрыть свои чувства, когда мы с ней остаемся наедине. А ведь можно просто послать все к черту и сделать то, что мне хочется. Я знаю, что, если бы мне удалось заглушить голос совести и перестать бояться, что нас кто-нибудь застукает, я бы не медлил ни секунды. Я обнял бы ее и поцеловал так, как мечтаю уже три недели. Целовал бы ее в губы, в щеки, в эту линию от уха до плеча, на которую я постоянно смотрю! И она не возражала бы. Я знаю, как нелегко ей приходится, вижу по тому, как она себя ведет. Она подавлена. Я уже готов поддаться не только искушению облегчить жизнь нам обоим, но и наплыву чувств. Если мы оба будем молчать, никто и не узнает! Будем встречаться тайно, пока она не закончит школу. Если соблюдать осторожность, можно сохранить наши отношения в тайне даже от Джулии и мальчиков.

Изо всех сил стиснув кулаки, так что аж костяшки побелели, я стараюсь отвлечься от мыслей о том, как снова встретятся наши губы. Сердце бешено заходится от одной мысли, что я смогу снова поцеловать ее. Я делаю медленный вдох через нос, выдыхаю через рот, пытаюсь успокоиться, пока не наделал глупостей. А может, и не глупостей: когда она так близко, я вообще плохо понимаю, что хорошо, а что плохо, потому что плохое кажется хорошим, а хорошее – плохим.

Она проводит пальцем по моей шее, и от этого неожиданного прикосновения я вздрагиваю. Лейк поднимает палец, словно оправдываясь, и показывает мне, что просто стерла с шеи каплю пены для бритья. Я беру ее за руку и вытираю пену о собственную рубашку.

А вот это – большая ошибка.

Стоит мне коснуться ее, как все мои рациональные мысли испаряются, подобно капле пены для бритья. Моя рука лежит на ее ладони, и Лейк расслабляет пальцы, поглаживая мою грудь.

У моей силы воли тоже есть пределы. Пульс просто зашкаливает, кажется, что сердце вот-вот выскочит из груди. Я не могу отпустить ее руку, не могу перестать смотреть ей в глаза. С одной стороны, не происходит ничего, а с другой – творится такое... Пока я молча смотрю ей в глаза и держу ее за руку, все мои усилия и решимость последних дней идут насмарку. Вся энергия, которую я вложил в то, чтобы совершить

верный поступок, потрачена напрасно.

– Уилл, – шепчет она, не сводя с меня глаз. Мое имя так легко срывается с ее губ, что сердце гулко ухаает. Она медленно проводит рукой по моей груди, возможно даже не замечая этого, а я чувствую ее прикосновение всем телом. – Я буду ждать тебя... буду ждать, пока закончу школу...

Как только эти слова слетают с ее губ, я вздыхаю и прикрываю глаза. Ну вот, она сказала то, что я мечтал от нее услышать весь этот месяц.

– Это очень долго, Лейк, – поглаживая ее по руке, с тяжелым вздохом произношу я. – За год многое может измениться.

Она придвигается ближе, убирает руку с груди и кончиками пальцев легонько касается моего подбородка, заставляя меня посмотреть ей в глаза. Я не хочу делать это. Я точно знаю: стоит мне взглянуть ей в глаза, и поцелуй неизбежен! Я беру ее за руку, намереваясь убрать ее с моего лица, но вместо этого глажу по запястью и предплечью. Надо остановиться! Мне надо остановиться! Но разум и сердце вступили в непримиримое противостояние, и я ничего не могу с этим поделать.

Убрав ноги с журнального столика, я надеюсь, что Лейк оттолкнет меня, – ведь мы оба знаем, что именно так и нужно поступить. Однако она этого не делает, и я вдруг медленно привлекаю ее к себе. Господи, как мне хочется обнять ее! Обнять так, как я обнимал ее, когда мы вышли из клуба «ДЕВУТЬ». Пока наша жизнь не полетела под откос. Пока наши отношения не превратились в бог знает что...

Я не успеваю остановиться или хотя бы подумать о том, что делаю, и вот мои губы уже целуют ее шею, а внутри начинается сущий ад! Она обнимает меня и делает такой глубокий вдох, что, кажется, дышит за двоих. Вкус и запах ее кожи совсем лишают меня остатков здравого смысла.

Да и к черту здравый смысл!

Я целую ее в ключицу, в шею, в щеку, а потом долго смотрю ей в глаза. Мне нужно понять, что она чувствует. Нужно понять, хочет ли она этого так же сильно, как и я. Нужно ли ей это так же отчаянно, как и мне.

Печаль, на протяжении трех недель сквозившая в ее взгляде, исчезает без следа – теперь в ее глазах светится надежда. Больше всего на свете я хочу, чтобы так было всегда! Я наклоняюсь к ней и прижимаюсь губами к ее рту. Этот поцелуй одновременно и убивает меня, и возвращает к жизни. Она тихо ахает, а потом слегка приоткрывает губы, хватаясь за мою рубашку, и нежно притягивая меня к себе.

Я целую ее.

Я целую ее, как будто в первый раз.

Я целую ее, как будто в последний раз.

Она обнимает меня за шею – мои губы нежно ласкают ее рот. Держа ее в объятиях, я думаю о том, что будто задышал по-настоящему впервые с тех пор, как увидел ее в школьном коридоре. Каждый стон, срывающийся с ее губ, каждое прикосновение ее рук возвращают меня к жизни. Ничто и никто не может помешать нам в эту минуту: ни Колдер, ни моя совесть, ни работа, ни школа, ни Джулия.

Джулия!

Сжимая кулаки, я пытаюсь отпустить ее и вернуться обратно в реальность. Вся тяжесть нашего положения снова наваливается на меня подобно тонне кирпичей, и я не могу не думать об этом. Лейк понятия не имеет о том, что скоро произойдет в ее жизни, а я позволяю себе усложнить ей жизнь еще больше? Каждое движение наших губ заставляет меня падать все глубже и глубже – в бездонную пропасть, из которой нам обоим уже не выбраться.

Она гладит меня по волосам, опускается на диван и тянет меня за собой. Я понимаю, что, как только наши тела соприкоснутся, у нас не хватит силы воли, чтобы остановиться.

Я не могу так поступить с ней. В ее жизни происходит столько всего, о чем она даже не подозревает! О чем, черт побери, я думаю? Как я могу так поступать? Я поклялся Джулии, что не стану усложнять и без того нелегкую жизнь Лейк, а сам именно этим и занимаюсь! Каким-то чудом мне удастся найти в себе силы оторваться от нее. Тяжело дыша, мы смотрим друг на друга.

– Мы должны остановиться, – переводя дыхание, говорю я. – Так нельзя...

Крепко зажмурившись, я прикрываю рукой глаза, пытаюсь прийти в себя. Лейк придвигается ко мне, садится мне на колени и жадно целует меня, словно в отчаянии умоляя меня не останавливаться. Как только ее губы касаются моих, я инстинктивно обнимаю ее и прижимаю к себе. Голос разума в моей голове в буквальном смысле этого слова кричит, что надо остановиться, но я пытаюсь заглушить его и прижимаю ее к себе еще сильнее. Разум говорит мне одно, а сердце кричит и руки делают совершенно другое. Она хватается за мою рубашку и стягивает ее с меня через голову, а потом возвращается к прерванному поцелую.

Я представляю себе, что отталкиваю ее, но на самом деле моя рука лежит у нее на поясице, а другая поглаживает шею. Она проводит ладонями по моей груди, и я мечтаю сделать то же самое с ней. Уже

коснувшись ее рубашки, я сжимаю кулаки и отпускаю ее. Все зашло слишком далеко. Я должен остановиться, пока еще в состоянии это сделать. Это целиком и полностью моя ответственность, я должен позаботиться о том, чтобы не причинить ей боль... Наконец я беру себя в руки.

Я отстраняю ее, пересаживаю на диван и встаю. У меня есть всего один шанс доказать, что мы поступаем неправильно. И пусть нам безумно хорошо, но все-таки это неправильно. Неправильно!

– Лейкен, вставай! – громко говорю я и беру ее за руку.

У меня внутри бушует ураган чувств! На самом деле я совершенно не собирался делать это так жестко, но не знаю, как можно было по-другому. Я так зол на себя, что хочется орать, но изо всех сил пытаюсь обрести душевное равновесие. Она встает, со смесью смущения и недоверия на лице.

– Мы не должны это допустить! Я твой учитель! Теперь все изменилось, мы не имеем права!

У меня голос дрожит от ярости. Я не хочу злиться, но злюсь. Не на нее, конечно, но она этого не знает? А может быть, ей и не надо знать? Может, будет легче, если она разочаруется во мне? Тогда ей будет проще забыть меня. Лейк садится на диван и закрывает лицо руками:

– Уилл, я никому ничего не скажу, клянусь тебе! – шепчет она и снова смотрит на меня печальным взглядом человека, утратившего всякую надежду.

Боль в ее голосе служит окончательным подтверждением того, что я веду себя как последняя сволочь. Поверить не могу, что я так с ней поступил! Как я мог?! Ей сейчас только этого не хватает.

– Прости, Лейкен, но это неправильно! – Я хожу по комнате из угла в угол. – Это плохо для нас обоих. Это плохо для тебя.

– Да откуда ты знаешь, что для меня плохо, а что хорошо?! – срывается она.

Я все испортил, окончательно! Я должен все исправить! Закончить все это раз и навсегда! Нельзя отпускать ее в таком состоянии: она наверняка будет думать, что это может случиться снова. Я перестану расхаживать по комнате и поворачиваюсь к ней.

– Ты не должна меня ждать! Я не позволю тебе жертвовать лучшим годом в твоей жизни. Мне самому пришлось слишком быстро повзрослеть. Не хочу, чтобы и тебе пришлось оказаться в такой ситуации. Это нечестно! – Я делаю глубокий вдох и произношу самую чудовищную ложь, какую только могу придумать: – Лейкен, я не хочу, чтобы ты ждала меня!

– Не собираюсь я ничем жертвовать, – едва слышно отвечает она.

В ее голосе звучит такая боль, что я едва сдерживаюсь, чтобы не обнять ее снова. Еще одну такую эмоциональную встряску я просто не вынесу. Мне хочется зацеловать ее до смерти, обнять и защитить, сделать так, чтобы она не пролила больше ни единой слезинки, а в следующую секунду голос разума берет верх, и я готов просто выставить ее за дверь. Я и так сильно обидел ее, а она даже не представляет себе, что еще ей предстоит пережить. От этих мыслей я начинаю ненавидеть себя за то, что произошло между нами. Нет, не ненавидеть – скорее, презирать!

Схватив рубашку, я быстро надеваю ее, обхожу диван и встаю за спинкой. Сделав глубокий вдох и отдалившись от нее, я начинаю понемногу обретать контроль над собой. Держась за спинку дивана, я готовлюсь исправить ситуацию, хотя понимаю, что это невозможно. Если бы мне удалось объяснить, почему я так поступаю, она, возможно, перенесла бы расставание не так тяжело...

– Моя жизнь состоит из сплошных обязанностей... Господи, да ты хоть понимаешь, что я воспитываю ребенка?! Я не смогу поставить тебя на первое место! Черт возьми, даже на второе! А ты... – Я медленно поднимаю голову, смотрю ей в глаза. – Ты заслуживаешь лучшего, чем третье место!

Она встает, идет через гостиную и встает на колени на диване, прямо передо мной.

– Твои обязанности и должны быть для тебя на первом месте, вот почему я собираюсь дождаться тебя. Уилл, ты хороший человек. Именно поэтому я и влюбилась в тебя, и не смей ругать себя за это!

При этих словах то, что осталось от моего сердца, разлетается на миллион осколков. Я не могу позволить ей сделать это! Единственный способ добиться, чтобы она перестала любить меня, заставить меня возненавидеть. Я беру ее за подбородок, смотрю ей в глаза и произношу самые жестокие слова на свете:

– Ты в меня не влюбилась! Ты не имеешь права в меня влюбляться!

Ее глаза наполняются слезами, я отпускаю ее и иду к двери. Не могу смотреть, как она плачет. Не хочу видеть последствия своих поступков.

– Произошедшее между нами сегодня, – жестко говорю я, показывая на диван, – не должно больше повториться. И не повторится!

Я выхожу на улицу, закрываю за собой дверь, прислоняюсь к ней, закрываю глаза и, потирая пальцами виски, пытаюсь хоть немного успокоиться. Это я во всем виноват! Я позволил ей зайти в дом, зная, какую слабость испытываю к ней. Я поцеловал ее. Это я поцеловал ее!

Поверить не могу, что это произошло! Двадцать минут наедине с ней – и я уже успел испортить ей жизнь!

Она сидит на диване, онемев от ужаса, с разбитым сердцем – и все из-за того, что я сделал и сказал... Ненавижу себя! Лейк меня, наверное, тоже ненавидит. Надеюсь, игра стоила свеч. Но почему же правильное решение в этой ситуации кажется мне совершенно неправильным?

Я подхожу к машине и беру Колдера на руки. Он обнимает меня за шею, даже не проснувшись. Кел открывает глаза и растерянно оглядывается по сторонам.

– Вы, ребята, заснули в машине. Иди домой и ложись спать. Ладно?

Кел трет глаза, вылезает из машины и переходит дорогу к своему дому. Я захожу в дом с Колдером на руках. Лейк все так же сидит на диване, глядя в пол. Мне хочется обнять ее и попросить прощения за все, что произошло этим вечером, но я понимаю, что сейчас это невозможно. Ей нужно время, чтобы пережить гнев. Она должна разозлиться на меня. В этом году все ее внимание будет занимать Джулия. Нельзя, чтобы Лейк думала только о нас с ней, ведь это последний год, который она сможет провести вместе с мамой.

– Кел проснулся и пошел домой. Тебе тоже пора идти, – тихо говорю я.

Лейк хватает ключи со столика, поворачивается ко мне и смотрит прямо в глаза.

– Ну ты и кретин!!! – со слезами в голосе кричит она.

Ее слова поражают меня в самое сердце, словно в него попала пуля. Лейк выходит на улицу, хлопнув дверью.

Я отношу Колдера в его комнату, укладываю, а потом иду к себе. Закрыв за собой дверь комнаты, я прислоняюсь к ней, закрываю глаза и медленно сползаю на пол, прижимая ладони к глазам, чтобы хоть как-то сдержать слезы.

О боже! Эта девушка... Эта девушка – единственная, кто мне небезразличен, а я только что дал ей очень веские основания ненавидеть меня!

Глава 11

Медовый месяц

– Уилл, прости меня, – шепчет она. – Прости меня! – Она закрывает лицо руками. – Я чувствую себя просто ужасной! Отвратительной! Эгоисткой! Я и не подозревала, что тебе тоже было очень тяжело... Я-то решила, что ты выставил меня, потому что не хотел рисковать...

– Лейк, ну ты же не знала, что со мной творится. Думала, что я кретин, который сначала полез к тебе целоваться, а потом выставил тебя за дверь! Я на тебя никогда не обижался. И поверь мне, ты стоишь того, чтобы рискнуть. Если бы я не знал о болезни Джулии, то ни за что бы тебя не отпустил!

– О господи! Я же так и не извинилась! – поворачивается ко мне она, убирая руки от лица. – За то, что назвала тебя всеми теми словами на следующий день! – Она ложится на меня, и наши лица почти соприкасаются. – Прости, пожалуйста!

– Да за что тут извиняться, –жимаю плечами я, – я это заслужил.

– Слушай, только не говори мне, что тебя это не разозлило! Да я же тебя как только не обозвала перед всем классом!

– Я не сказал, что не разозлился. Я сказал, что заслужил это.

– Значит, все-таки разозлился! – смеется она, откидываясь на подушки. – Ну-ка, рассказывай!

Сожаления

Еще никогда я не проводил опрос так медленно. Вызывал учеников по очереди, ни разу не поторопил, даже не засекал время выступления. Обычно дело идет не так быстро. Но когда Гевин закончил выступление, до конца урока остается еще пять минут, и мне приходится вызвать ее к доске. Я тянул до последнего, надеясь, что прозвонит спасительный звонок. Не знаю, то ли я жалею ее – ведь ей наверняка тяжело после всего, что произошло вчера вечером, то ли сам до смерти боюсь того, что она может сказать. Как бы то ни было, подходит ее очередь, и у меня нет выбора.

Откашлявшись, я пытаюсь произнести ее имя, но получается как-то невнятно. Лейкен выходит в центр аудитории, оставив листок со стихотворением на парте. Я точно знаю, что вчера в классе она ни слова не написала, а учитывая все, что произошло в моей гостиной вчера вечером, не уверен, что она вообще была в настроении сочинять стихи. Однако она держится вполне спокойно и уверенно и к тому же выучила стихотворение наизусть. Мне почему-то становится страшно.

– Можно задать вопрос? – спрашивает она, прежде чем начать.

Черт! Ну что она там собралась спрашивать?! Вчера она ушла от меня просто в бешенстве, так что не удивлюсь, если сейчас возьмет и заложит меня при всех! Черт, она наверняка сейчас спросит, всегда ли я выставляю своих учениц за дверь, после того как покувыркаюсь с ними на диване... Я киваю, делая ей разрешающий знак, хотя мне нестерпимо хочется выйти в туалет, потому что меня вот-вот стошнит.

– По времени ограничения есть?

Господи ты боже мой! Она просто задала совершенно нормальный вопрос! С облегчением вздохнув, я откашливаюсь и отвечаю:

– Конечно нет! Не забывай, что это игра без правил.

– Хорошо. Итак... Мое стихотворение называется «Подлец».

Кровь приливает к лицу, а сердце начинает стучать где-то в висках, как только я слышу название. Лейкен поворачивается к одноклассникам и начинает:

Согласно словарю...

а также моему личному мнению...

существует более тридцати различных значений

и вариантов замены слова

подлец.

* * *

(Следующие слова она практически выкрикивает – так громко, что меня пробирает дрожь.)

Болван, нахал, бессердечный, мудака, злой, грубиян, извращенец, ненавистный, бесчувственный, злобный, опасный, безжалостный, тиран, зловредный, отвратительный, ублюдок, варвар, сердитый, жестокий, черствый, дегенерат, скотина, безнравственный, яростный, жесткий, неумолимый, мстительный, губительный, бесчеловечный, чудовищный, беспощадный.

Ну и мое любимое – *кретин*.

С каждым новым оскорбительным прозвищем сердце тяжело ухает у меня в груди. Звенит звонок на перерыв, ученики устремляются к выходу, а я, пораженный, остаюсь сидеть на месте. Поверить не могу, что она это сделала!

– Так как насчет свидания? – доносится до меня голос Эдди. – Ник же тебя пригласил вчера, да? А ты сказала, что тебе надо спросить у мамы.

Слово «свидание» мгновенно возвращает меня в реальность. Они стоят около парты Лейк, Эдди – спиной ко мне.

– А, ты об этом... Да, конечно, – отвечает Лейкен, глядя на меня в упор. – Скажи Нику, что я согласна. С удовольствием.

Раньше я всегда контролировал свои эмоции, но с того дня, как мы с Лейк познакомились, как будто переживаю все чувства с тысячекратной силой: счастье, обиду, горечь, гнев, любовь, ревность. Рядом с ней я совершенно не могу держать себя в руках. Тот факт, что Ник пригласил ее на свидание еще до вчерашнего досадного происшествия, злит меня еще больше. Бросив на Лейк сердитый взгляд, я открываю ящик стола, швыряю туда журнал с оценками и с оглушительным стуком задвигаю обратно. Эдди резко оборачивается на грохот, и я тут же встаю, отворачиваюсь и начинаю стирать с доски.

– Отлично! – восклицает Эдди, поворачиваясь к Лейк. – Мы решили пойти в «Гетти» в четверг, чтобы потом сразу отправиться на слэм. Остается всего несколько недель, так что пора с этим разобраться. За тобой заехать?

– Да, было бы здорово.

Лейк могла бы поймать совесть и не соглашаться на свидание с Ником преувеличенно громко, стоя в десяти метрах от меня. Я, конечно, хотел, чтобы она на меня разозлилась, но не ожидал, что сам приду в такое

бешенство. Тем более что она, похоже, постаралась добиться именно этого. Как только Эдди выходит из аудитории, я бросаю тряпку и, обернувшись к Лейк, скрещиваю руки на груди и смотрю, как она собирает вещи, а потом идет к двери, даже не взглянув в мою сторону. Прежде чем она выходит в коридор, я успеваю произнести несколько слов, о которых жалею, еще даже не договорив.

– Лейкен! – окликаю ее я.

Она останавливается в дверях, но не оборачивается.

– Твоя мама работает по четвергам вечерами. Я хожу на слэмы, поэтому к нам по четвергам приходит няня. Ты можешь перед уходом отправить Кела к нам. Я имею в виду перед свиданием.

Она не оборачивается. Не кричит на меня. Не кидает в меня чем-нибудь тяжелым. Просто выходит за дверь. А я остаюсь сидеть за столом, чувствуя, что все эти жуткие эпитеты, которые она только что выкрикивала на весь класс, подходят мне как нельзя лучше.

После четвертого урока я сижу за столом, смотрю в никуда и пытаюсь понять, какая муха меня укусила. Обычно во время обеденного перерыва я иду в преподавательскую столовую, но сейчас мне кусок в горло не полезет. У меня желудок сводит все последние два часа. Хотя нет, вру. Последние двадцать четыре часа.

И зачем я ей это сказал?! Да, ее стихотворение пробудило во мне чувства, которых я раньше никогда не испытывал: смесь смущения, гнева, обиды и душевной боли. Но ей этого показалось мало, она еще и заставила меня ревновать! Сегодня я узнал о себе нечто новое: с ревностью я справляюсь плохо. Точнее, никак.

Я-то думал, что лучший способ помочь ей забыть меня – сделать так, чтобы она меня возненавидела. Но это невозможно. Если я хочу сохранить остатки здравого смысла, нельзя допустить, чтобы она меня ненавидела. Но и позволить ей любить меня я тоже не могу. Черт! Вот засада! Как же мне все исправить?

* * *

Подхожу к их столику в столовой. Лейк даже не принимает участия в общем разговоре, сидит и смотрит в свой поднос, совершенно не реагируя на происходящее вокруг. Совершенно не замечая меня. Мы с Эдди пытаемся привлечь ее внимание. Когда она наконец выходит из транса и видит меня, то заливаясь краской, медленно встает из-за стола и идет за мной в аудиторию. Я закрываю за нами дверь и прохожу к своему столу.

– Надо поговорить... – начинаю я.

У меня кружится голова, и я понятия не имею, что ей сказать. Мне хочется извиниться за свое сегодняшнее поведение в аудитории, но нужные слова никак не приходят в голову. Черт, я взрослый мужчина, а веду себя как заикающийся четырнадцатилетний подросток!

– Надо – так говори! – резко отвечает она, сердито глядя на меня из другого угла аудитории.

Ее поведение в совокупности с недавним согласием пойти на свидание с другим парнем, данным прямо у меня на глазах, приводит меня в ярость. Знаю, это я во всем виноват, но она тоже хороша!

– Черт возьми, Лейк, не считай меня своим врагом! – Я в бешенстве отворачиваюсь от нее, провожу руками по волосам, делаю глубокий вдох и снова смотрю ей в лицо. – Перестань меня ненавидеть!

Клянусь, она просто задыхается от ярости!

– Перестать тебя ненавидеть?! Слушай, Уилл, ты уж как-нибудь определись! Вчера ты мне сказал, чтобы я перестала тебя любить, а сегодня говоришь, чтобы перестала ненавидеть! Сначала ты говоришь, чтобы я даже не думала ждать тебя, а потом ведешь себя как мальчишка, услышав, что я согласилась сходить с Ником на свидание! Хочешь, чтобы я вела себя так, будто мы не знакомы, а потом вытаскиваешь меня из столовой у всех на глазах! Мы все время должны притворяться, это утомляет, мать твою! Никогда не знаешь, кто ты – Уилл или мистер Купер, и уж точно неизвестно, кто я – Лейкен или Лейк!

Она падает на стул, скрестив руки на груди и тяжело дыша от сдерживаемого гнева. Пристально глядя на меня, ждет, что я скажу дальше. А что тут скажешь? Мне нечего ей возразить, ведь каждое ее слово – правда. Я не могу держать под контролем свои чувства и этим причиняю ей куда большую боль, чем мог предположить. Я медленно огибаю стол и сажусь рядом с ней, чувствуя, что безумно устал: эмоционально, физически, морально... Никогда бы не подумал, что дойдет до такого. Если бы я хоть отдаленно мог представить, к чему приведет мое решение остаться на работе, то выбрал бы Лейк. Несмотря на все, что происходит с Джулией. Я должен был выбрать ее. Нет, я все еще должен выбрать ее.

– Я не думал, что будет так тяжело, – шепчу я ей на ухо.

И это чистая правда! Мне и в голову не могло прийти, что всего лишь одно свидание может привести к такой невероятно запутанной ситуации.

– Прости, что я так с тобой разговаривал, ну, насчет четверга. Хотя большая часть из этого правда: тебе действительно понадобится няня для Кела, а я собирался выступить на слэме. Но я не должен был так реагировать, поэтому и попросил тебя выйти поговорить: хотел попросить

прощения. Больше это не повторится, клянусь!

Она всхлипывает. О господи, она плачет! Что бы я ни делал, становится только хуже... Я хочу погладить ее по голове, но тут дверь в аудиторию распахивается, я сразу же отдергиваю руку и встаю, одолеваемый чувством вины. В дверях стоит Эдди с рюкзаком Лейк в руках. Она смотрит на меня, потом мы с ней вместе смотрим на Лейк. Она отвернулась от Эдди и смотрит на меня, по щекам струятся слезы. И все это из-за меня!

Эдди ставит рюкзак на парту и, подняв руки, пятится к выходу:

– Извините... не хотела мешать.

Дверь за ней закрывается, и я впадаю в панику. Что бы Эдди сейчас ни подумала, ясно, что это был не просто разговор учителя с ученицей. Еще один дерьмовый промах можно добавить в список моих неудач! Что же теперь делать?

– Чудесно, только этого не хватало! – ворчу я.

Лейк встает с места и спокойно идет к двери, бросая мне на ходу:

– Да ладно, Уилл. Если Эдди спросит, скажу, что ты на меня наорал из-за слова «кретин». И «сволочь». И «мудак». И «ублюдок»...

– Спасибо, достаточно. Все ясно! – перебиваю ее я, не позволяя продолжить список оскорблений.

Лейк берет рюкзак и уже собирается открыть дверь, но я осторожно произношу:

– А еще я хотел попросить у тебя прощения... за вчерашнее.

Она медленно поворачивается ко мне. Уже не плачет, но по лицу все еще видно, в каком она настроении.

– За то, что это было? – спрашивает она. – Или за то, что ты остановился?

– За все, – отвечаю я, не очень понимая, что она имеет в виду. – Это не должно было произойти.

– Кретин, – бросает мне она и выходит в коридор.

Очередное оскорбление пронзает мне сердце. Впрочем, именно туда она и целилась!

Как только дверь за ней захлопывается, я изо всех сил бью ногой по столу, и он переворачивается.

– Черт! – кричу я, пытаюсь помассировать шею, чтобы снять напряжение.

Я долго и с наслаждением ругаюсь последними словами, расхаживая взад и вперед по аудитории. Мне удалось еще сильнее испортить отношения с Лейк, а теперь и Эдди заподозрит неладное! Хотел все исправить, а сделал в десять раз хуже! Господи, я готов сейчас все отдать,

лишь бы папа был жив и посоветовал мне, что делать!

* * *

Из-за миссис Алекс и ее дурацких вопросов я снова опаздываю на третий урок, но сегодня мне все равно. После вчерашнего разговора с Лейк я не чувствую себя готовым к встрече с ней.

Коридоры постепенно пустеют, я подхожу к аудитории, но, бросив взгляд из окна на двор, резко останавливаюсь. Я вижу Лейк. Она сидит на одной из скамеек и смотрит на собственные руки. Я немного растерян, ведь она должна уже быть в аудитории. Подняв голову, она смотрит в небо и глубоко вздыхает, как будто изо всех сил пытается не заплакать. Ей явно меньше всего на свете хочется сейчас оказаться на занятии, всего лишь в нескольких метрах от меня. Мысль о том, что она предпочитает холодный воздух Мичигана моему уроку, причиняет мне боль.

– Она не такая, как все, да? – раздается у меня за спиной голос Эдди.

Я резко оборачиваюсь и вижу, что она стоит за моей спиной и улыбается.

– Что? – рассеянно откликаюсь я, пытаюсь подавить беспокойство, ведь она, конечно, заметила, как я разглядываю Лейк.

– Вы меня слышали. – Эдди проходит мимо меня к выходу во двор и, не оборачиваясь, добавляет: – И вы думаете так же.

Завидев ее, Лейк улыбается, а я иду на урок.

В конце концов, что тут такого? Моя ученица Лейкен Коэн прогуливает урок, вот я на нее и смотрю! Ничего такого, что могло пробудить в Эдди подозрения, не произошло. Несмотря на мои отчаянные попытки убедить себя в том, что все в порядке, я провожу остаток дня как на иголках.

Глава 12

Медовый месяц

– А вот об этом поподробнее! – сердито смотрит на меня Лейк. – То есть ты пялишься на меня в окно, как последний идиот. Эдди замечает, как ты на меня смотришь, и ей, естественно, становится любопытно! А вот когда на выходных она застала меня у тебя в гостиной и все поняла, ты почему-то злишься на меня?!

– И вовсе я на тебя не злился, – возражаю я.

– Уилл, да ты был вне себя! Ты же меня из дома выставил!

– Кажется, и правда выставил... – переворачиваясь на спину, припоминаю я.

– Не кажется, а выставил! Да еще в худший день в моей жизни! – восклицает она, ложась на меня сверху и переплетая пальцы с моими. – По-моему, ты должен передо мной извиниться. В конце концов, я у тебя в доме генеральную уборку сделала в тот день!

Я смотрю ей в глаза и вижу, что она улыбается. Она не сердится, но я и правда искренне хочу перед ней извиниться. Тем вечером я повел себя как последний эгоист и потом долго ругал себя за то, что выгнал ее из своего дома, тем более в такой тяжелый момент. Я глажу ее по щекам и укладываю на подушку. Мы меняемся местами. Теперь она лежит на спине, головой на сгибе моего локтя. Другой рукой я глажу ее по лицу: по щекам, подбородку, носу, а потом прижимаю палец к ее губам и шепчу:

– Прости за то, что так повел себя в тот вечер.

Я медленно целую ее. Моя искренность, видимо, производит на нее впечатление: она прижимается ко мне и громко шепчет:

– Прощаю!

* * *

– Ты куда собралась? – спрашиваю я, открывая глаза.

Я так устал, что даже не заметил, как заснул. Лейк надела рубашку и уже натягивает джинсы.

– Хочу воздухом подышать. Пойдешь со мной? У них очень симпатичный бассейн. Еще час открыт. Можем посидеть на террасе, выпить кофе.

– Да, давай! – соглашаюсь я, скатываясь с кровати и оглядываясь в поисках одежды.

Мы выходим в пустой двор. В бассейне никого, хотя вода подогревается. Рядом стоят несколько шезлонгов, но Лейк садится за столик на одну из пляжных скамеек – так удобнее сидеть рядом. Держа в руках чашку кофе, она прижимается ко мне и кладет голову на плечо.

– Надеюсь, мальчики там не скучают, – произносит она.

– Да уж не сомневайся! Дедопол их сегодня поведет на спортивное ориентирование!

– Класс! Кел это обожает, – улыбается Лейк, потягивая кофе.

Мы смотрим на лунную дорожку на поверхности воды, прислушиваясь к вечерним звукам. Здесь так тихо и спокойно...

– У нас в Техасе был свой бассейн. Не такой большой, как этот, но тоже красивый! У нас там бывает так жарко, что вода в бассейне становится горячей и без подогрева. Спорим, что в Техасе даже в самый холодный день вода теплее, чем в этом бассейне с подогревом?

– А ты хорошо плаваешь? – спрашиваю я.

– Еще как хорошо! Я в этом бассейне по полгода проводила!

Я целую ее, а сам незаметно забираю у нее из рук чашку, медленно наклоняюсь к ней, потихоньку беру ее под колени. Она так привыкла, что я обнимаюсь с ней на людях, что ничего не подозревает и начинает гладить меня по волосам. Я сажаю ее к себе на колени, а потом встаю и направляюсь к воде. Она отрывается от моих губ, бросает взгляд на бассейн, снова на меня...

– Уилл Купер, только попробуй!

Смеясь, я иду к бассейну, а она пытается вырваться из моих рук. Дойдя до той стороны, где у бассейна самая большая глубина, я останавливаюсь. Лейк изо всех сил цепляется за мою шею и верещит:

– Только вместе с тобой!

– А я по-другому и не планировал, – улыбаюсь я, скидываю ботинки, бросаю ее в воду и прыгаю следом.

Она выныривает и, заливаясь смехом, плывет ко мне:

– Болван! Это же моя единственная одежда!

Я обнимаю ее, и она обвивает ногами мою талию, а руками – шею. Я плыву назад, до тех пор пока не упираюсь спиной в кафельный бортик бассейна. Одной рукой я придерживаюсь за бортик, другой крепко прижимаю Лейк к себе.

– Ну вот, рубашку придется выбросить. Она наверняка испортилась от хлорки, – вздыхает Лейк.

Я глажу ее по спине под рубашкой и прижимаюсь губами к нежной коже прямо за ухом:

– Попробуй только выбросить эту жуткую рубашку, и я с тобой разведусь!

– Ну наконец-то! – заливается смехом она. – Ты все-таки полюбил мою жуткую рубашку!

Я прижимаю ее к себе так крепко, что между нами нет даже воды и мы соприкасаемся лбами.

– Да я всегда любил эту рубашку, Лейк! – заверяю я. – Ведь она была на тебе в тот вечер, когда я наконец признался себе в том, что люблю тебя!

– Это в какой же вечер? – хитро улыбаясь, спрашивает она.

– Не самый удачный. – Положив голову на бортик бассейна, я смотрю в небо.

– Все равно расскажи о нем, – шепчет она, целуя меня в шею.

Я люблю ее

– Колдер, ты уверен, что Джулия разрешила тебе переночевать у них? – спрашиваю я у брата, который переворачивает вверх дном ящик комода в поисках носков, пока Кел складывает в пакет нужные игрушки.

– Уверен! Она сказала, чтобы завтра вечером я не приходил, потому что у них будет семейный ужин, зато сегодня можно остаться на ночь!

Семейный ужин? Наверное, Джулия все-таки решилась рассказать Лейк о своей болезни. У меня внутри все сжимается от тревоги за нее.

– Пойду принесу твою зубную щетку, Колдер, – говорю я и ухожу в ванную.

Тут с улицы доносится чей-то вопль. Я подбегаю к окну гостиной и вижу, как Лейк вылетает из дома и бежит к машине Эдди. Я не слышу слов, но она явно в бешенстве – почти такая же красная, как ее рубашка. Распахнув заднюю дверцу, она оглядывается, продолжая что-то кричать.

И в этот момент я вижу Джулию. При взгляде на ее лицо у меня внутри все обрывается.

Эдди трогается с места, а Джулия остается одна во дворе и плачет, смотря вслед отъезжающей машине. Как только машина исчезает из поля зрения, я выбегаю из дома и быстро перехожу улицу.

– Все в порядке? С ней все в порядке? – спрашиваю я, но Джулия медленно качает головой.

– Ты сказал Лейк, что я больна? – спрашивает она.

– Нет! – спешу заверить ее я. – Я же обещал не говорить.

– Мне кажется, она знает. Не понимаю, как она догадалась, но она знает. Надо было ей раньше рассказать, – произносит Джулия сквозь слезы.

Хлопает входная дверь моего дома, я оборачиваюсь и вижу, что к нам бегут Кел с Колдером.

– Ребята, планы меняются, ночевать будете у меня! – кричу я. – Возвращайтесь в дом!

Они закатывают глаза и притворно стонут и возвращаются в наш дом.

– Спасибо, Уилл! – благодарит меня Джулия и направляется к себе. Я иду за ней.

– Хотите, побуду с вами, пока она не вернется?

– Нет. Мне нужно побыть одной, – тихо отвечает она и закрывает за собой дверь.

Следующие два часа я мучаюсь, стоит ли написать сообщение Гевину. Я с ума схожу, не понимая, все ли в порядке с Лейк. Раздвигаю шторы в гостиной, смотрю в окно и жду ее возвращения. В одиннадцать вечера я не выдерживаю. Вся моя осторожность летит к черту, и я пишу Гевину сообщение.

Лейк в порядке? Вы где? Она останется ночевать у Эдди или вернется домой?

Он довольно быстро отвечает.

Да. В кино. Нет.

Какого черта?! А поподробнее нельзя?

Да как с ней может быть все в порядке? И на фига вы потащили ее в кино в таком состоянии?

Он не отвечает целых две минуты, так что я пишу снова.

Она еще плачет? Вы когда ее домой привезете?

Жду еще несколько минут, не выдерживаю и начинаю писать очередное сообщение, но не успеваю я нажать на «Отправить», как звонит телефон.

– Алло! – с отчаянием в голосе отвечаю я.

– Ты что творишь, Уилл?! – орет в трубку Гевин. – Ведешь себя как псих! Она не твоя девушка!

– Она сейчас с тобой? – спрашиваю я.

– Кино только что закончилось, они с Эдди в туалете, а я вышел тебе позвонить! И напомнить, что ты ее учитель!

Я в бешенстве размахиваю телефоном, но потом беру себя в руки:

– Сейчас это не важно! Я видел, как она уезжала, после того как мама

рассказала ей, что больна раком! Мне просто нужно знать, что с ней все в порядке, Гевин! Я за нее волнуюсь!

В трубке тишина. Гевин молчит, но я слышу какой-то шум на заднем плане и понимаю, что трубку он не повесил.

– Гевин?

– У ее мамы рак? – откашлявшись, спрашивает он. – Ты уверен?

– Да, уверен! А Лейк вам не рассказала, почему плачет, когда села в машину? Джулия не понимает, как она узнала. Думает, что догадалась.

Гевин снова молчит, а потом тяжело вздыхает.

– Уилл, Лейкен решила, что у ее мамы появился новый мужчина, – тихо говорит он. – Она понятия не имеет, что у нее рак.

Рухнув на диван, я чувствую, как у меня сердце в пятки уходит.

– Уилл? – доносится из трубки голос Гевина.

– Да-да. Слушай, Гевин, отвезите ее домой. Им с мамой надо поговорить.

– Да. Сейчас приедем.

* * *

Следующие несколько минут я пытаюсь решить, стоит ли сходить к Джулии и объяснить ей, что Лейкен все неправильно поняла. К сожалению, когда я наконец принимаю решение, к их дому подъезжает машина Эдди. Лейк выходит из машины и идет к дому. Я выключаю свет и задергиваю занавески. Больше всего на свете мне сейчас хочется быть с ней рядом и по мере сил поддержать. Я знаю, какую боль ей предстоит испытать. А я буду находиться в паре сотен метров от нее и не смогу ничего сделать. Ничего!

Захожу в комнату к Колдеру проверить, как там мальчики. Оба уже спят, поэтому я выключаю телевизор, закрываю дверь и иду к себе. Ночь предстоит бессонная, это точно. Представляю себе, как Лейк будет рыдать, пока не заснет. Господи, да я бы все на свете отдал, лишь бы быть сейчас рядом и обнять ее. Если бы я мог взять на себя ее боль, то сделал бы это не раздумывая.

Подложив руки под голову, я смотрю в потолок пустым взглядом. По виску скатывается слезинка, и я машинально смахиваю ее. Меня поглощает душераздирающая печаль и сочувствие к этой девушке.

* * *

Через полчаса кто-то стучит снаружи. Выпрыгнув из постели, я бегу в гостиную, распахиваю дверь и вижу перед собой Лейк. По ее щекам текут черные дорожки туши. Вытирая глаза рукавом, она беспомощно смотрит

на меня. Все мои проявления силы воли и ответственные решения словно ветром уносит, когда я вижу ее полные горя глаза. Обняв, я завожу ее в дом и прикрываю за нами дверь. Я не сомневаюсь, что Джулия все ей рассказала, но на всякий случай осторожно спрашиваю:

– Лейк, что произошло?

Она пытается сдержать рыдания и отдышаться. Я чувствую, что она едва держится на ногах, и подхватываю ее как раз в тот момент, когда она начинает опускаться на пол. Сажусь рядом с ней и глажу ее по голове и позволяю выплакаться. Так проходит несколько минут. Отодвинув воротник ее рубашки, я утыкаюсь лицом в ямочку на шее и наконец осознаю, что она пришла ко мне. Ей нужен был кто-то, и она пришла ко мне!

– Расскажешь, что случилось? – шепотом спрашиваю я.

Она снова начинает рыдать, поэтому я обнимаю ее покрепче. Переводя дыхание между всхлипами, она произносит, возможно, самые страшные слова в ее жизни:

– Она умирает, Уилл! У нее рак!

Я по себе знаю, что утешения тут не помогут. Обняв ее, я делаю единственное, что сейчас уместно: молча принимаю все как есть. Потом беру ее на руки, несу к себе в комнату, кладу на постель и укрываю одеялом. Тут раздается звонок в дверь. Я наклоняюсь, целую Лейк в лоб и выхожу в гостиную.

Я заранее знаю, кого увижу на пороге. Судя по лицу, Джулия не в лучшем состоянии, чем Лейк.

– Она здесь? – сквозь слезы спрашивает она.

– Отдыхает, – киваю я в сторону своей комнаты.

– Можешь привести ее? Ей нужно вернуться домой, чтобы мы обо всем поговорили.

Взглянув в сторону коридора, я вздыхаю. Не хочу отпускать ее. Знаю, что ей нужно время, чтобы прийти в себя.

– Пусть останется у меня, Джулия, – прошу я, хотя понимаю, что рискую как никогда в жизни. – Сейчас я ей нужен.

Джулия отвечает не сразу. Судя по всему, она не ожидала, что я осмелюсь с ней спорить.

– Не могу, Уилл, – качает она головой. – Я не могу позволить ей остаться здесь ночевать.

– Я знаю, каково ей сейчас. Поверьте, ей нужно время, чтобы переварить все это. Просто дайте ей одну ночь, пусть хоть немного успокоится.

Плечи Джулии опускаются. Не в силах взглянуть мне в глаза, она смотрит в пол. Не понимаю, то ли она злится на меня из-за того, что я настаиваю на своем, то ли грустит, признавая мою правоту. Джулия кивает и идет в сторону дома. У нее такое несчастное выражение лица, что мне кажется, будто я ей сердце разбил. Она, наверное, думает, что теряет Лейк, что теперь Лейк будет моей... Увы, это далеко не так.

– Джулия, постойте! – окликаю ее я.

Она замирает и оборачивается. Взглянув мне в глаза, она тут же снова опускает взгляд и упирается руками в бедра. Я подхожу к ней, но она все равно не смотрит на меня. Что же ей сказать? Откашлявшись, я пытаюсь собраться с мыслями...

– Послушайте, Джулия... – наконец начинаю я. – Понимаю, как важно для вас провести с Лейк как можно больше времени. Поверьте, отлично понимаю. И хочу, чтобы она была с вами. Но сейчас ей нужно побыть со мной. Однако это ничего не значит. Ей просто нужно прийти в себя, вот и все. Вы не потеряете ее.

Она проводит руками по лицу, стирая вновь навернувшиеся на глаза слезы, пинает какой-то камень, а потом наконец поднимает голову и смотрит мне в глаза:

– Ты ее любишь, да?

Я молчу.

«Люблю ли я ее?»

Вздыхнув, я сцепляю руки на затылке.

– Изо всех сил стараюсь не влюбиться, – тихо произношу я, впервые признаваясь в этом самому себе.

Услышав мое признание, Джулия снова встречается со мной взглядом, и я вижу в ее глазах твердость и мужество.

– Значит, старайся лучше, Уилл. Она нужна мне. Не могу допустить, чтобы сейчас ее свела с ума ваша запретная любовь. Это нам сейчас нужно меньше всего. – Джулия качает головой и отводит взгляд.

Ее слова причиняют мне острую боль. Она разочарована. Сделав шаг ей навстречу, я смотрю в ее глаза и собираюсь дать еще одно обещание. Господи, даруй мне силы сдержать его!

– Не важно, что я чувствую. Я тоже совершенно не хочу, чтобы она погрузилась в наши отношения. Как и вы. А сейчас ей просто нужен друг, вот и все.

– Ладно. – Джулия обнимает себя за плечи и смотрит на мой дом. – Но исключительно потому, что ты прав: ей нужно время, чтобы прийти в себя. – Она переводит взгляд на меня. В глазах по-прежнему стоят слезы, и

я молча киваю в знак согласия. Она кивает в ответ и направляется к своему дому, уже на ходу бросив мне через плечо: – Сегодня тебе лучше поспать на диване.

Я возвращаюсь к себе, запираю входную дверь и захожу в свою комнату. Лейк меня даже не замечает. Я осторожно ложусь рядом с ней, подкладываю руку ей под голову, а другой обнимаю за плечи. Прижимаю ее к себе, а она продолжает плакать, пока наконец не засыпает.

Глава 13

Медовый месяц

Мы остаемся в бассейне и продолжаем держать друг друга в объятиях. Голова Лейк лежит на моем плече. Потом она прижимается к нему слегка приоткрытыми губами и целует, постепенно перемещаясь к ключице, к шее... Я резко втягиваю в себя воздух. Добравшись до губ, Лейк на мгновение отстраняется.

– Я люблю тебя, Уилл Купер! – со слезами на глазах признается она.

Лейк крепче обхватывает меня ногами за талию, кладет ладони мне на затылок и начинает медленно, с наслаждением целовать. Мне кажется, она впервые целует меня с такой страстью, с такой глубиной чувств. Как будто таким образом пытается выразить свою благодарность.

И я позволяю ей это. Я позволяю ей благодарить меня добрых пять минут.

Наконец она отрывается от моих губ, опускает ноги и улыбается:

– Это тебе за то, что ты меня так любишь!

Она отталкивается ногами от стенки бассейна и плывет на спине к противоположной стенке. Доплыв, опирается локтями о бетонный бортик и смотрит на меня с такой улыбкой, что у меня аж дыхание перехватывает. Мне хочется поскорее вернуться в наш номер.

– Жаль, что теперь тебе нравится моя рубашка, – произносит она с проказливым блеском в глазах.

– Это почему же?

Лейк отпускает бортик бассейна и подносит руку к верхней пуговице.

– Потому что мне она надоела... – низким грудным голосом шепчет она.

– А-а-а, вот как, – улыбаюсь я.

Она расстегивает верхнюю пуговицу, и я вижу краешек ее бюстгалтера. За последние двадцать четыре часа я видел его бесчисленное количество раз, но сейчас вид этой полоски ткани возбуждает меня как никогда. Мне хочется немедленно сорвать с нее рубашку, но мы все-таки во дворе отеля. Я нервно оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не видит, а потом снова перевожу взгляд на Лейк. Она уже расстегнула вторую пуговицу и взялась за третью, пристально глядя мне в глаза.

– Лейк...

– Что? – невинно спрашивает она, расстегивая четвертую пуговицу и касаясь пальцами пятой.

– Это плохая идея, – медленно качаю головой я.

– Почему? – Она спускает рубашку с плеч, и теперь я вижу ее бюстгальтер целиком.

Я пытаюсь срочно придумать, почему это плохая идея, но в голову ничего не приходит. Все мои мысли заняты только тем, как бы помочь ей поскорее снять эту чертову рубашку. Переплыв бассейн, я приближаюсь к Лейк, берусь за рукав рубашки и окончательно стягиваю ее со своей жены, а потом бросаю на бетон и касаюсь пуговицы на ее джинсах. Лейк тихонько ахает.

– Тогда зачем же останавливаться? – шепчу я ей на ухо, расстегивая молнию.

Вообще-то, я блефовал, думал, что она застесняется, но, как выяснилось, жестоко ошибался. Обняв меня одной рукой за шею, другой она помогает мне снять с нее джинсы. Я беру ее за бедра и резко поворачиваюсь, чтобы прижаться к стенке бассейна. Она хватается за бортик у меня за головой, и я опускаюсь поглубже, так что вода доходит нам до самых подбородков.

Мы прижимаемся друг к другу, нас разделяют только мои джинсы и ее трусики, и один из этих предметов вот-вот покинет своего хозяина. Подсунув пальцы под резинку, я начинаю медленно стаскивать трусики вниз.

– И что теперь? – спрашиваю я, лаская ее в полной уверенности, что она вот-вот объявит точку возврата.

Она тяжело дышит мне в шею, ее подбородок то исчезает под водой, то снова появляется над поверхностью. О точке возврата и говорить нечего... Лейк закрывает глаза, словно таким образом бросая мне вызов.

Я расстегиваю ее бюстгальтер и начинаю снимать его, но она вдруг громко вздыхает и шепчет, прикрывая руками обнажившуюся грудь:

– Уилл, а вдруг кто-нибудь сюда придет?

– А кто первый начал? – с улыбкой спрашиваю я, бросая бюстгальтер на бетон рядом с рубашкой. – Только не говори мне, что это точка возврата!

Я целую ее в подбородок, скольжу губами по шее, а она убирает руки от груди, глубже опускается под воду и снова прижимается ко мне.

– Считай, что я забыла это слово! – шепчет она, нащупывая пуговицу моих джинсов.

– Эй, вы скоро закончите? – раздается чей-то голос.

Лейк тут же бросает начатое дело, обнимает меня и утыкается лицом мне в плечо.

Взглянув налево, я вижу, что у входа стоит сотрудник отеля.

– Мне пора закрывать, – говорит он с легкой ехидцей, уперев руки в бока.

– О боже, боже, боже! – шепчет Лейк. – Где, черт побери, моя одежда?

– А я тебе говорил, что это плохая идея! – смеюсь я.

Не выпуская ее из объятий, я смотрю на мужчину, которого, похоже, очень забавляет все происходящее.

– Э-э-э... Не могли бы вы подкинуть мне вон те вещи? – спрашиваю я, показывая на рубашку и бюстгальтер Лейк, которые лежат в нескольких метрах от нас.

Лейк вцепляется мне в шею мертвой хваткой. Парень смотрит на одежду, хихикает, а потом переводит взгляд на Лейк и широко улыбается, как будто я пустое место. Подойдя к краю бассейна, он бросает нам рубашку, все это время не переставая пялиться на Лейк. Я накидываю рубашку ей на плечи.

– Будьте любезны... – напряженным тоном обращаюсь к нему я. Парень наконец замечает мой сердитый взгляд, понимает, что к чему, отворачивается и уходит.

Лейк натягивает мокрую рубашку, а я вылавливаю и протягиваю ей джинсы.

– Миссис Купер, вы оказываете на меня разлагающее влияние! – с шутливым укором заявляю я.

– Ну уж нет! Я, вообще-то, собиралась остановиться на рубашке! – протестует она. – Это ты решил, что есть идея получше!

– Если ты не собиралась заняться тем, чем мы только что занимались, зачем в воду заманивала? – спрашиваю я, помогая ей натянуть мокрые джинсы.

– Ой, наверное, просто не устояла перед твоими кубиками на животе! – смеется она, качая головой.

Я целую ее в нос, беру на закорки и выношу из бассейна. До самого номера за нами тянется широкий мокрый след.

* * *

Лейк лежит на животе поперек кровати в гостиничном халате, который я уже успел полюбить. Придется прихватить его с собой, когда будем уезжать. Она щелкает пультом, перескакивая с канала на канал, поэтому я подползаю к ней и отбираю пульт.

– Моя очередь! – восклицаю я и переключаю на ESPN.

– Это мой медовый месяц! – протестует Лейк, выхватывая пульт из моих рук и снова поворачиваясь к телевизору. – Буду смотреть, что хочу!

– Твой медовый месяц?! А я что, вообще ни при чем?!

Лейк не отвечает и продолжает смотреть на экран. Потом бросает на меня мимолетный взгляд и снова отворачивается к телевизору. Я растерянно молчу.

– Ты что-то сказал? – через несколько секунд спрашивает она. – Или мне послышалось?

Я отбираю у нее пульт, выключаю телевизор и зашвыриваю пульт в противоположный конец комнаты. Потом хватаю ее за запястья, переворачиваю на спину и прижимаю к кровати:

– Кажется, ты забыла, кто в этом доме главный! Кто носит брюки в этой семье?

– Ох, поверь, не забыла! – смеется она. – Ты носишь брюки, дорогой! Именно ты! Даже в ванне не снимаешь! Помнишь?

Я со смехом целую ее в ухо:

– Если не ошибаюсь, ты тоже как-то принимала душ в одежде!

– Против собственной воли! – хохоча, отзывается она.

Безумие

Приготовив мальчикам завтрак, я потихоньку возвращаюсь в свою комнату и плотно прикрываю за собой дверь. Не хочу, чтобы они знали, что Лейк здесь ночевала.

Сажусь на краешек кровати у нее в ногах. Если сяду поближе, то не смогу не дотронуться до нее, не обнять, не погладить по голове. Вчера ночью я испытал настоящие муки ада, обнимая ее, но не имея возможности поцеловать, чтобы хоть как-то облегчить ее страдания. Муки ада! Конечно, когда она уснула, я слегка поцеловал ее волосы. Мог бы, кстати, тогда же и в любви признаться.

В общем, муки ада!

– Лейк... – шепчу я, но она не шевелится. – Лейк!

Она едва заметно шевелится, но глаз не открывает и выглядит сейчас удивительно спокойной и умиротворенной. Как только я разбуджу ее, она снова столкнется с суровой действительностью, поэтому решаю дать ей еще несколько минут покоя. Перед тем как выйти из комнаты, подхожу к изголовью кровати и едва заметно касаюсь губами ее лба.

* * *

– А если она похудеет? – спрашивает Кел.

– А зачем ей худеть? – отзываюсь я, накладывая ему на тарелку омлет, а потом подхожу к плите и ставлю сковородку обратно.

– А если тебе не кажется, что она толстая, и целоваться с ней нравится, почему ты не хочешь, чтобы она была твоей девушкой?

– Мне нравится с ней целоваться?! – резко оборачиваюсь я к мальчикам. – С чего ты взял?

– Ну как же, ты ведь целовался с ней на том пробном свидании! – объясняет Кел, поглощая омлет. – Лейк говорит, что ты с ней не целовался, но я-то вас видел! Она сказала, что у тебя может быть куча проблем из-за того, что ты ее поцеловал, и что ничего я не видел.

– Она так и сказала? – спрашиваю я.

– Ну да, она нам так и сказала, – кивает Колдер. – Но Кел говорит, что он видел, и я ему верю! А почему у тебя могут быть проблемы из-за того, что ты ее поцеловал?

Не ожидал я таких разговоров с утра пораньше. Но сейчас я слишком устал, чтобы читать им мораль. После всего, что произошло накануне вечером, да еще и лежа в одной постели с Лейк, я до утра глаз не сомкнул.

– Послушайте, ребята, – говорю я, подходя к ним ближе и опираясь о стойку, – иногда в нашей жизни происходят вещи, которые нам неподвластны. Я не могу быть парнем Лейк, а она не может быть моей девушкой. Мы не поженимся, и вы не станете братьями. Просто радуйтесь тому, что можете быть лучшими друзьями и жить по соседству.

– Это из-за того, что ты учитель? – прямо в точку попадает Колдер.

Я хватаюсь за голову: они беспощадны! И очень сообразительны!

– Да, – признаюсь я. – Да. Из-за того, что я учитель. Учителя не могут встречаться со своими ученицами, школьницы не могут встречаться со своими учителями, поэтому Лейк не станет моей девушкой. Я не могу быть ее парнем. Мы не можем пожениться. Никогда. А теперь хватит об этом.

Я обрываю разговор, подхожу к плите и накрываю крышками все сковородки, чтобы еда не остыла.

Не знаю, во сколько проснется Лейк, но мне нужно накормить мальчиков и выставить их из дома, пока она не выйдет из моей комнаты. Как, черт побери, я им объясню, что встречаться с ученицами нельзя, а спать в одной постели можно?!

* * *

Мы успеваем позавтракать, а она все еще спит, поэтому я отвожу мальчиков к Джулии. Кел с Колдером забегают в дом, но я почему-то стучусь в дверь и остаюсь стоять на пороге. Мне открывает Джулия, прикрывая глаза от солнца.

– Простите. Я вас разбудил?

– Да я, по-моему, вообще не спала, – качает головой она, делая мне знак зайти в дом. Она проходит в гостиную, и я иду за ней. – Как она?

– Пока спит, – пожимаю плечами я. – Не выходила из комнаты.

– Она напугана, Уилл, – кивает Джулия, садится на диван и потирает виски руками. – Она так испугалась, когда я ей рассказала. Я знала, что она будет в ужасе, но не до такой степени. Такой реакции я совсем не ожидала. Мне нужно, чтобы она была сильной при разговоре с Келом. Я не могу ему рассказать, пока она так себя ведет.

– Джулия, но прошло же всего семь месяцев после смерти ее отца. Потерять одного из родителей тяжело, но потерять обоих в ее возрасте... Это же уму непостижимо!..

– Да... – шепчет она. – Да, ты знаешь, о чем говоришь...

Она все еще сомневается, что Лейк реагирует абсолютно нормально. На такие ужасные известия все реагируют по-разному. Я даже не заплакал, когда узнал о смерти родителей, и тем не менее это был самый ужасный

момент в моей жизни.

Я ехал домой после матча, и тут мне позвонили. В их медкартах были мои координаты для связи. Голос в трубке сообщил мне, что произошел несчастный случай и мне нужно срочно приехать в больницу Детройта. Как я ни умолял, в подробности меня не посвятили. Я попытался дозвониться до родителей по мобильному, но они не отвечали. Я позвонил бабушке с дедушкой, которые живут всего в паре минут езды от больницы, и рассказал им о том, что произошло. Это был самый тяжелый телефонный разговор в моей жизни.

Я гнал изо всех сил, держа мобильный на руле и краем глаза постоянно глядя на экран. Все мои мысли были только о Колдере. Я думал, что случилось что-то ужасное и что мои родители не подходят к телефону, потому что хотят сообщить об этом мне лично.

Прошел час, бабушка с дедушкой так и не перезвонили. Я набирал их номер раз пять, но они не отвечали. После шестого звонка, когда вызов снова переключился на голосовую почту, я начал понимать, что произошло.

Мои родители. Колдер. Они мертвы, все трое.

Припарковавшись около отделения неотложки, я вбежал в больницу и первое, что увидел, – рыдающую в кресле бабушку.

Нет, она даже не плакала. Она стонала. Дедушка стоял ко мне спиной, но было видно, как дрожат его плечи. Его трясло. Несколько минут я просто смотрел на них и не верил своим глазам. Ведь они всегда были сильными, независимыми. Я восхищался ими, уважал и считал лучшими людьми на свете. Казалось, никто и ничто не может их сломить.

Но тогда они предстали передо мной сломленными и слабыми. Единственное, что может сломить таких людей, – то, о чем даже помыслить невозможно. Едва увидев их в холле, я сразу понял, что мои самые страшные догадки подтвердились.

Они все мертвы.

Я развернулся и вышел на улицу. Мне не хотелось там находиться. Надо было выйти на воздух. Я не мог дышать. Дойдя до газона рядом с парковкой, я упал на колени. Слез не было. Мне просто стало физически нехорошо. Раз за разом мой желудок отвергал жестокую правду, в которую я отказывался поверить. Когда во мне совсем ничего не осталось, я упал на траву и стал смотреть в небо, на звезды. А они смотрели на меня. Оттуда, с неба, миллионы звезд смотрят на мир. Мир, где умирают родители и братья и ничто не останавливается в знак уважения к их памяти. Жизнь идет своим чередом, как будто бы ничего не произошло, даже когда чья-то

отдельная жизнь оказывается разрушенной до основания.

Я прикрыл глаза и подумал о нем. Последний раз по телефону мы говорили недели две назад. Я пообещал, что приеду на следующих выходных и свожу его на футбол. Но в те выходные Воэн уговорила меня не уезжать. Сказала, что промежуточная аттестация всего через две недели, поэтому надо успеть провести вместе побольше времени, пока все не начнется. Поэтому я позвонил Колдеру и сказал, что не смогу приехать. Вот таким был наш последний разговор.

Последний разговор. И другого не будет.

– Уилл? – раздался у меня за спиной голос дедушки. – Уилл, с тобой все в порядке? – Он стоял рядом, вытирая слезы с полных горя глаз.

На него было больно смотреть. Я не двигался. Просто лежал на траве, смотрел на него и хотел только одного: чтобы он ничего не говорил. Я не мог это слышать.

– Уилл... они...

– Знаю, – быстро ответил я, не желая слушать то, что он скажет.

– Да, – кивнул он и отвернулся. – Твоя бабушка хочет...

– Знаю, – повторил я еще громче.

– Может быть, тебе стоит...

– Не хочу.

Я и правда не хотел. Ноги моей не будет в этой больнице. В этом здании, где лежат трое моих самых близких людей. Без каких-либо признаков жизни.

– Уилл, тебе придется...

– Я не хочу! – заорал я.

Дедушка, мой бедный дедушка, просто кивнул и вздохнул. А что еще он мог сделать? Что еще он мог сказать? У меня только что отняли всю мою жизнь, поэтому меньше всего на свете мне хотелось выслушивать соболезнования от медсестер и врачей, от священников и даже от бабушки с дедушкой. Я просто ничего не хотел слышать.

Оставив меня лежать на газоне, дедушка нерешительно отошел на несколько шагов, но перед тем, как уйти, все-таки обернулся:

– Понимаешь, Колдер тебя зовет. Он жутко напуган. Поэтому когда ты будешь готов...

– Колдер?! – Я боялся верить своим ушам. – Колдер, он...

– Нет, сынок, – покачал головой дедушка. – Нет-нет, с Колдером все в порядке!

Как только он произнес это, на меня как будто навалилось все вместе. Сдавило грудь, лицо запылало, зашипало глаза. Схватившись за руку, я

перекатился на живот и сел на колени... Что было дальше, помню плохо. Из меня вырвались какие-то утробные звуки – даже не знал, что я на такое способен. Никогда в жизни – ни до, ни после – я так не плакал. Я сидел на газоне перед больницей и плакал от радости, что Колдер жив.

– Ты в порядке? – спрашивает Джулия, выводя меня из ступора.

– Да-да, – киваю я, стараясь стряхнуть воспоминания о том дне, – в порядке.

– Я не хочу, чтобы ей пришлось растить Кела, – поерзав на диване, вздыхает Джулия. – Лейк должна получить шанс прожить свою собственную жизнь. Я не возложу на нее такую непосильную ношу.

– Джулия, – уверенно говорю я, потому что не понаслышке знаю, о чем идет речь, – вы возложите на нее непосильную ношу, если запретите ей это.

Если Лейк не сможет растить Кела, это убьет ее. Точно так же, как мысль о смерти Колдера чуть не убила меня. Для нее это будет страшным ударом.

Джулия не отвечает, давая мне понять, что я лезу не в свое дело. Мы молча сидим на диване. Похоже, нам обоим больше нечего сказать.

– Я свожу мальчиков куда-нибудь сегодня вечером, – наконец говорю я. – До нашего отъезда прослежу, чтобы Лейкен встала, и тогда у вас будет время поговорить.

– Спасибо тебе, – искренне благодарит она и улыбается.

Это хорошо. Я уважаю право Джулии на свое мнение, и мне очень не хочется, чтобы она разочаровалась во мне так же, как и Лейк.

Кивнув, я ухожу домой и сразу иду в свою комнату. Лейк еще спит. Опустившись на кровать рядом с ней, я шепчу, пытаюсь осторожно разбудить ее.

– Лейк, просыпайся! – тихо шепчу я, присев рядом с ней на кровать.

Она ворочается, сбрасывает с себя одеяло. Уже давно пора обедать, но она, судя по всему, проспала бы еще часов двенадцать. Лейк открывает глаза, тянется и тут замечает меня. На ее щеках засохли потеки туши, черные разводы остались и на моей подушке. Волосы растрепаны, резинка валяется рядом на простыне. Выглядит она ужасно. Ужасно красиво.

– Да, ты, судя по всему, не жаворонок, – произношу я.

– Туалет, – садится в постели она. – Где у тебя туалет?

Я указываю в другой конец коридора. Она вскакивает с кровати и бросается к двери. Вот теперь она точно проснулась, но, готов поспорить, ей нужна чашечка кофе.

Сварив кофе для нас обоих, я сажусь к барной стойке и ставлю наши

чашки рядом. Наконец Лейк выходит из туалета:

– Сколько сейчас времени?

– Половина второго.

– Ой! – в шоке восклицает она. – Да, у тебя и правда удобная кровать...

– Очевидно, да. – Я с улыбкой толкаю ее в плечо.

Мы молча пьем кофе. Понятия не имею, какие мысли бродят сейчас в ее голове, поэтому не решаюсь заговорить первым и даю ей время подумать. Допив кофе, я убираю наши чашки в раковину и сообщаю, что везу мальчиков на утренний сеанс в кино.

– Мы выезжаем через пять минут, потом, наверное, перекусим где-нибудь и вернемся около шести. Так что у тебя будет время поговорить с мамой.

– А если я не хочу разговаривать? Если я хочу с вами в кино? – хмурится она.

– Тебе сейчас нужно не кино смотреть, а с мамой поговорить, – говорю я, облакачиваясь о стойку. – Пошли! – Я беру ключи, куртку и направляюсь в сторону двери.

Она откидывается на спинку стула и упрямо скрещивает руки на груди.

– Да я же только что проснулась! Еще даже кофеин не подействовал! Можно, я побуду здесь еще немного?

Она надувает губки, выпячивая нижнюю, и умоляюще смотрит на меня. Мой взгляд задерживается на ее лице на секунду дольше положенного. Кажется, она это замечает, потому что прикусывает нижнюю губу и краснеет. Я слегка качаю головой, стараясь переключить внимание на что-нибудь нейтральное.

– Ладно. – Я выхожу из транса и целую ее в лоб. – Но не весь день. Ты должна поговорить с ней.

Я ухожу, в полной мере осознавая, что этот поцелуй в лоб нарушает все границы. Хотя тот факт, что она спала в моей постели прошлой ночью, и без того взбаламутил воду. Ситуация уже не кажется мне такой черно-белой. Видимо, теперь мой любимый цвет – серый.

* * *

Прошло больше пяти часов с того момента, как мы с мальчиками уехали, поэтому я надеюсь, что Лейк и Джулия уже успели поговорить и во всем разобраться. Предложу Келу переночевать у нас, чтобы дать им еще какое-то время. Отперев входную дверь, мы с мальчиками проходим в гостиную и замираем на пороге: на полу сидит Лейк, а вокруг на нее раскидана куча белых этикеток.

Какого черта она тут делает?

– Ты что делаешь? – спрашивает Колдер, словно озвучивая мои мысли.

– Навожу порядок. Алфавитный, – отвечает она, не поднимая головы.

– Алфавитный? Что еще за порядок?

– Просто порядок. Сначала разобрала фильмы, потом музыку. Колдер, я у тебя в комнате книжки расставила. Игры тоже. Некоторые названия начинались с цифр, поэтому их я поставила вперед, а дальше по алфавиту. А это рецепты, – говорит она, показывая на карточки, рассыпанные на полу. – Я их нашла на холодильнике. Сначала по алфавиту идут категории: баранина, говядина, курица, свинина. А потом, внутри категорий...

– Ребята, ну-ка идите к Келу и скажите Джулии, что вы приехали, – бросаю я мальчикам, не глядя в их сторону.

Мальчики не двигаются с места, таращась на Лейк.

– А ну быстро! – прикрикиваю я на них.

На этот раз дважды повторять не приходится, и они быстро исчезают за дверью.

Я медленно подхожу к дивану и сажусь, боясь что-то говорить ей. С ней что-то не так. Она как будто... как будто пьяная.

– Слушай, ты же учитель! – подмигивает мне она. – А ну-ка, подскажи мне: «Суп из печеного картофеля» надо положить в категорию «Супы» или «Картофель»?

Какого черта тут происходит? Она отрицает очевидное. Напрочь отрицает.

– Перестань, – без тени улыбки говорю я.

Не знаю, что у них с мамой сегодня произошло, но она не должна так себя вести. Ей нужно посмотреть правде в глаза.

– Да не могу я, дурачок! Я уже почти закончила. Если не разберу до конца, то ты ни за что не сможешь найти... ну, например «Курицу по-ямайски»! – заявляет она, поднимая с пола наугад одну из карточек.

Оглядевшись, я замечаю, что все DVD-диски аккуратно сложены перед телевизором. Встаю, медленно иду в кухню и провожу инспекцию: черт, она до блеска отмыла все рабочие поверхности! Я как чувствовал, что не надо ее сегодня оставлять одну! Господи, бьюсь об заклад, она сделала генеральную уборку во всем доме, а к маме даже не ходила! Иду в спальню: постель аккуратно заправлена. Не просто аккуратно, а идеально! В нерешительности замираю перед шкафом с одеждой, боясь открыть его. Она расставила по местам всю обувь. Рубашки висят справа, брюки слева. Вся одежда развешана по цветам – от светлых к темным.

Она развесила по цветам мою одежду?! Дальше даже и смотреть не

хочу! Слов нет, что она сделала с этим домом! Думаю, от нее не укрылось ничего!

Черт! Я кидаюсь к тумбочке и открываю ящик, достаю книгу, открываю, но чек за ее шоколадное молоко, кажется, на месте. Я с облегчением вздыхаю – слава богу, она его не нашла! – и кладу книгу на место. Вот это было бы крайне неприятно, она вогнала бы меня в краску!

Возвращаюсь в гостиную, по дороге замечая, как безупречно вылизан весь дом. Она потратила на это чертову уйму времени, а значит, с мамой так и не поговорила!

– Ты что, развесила мою одежду по цветам? – сердито спрашиваю я, стоя в коридоре.

Лейк пожимает плечами и улыбается, как будто все в порядке вещей:

– Да это было несложно, не переживай. У тебя же рубашки всего трех цветов.

Она хихикает, заставляя меня поморщиться.

Хватит! Отрицание очевидного не идет ей на пользу и уж точно не пойдет на пользу Келу, когда Джулия расскажет ему. Я быстро подхожу к ней и наклоняюсь за карточками. Нам надо сесть и серьезно поговорить.

– Уилл, перестань! Знаешь, сколько у меня на это времени ушло!

Она вцепляется в карточки, не давая мне забрать их. Я понимаю, что настаивать бесполезно, поэтому выпускаю карточки из рук и пытаюсь поднять Лейк с пола. Мне нужно, чтобы она посмотрела мне в глаза и пришла в себя.

Но этого не происходит. Мало того, она бросается в драку, пинает меня ногами. Ведет себя как непослушный ребенок!

– Отпусти! Отпусти! Я еще не закончила!

Я отпускаю ее руки – сама напросилась! – и она падает на пол. Я иду в кухню, беру из-под раковины пустой кувшин и наполняю его водой. Знаю, что пожалею об этом, но надо же как-то вывести ее из этого состояния. Когда я возвращаюсь в гостиную, она не удостоивает меня даже взглядом. Я переворачиваю кувшин прямо у нее над головой.

– Какого черта?! – кричит она, от неожиданности взмахивая руками, и смотрит на меня с неподдельной ненавистью.

Лейк вскакивает на ноги, бросается на меня и пытается ударить. Возможно, идея с кувшином была не самой удачной... Или просто воды оказалось маловато?

Я хватаю ее за руку и выкручиваю, заводя за спину, а потом насильно веду в сторону ванной. Мы заходим внутрь, я обнимаю ее и отрываю от земли. Она просто не оставляет мне выбора. Пытается отбиваться, и иногда

ей это даже удастся! Одной рукой я прижимаю ее к стене душевой кабинки, а другой – открываю воду. Струи воды начинают хлестать ей в лицо...

– Идиот! Придурок! Урод! – захлебываясь, вопит она.

– Вставай под душ, Лейкен! – приказываю я, делая воду потеплее. – Вставай под душ, мать твою!

Я выпускаю Лейк из своей хватки и пячусь назад. Закрываю за собой дверь и придерживаю ее снаружи, на случай если пленница попытается сбежать. Она, конечно же, пытается: стучит в дверь, дергает за ручку...

– Уилл, а ну выпусти меня! – доносятся до меня ее вопли. – Немедленно!

– Послушай, Лейкен, я тебя выпущу только после того, как ты разденешься, встанешь под душ, вымоешь голову и успокоишься, – невозмутимо говорю я, не выпуская дверную ручку, и минуту спустя слышу звук задергивающейся занавески. Убедившись, что она больше не попытается выйти, я обуваюсь и перехожу через дорогу, чтобы взять для Лейкен одежду.

– С ней все в порядке? – спрашивает Джулия, едва открыв дверь, и делает едва заметный жест, означающий, что Кел и Колдер стоят за ее спиной и слышат наш разговор.

– Слишком уж в порядке, – шепчу я. – Она себя очень странно ведет. Вы с ней хоть поговорили?

Джулия кивает, но не сообщает подробности – боится, что Кел может что-нибудь услышать.

– Она в душе. Я зашел взять ей что-нибудь из одежды, – объясняю я, закрывая тему.

– Зайди к ней в комнату, – кивает Джулия, направляясь в сторону кухни. – Последняя дверь справа. А то я посуду мою.

Она отворачивается к раковине, а я стою в нерешительности. Мне как-то неловко заходить к Лейк в комнату.

Пройдя по коридору, я медленно открываю дверь. Не знаю, чего я ожидал, – возможно, что увижу типичную комнату подростка, но меня приятно удивляет отсутствие постеров на стенах и ультрафиолетовых ламп на потолке. Комната выглядит на удивление по-взрослому для восемнадцатилетней девушки. Подойдя к комоду, я открываю верхний ящик, достаю оттуда майку. Потом открываю следующий ящик в поисках брюк, но натываюсь на кучу лифчиков и трусиков. Мне как-то не по себе оттого, что я нахожусь в комнате Лейк без ее ведома. Уговариваю себя просто взять чистое белье и закрыть ящик, но вместо этого начинаю

рассматривать содержимое, представляя, как выглядит на ней все это нижнее белье.

«Черт побери, Уилл!» – одергиваю я себя, хватаю первое попавшееся под руку белье, захопываю ящик, а потом ищу пижамные штаны. В какой-то момент майка выскользывает у меня из рук и падает на пол. Я наклоняюсь, чтобы поднять ее, и замечаю на полу заколку. Похожа на детскую. Я беру ее в руки и разглядываю, размышляя, почему она хранит такую старую вещь.

– Раньше думала, что это волшебная заколка, – раздаётся с порога голос Джулии.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь:

– Вот эта?!

Джулия кивает, заходит в комнату и садится на кровать:

– Как-то раз, когда Лейк была еще совсем маленькая, отец пришел с работы и обнаружил, что она отстригла себе большую прядь волос. Она плакала, боялась, что я буду ее ругать. Тогда он зачесал ей волосы назад и скрепил их этой заколкой. Сказал ей, что заколка волшебная и, пока она ее не снимет, я ничего не замечу.

– Ничего себе! – смеюсь я, представляя себе Лейк с отстриженной прядью волос. – Но вы, я так понимаю, все-таки заметили?

– О, не заметить было сложно! – смеется Джулия. – Ужасно смешно выглядело! Она отстригла сантиметров шесть посередине челки! Муж позвонил мне и попросил сделать вид, что все в порядке. Признаюсь, это было очень тяжело! У нее волосы несколько месяцев отрастали. Но я ничего не могла ей сказать, потому что каждое утро она первым делом быстро закалывала волосы.

– Ничего себе! Значит, у нее уже тогда была сила воли?

– Ты даже не представляешь себе какая, – улыбается Джулия. – Более упрямого человека за всю свою жизнь не встречала.

Я наклоняюсь и кладу заколку туда, где нашел, а потом снова оборачиваюсь к Джулии. Она сосредоточенно разглядывает свои ногти и сейчас очень похожа на Лейк, только намного печальнее.

– Она же меня сейчас ненавидит, Уилл... Не понимает, почему я так поступаю. Она хочет опекать Кела, но я не уверена, что могу ей это позволить.

Не знаю, стоит ли в моем положении давать ей советы, но, кажется, она не против. Просто я был в такой же ситуации, как Лейк, и в тот вечер ничто не смогло бы помешать мне забрать Колдера от бабушки с дедушкой.

Взяв одежду Лейк под мышку, я направляюсь к двери, но у порога

оборачиваюсь:

– Может быть, вам надо попытаться понять, почему она так поступает. Кроме Кела, у нее не останется никого. Никого! И сейчас ей кажется, что вы хотите лишить ее единственного, что у нее останется.

– Я не хочу забирать его у Лейк, – поднимает на меня взгляд Джулия. – Я просто хочу, чтобы она была счастлива.

Счастлива?

– Джулия, послушайте, у нее совсем недавно умер отец. Вы тоже скоро умрете. Ей восемнадцать лет, и ей предстоит прожить целую жизнь без двух людей, которых она любит больше всего на свете. Ее счастье от вас не зависит. У нее земля уходит из-под ног, и она бессильна что-либо изменить. Самое меньшее, что вы можете для нее сделать, – позволить ей сделать выбор хотя бы в чем-то. Могу вам сказать по собственному опыту... Забота о Колдере – единственное, что заставляло меня жить дальше. Если вы хотите забрать у нее Кела, потому что думаете, что так ей будет легче, то ошибаетесь. Для них обоих ничего хуже разлуки быть не может.

Испугавшись, что снова перешел границы дозволенного, я выхожу из комнаты Лейк и возвращаюсь к себе.

* * *

Открыв дверь в ванную, я тихо прохожу, кладу одежду и чистое полотенце на полку и украдкой бросаю взгляд в зеркало. Оно запотело, но душ в отражении все-таки видно. Занавеска в одном месте слегка отдернута, и я вижу, что Лейк поставила ногу на бортик и бреет ее.

Моей бритвой.

В моем душе.

Ее одежда на полу, прямо у меня под ногами. На полу, а не на ней. Она стоит обнаженная в трех метрах от меня.

«Господи, сегодня один из самых ужасных дней в ее жизни, а я тут представляю себе, как она выглядит без одежды! Вот сволочь!»

Если у меня осталась хоть капля совести, для начала я бы вообще не пустил ее к себе в дом вчера вечером. А теперь я смотрю, как лезвие бритвы скользит к ее щиколотке, и мечтаю о том, чтобы она не захотела идти домой и осталась у меня хотя бы еще на одну ночь.

Всего на одну ночь! Я еще не готов отпустить ее!

На цыпочках выхожу из ванной, прикрываю за собой дверь, иду в кухню и умываюсь холодной водой.

Схватившись за край стойки, я делаю глубокий вдох и готовлюсь

принести ей глубочайшие извинения. Сейчас она наверняка злится на меня за то, что я наорал на нее и поставил под душ... Но я ее не виню. Наверняка был какой-то более простой способ успокоить ее.

– Мне нужно полотенце! – кричит она из ванной.

– Полотенце на полке, – отвечаю я, подходя к двери. – Там же твоя одежда.

Вернувшись в гостиную, я сажусь на диван и пытаюсь сделать вид, как будто ничего особенного не произошло. Может быть, если притворюсь, что все в порядке, она тоже будет вести себя спокойнее.

Господи, меня приводит в ужас одна мысль о том, что она может злиться на меня еще один день. Когда она прочитала свое стихотворение перед всем классом, это, наверное, был самый тяжелый удар от девушки за всю мою жизнь... Да еще и перед семнадцатью учениками. Конечно, никто из них не подозревает, что стихотворение предназначалось мне, разве что Гевин, но все-таки... У меня было такое ощущение, как будто каждое из тридцати оскорблений словно пуля пронзало мне сердце.

Дверь ванной приоткрывается, и все мои попытки сделать вид, как будто ничего не случилось, летят ко всем чертям. Перепрыгнув через спинку дивана, я подбегаю к ней, чтобы обнять и извиниться за все, что произошло. Лейк пораженно пятится назад, пока не упирается спиной в стену. Я обнимаю ее и крепко прижимаю к себе:

– Прости, Лейк... Прости, что я так с тобой обращался... Но ты была совсем не в себе... – шепчу я, пытаюсь хоть как-то оправдать свои действия. Она не пытается ударить меня, а обнимает за шею, и от этого у меня сжимается сердце. Я пытаюсь собрать в кулак остатки силы воли...

– Все в порядке, – тихо произносит она. – Просто у меня был плохой день.

Больше всего на свете мне сейчас хочется закрыть ей рот поцелуем. Сказать ей, как сильно она мне нужна. Как сильно я ее люблю. Сказать, что я буду с ней рядом каждую секунду, какие бы страшные события ни происходили в ее жизни.

Но ничего этого я не делаю. Не делаю ради Джулии. Неохотно отстранившись от Лейк, я беру ее за плечи:

– Значит, мир? Ты не будешь больше драться со мной? Мы друзья?

– Мир, – кивает она, натянуто улыбаясь.

По ее лицу сразу видно, что она хочет быть моим другом не больше, чем я ее. Мне приходится отвернуться и выйти в коридор, прежде чем слова «Я люблю тебя» сорвутся с моих губ.

– Как кино? – спрашивает она, идя за мной следом.

Я не могу просто болтать с ней как ни в чем не бывало. Надо разобраться, почему она здесь, а то я забуду, что она здесь совсем не из-за меня.

– Ты с мамой поговорила?

– А ты мастер менять тему!

– Поговорила или нет? Неужели ты весь день тут прибиралась?

Я иду в кухню и достаю из шкафчика два стакана.

– Нет, не весь. Мы поговорили, – отвечает она, садясь за стойку.

– И?

– И у нее рак.

Черт бы побрал эту упрямую девчонку с ее несгибаемой силой воли!

Театрально закатив глаза, я подхожу к холодильнику, достаю молоко и наливаю ей в стакан. Она отворачивается и, тряхнув головой, снимает с волос полотенце. Спутанные пряди падают ей на плечи, она перебирает их пальцами, аккуратно разглаживая. Я бы отдал все на свете за то, чтобы... Черт! Она поднимает на меня взгляд, и я вижу, что молоко уже перелилось через край стакана и стекает по моей руке на стойку. Я быстро вытираю пролитое тряпкой.

Только бы она не заметила!

Достаю из шкафчика какао и ложку и делаю ей шоколадное молоко.

– Она поправится?

– Нет. Скорее всего, нет.

– Но она лечится?

Зря я ей задаю вопросы, которые предполагают односложный ответ. Но у Джулии я не спрашивал, и мне хочется узнать подробности.

– Она умирает, Уилл. У-ми-ра-ет! – раздраженно бросает Лейк. – Возможно, это случится уже к концу года, а может быть, и раньше. Ей делают химию, чтобы облегчить страдания. Пока она умирает! И совсем скоро она умрет! Потому что она умирает! Ты это хотел услышать?! Доволен?!

Я ощущаю острый укол вины. Я делаю с ней то, что делали со мной самим, и я ненавижу это. Заставляю ее говорить о том, с чем она еще не смирилась. Поняв это, я решаю закрыть эту тему. Пусть сама расскажет, когда захочет. Достав из морозилки несколько кубиков льда, я бросаю их в ее стакан:

– Ваш коктейль со льдом.

– Спасибо, – улыбается Лейк, глядя на шоколадное молоко, и молча пьет свой коктейль.

Поставив на стойку пустой стакан, она встает, идет в гостиную и

опускается на пол, подложив руки под голову.

– Выключи свет, – просит она. – Хочу еще немного послушать.

Я выключаю свет, подхожу к ней и ложусь рядом. Она молчит, но я почти физически ощущаю ее напряжение.

– Она не хочет, чтобы Кел остался со мной... Собирается отдать его Брендe, – шепчет она.

Сделав глубокий вдох, я думаю о том, как хорошо понимаю ее боль. Молча нащупываю ее руку и сжимаю в своей, давая понять, что она не одинока.

* * *

Я резко открываю глаза, проснувшись от звука голоса Эдди. Сев на полу, пытаюсь понять, что происходит и как я умудрился заснуть, и тут вижу, что Лейк провожает взглядом выходящую за дверь Эдди.

«Черт! Черт, черт, черт! Какого хрена Эдди делает в моем доме? Почему Лейк вообще ей дверь открыла? Все, меня уволят! Все кончено!»

Дверь за Эдди закрывается, Лейк оборачивается, видит, что я сижу на полу, и пытается улыбнуться, хотя прекрасно понимает, что я зол.

– Какого черта она тут делала?

– В гости зашла, – бормочет она. – Проверить, все ли у меня в порядке.

Да она даже не представляет, какому риску только что подвергла всю мою карьеру!

– Твою мать, Лейкен! – Я резко встаю с пола и всплескиваю руками. – Ты что, хочешь, чтобы меня уволили? Неужели ты такая эгоистка, что тебя не волнуют ничьи проблемы, кроме своих собственных?! Знаешь, что будет, если она кому-нибудь расскажет, что ты у меня ночевала?! – восклицаю я, и Лейк опускает глаза в пол.

«О боже! Она знает! Эдди все знает!»

Я подхожу к Лейк, и она нерешительно поднимает на меня глаза.

– Она знает, что ты у меня ночевала? – спрашиваю я, но она снова молча отводит взгляд. – Лейкен, что ты ей рассказала?

Она смотрит в сторону. Другого ответа мне и не требуется.

– Господи Иисусе, Лейкен!.. Марш домой.

Она кивает и идет к двери. Обувается, а потом смотрит на меня, словно умоляя простить ее. Не говоря ни слова, я стою посреди гостиной, схватившись за голову, и наблюдаю за ней. Как бы я ни был на нее зол, мне не хочется отпускать ее. Знаю, я ей нужен, но сейчас нам обоим следует о многом подумать. К тому же ей пора домой. То, что Лейк сидит у меня, избегая встречи с матерью, не поможет ей посмотреть в глаза правде.

По ее щеке скатывается слезинка, и она быстро отворачивается.

– Лейк... – шепчу я, опуская руки.

Я не могу позволить ей уйти расстроенной из-за моей вспышки гнева, поэтому подхожу и беру ее за руку. Она не отдергивает руку, но и не оборачивается – стоит, низко наклонив голову.

Эта девушка... влюблена в того, с кем ей не суждено быть вместе. Эта девушка оплакивает смерть отца и вдруг узнает, что вскоре ей придется оплакивать смерть матери. Эта девушка, которой сказали, что она не сможет быть рядом с единственным остающимся членом семьи. Я сжимаю ее пальцы и слегка поглаживаю ладонь. Она медленно оборачивается и смотрит мне в глаза. В ее взгляде столько боли... Но некоторую часть этой боли причиняю ей я... Мне придется отпустить ее.

Ее мать.

Моя карьера.

Ее репутация.

Наше с Колдером будущее.

Ее будущее.

Совершить правильный поступок. Проявить ответственность.

Есть много причин, по которым она должна уйти отсюда, и всего одна, по которой ей стоит остаться: я люблю ее. Единственная причина, по которой ей стоит остаться, это исключительно мой эгоизм. Если я буду продолжать с ней отношения, то поступлю как законченный эгоист. Поставлю под угрозу все, чего достиг своим трудом, и всех, кого люблю, только ради того, чтобы получить то, что хочу.

– Иди домой, Лейкен. Ты нужна ей... – говорю я и отпускаю ее руку.

Отворачиваюсь.

Ухожу.

Глава 14

Медовый месяц

А сейчас я держу ее за руку и намерен никогда больше не позволить ей исчезнуть из моей жизни.

Лейк видит, как я сожалею о том вечере, поэтому гладит меня по лицу и подбадривающе улыбается:

– А ты хоть понимаешь, что ты самый бескорыстный человек на свете?

– Нет, Лейк, – качаю головой я, – какой же я бескорыстный?! Каждый раз, оставаясь с тобой наедине, я слишком многим рисковал и все равно не мог держать себя в руках. Как будто задыхался вдали от тебя...

– Ты не эгоист! Мы были влюблены! Серьезно влюблены! Ты боролся с собой, стараясь все сделать правильно, и это говорит о многом! Я тебя за это уважаю, Уилл Купер!

Я знал, что не просто так женился на ней! Взяв ее за затылок, я нежно целую ее в лоб.

Она кладет голову мне на грудь:

– К тому же ты просто не мог быть идеалом и совершенством все это время, пока мы не могли встречаться. Просто меня ведь невозможно не любить, потому что я неотразима!

Я со смехом переворачиваю ее на спину и щекочу под ребрами:

– Вот это точно!

Пытаюсь удержать ее на месте, но она выворачивается и ухитряется соскочить с кровати. Я хватаю ее за запястье, но она резко дергает руку на себя, а потом поворачивается, пытаюсь вырваться, но спотыкается о кресло. Схватив ее за талию, я опускаю ее на пол, накрываю своим телом и крепко прижимаю ее запястья к ковру.

– Вот видишь? Я же неотразима! – смеется она. – Ты меня одну даже из постели, бабочка ее задери, не отпускаешь!

– Возможно, – говорю я, впиваясь взглядом в каждый сантиметр ее тела от головы до пят, – если ты оденешься, я стану менее склонен к вторжению в твое пространство.

– Ладно, – отзывается Лейк, высвобождая одну руку, и тянется за брошенным незадолго до этого на стул халатом, – буду ходить в халате до самого отъезда!

– Да сейчас! – Я вырываю халат у нее из рук и бросаю в угол. – Я же тебе сказал, в чем тебе позволено ходить во время нашего медового месяца,

и халата в списке не было!

– Ну, знаешь ли! Все, что было в списке, промокло и высохнет не скоро!

– Меня это совершенно не смущает! – закрываю я тему и тянусь к ней, чтобы поцеловать, но она начинает щекотать мое самое уязвимое место на животе, и я отлетаю от нее, пытаюсь заслониться руками, а потом запрыгиваю на кровать и валюсь на спину.

Лейк садится на меня. Я тут же с радостью сдаюсь и признаю свое поражение. Только полный дурак стал бы сопротивляться!

– Умение веселиться должно стоять четвертым пунктом в маминном списке, – вдруг говорит она, обессилев от наших игр и падая рядом со мной на кровать.

Я удивленно приподнимаю бровь, не понимая, о каком списке идет речь. Заметив мое недоумение, она объясняет:

– Мама говорила, что есть три вещи, которые женщине следует искать в мужчинах. Умения веселиться вместе в списке не было, но я бы добавила! – улыбается она, садясь в постели. – Слушай, расскажи мне что-нибудь веселое! Что-нибудь радостное! Мне нужно немножко отдохнуть от грустных воспоминаний...

Я прокручиваю в памяти события первых месяцев нашего знакомства, отчаянно пытаюсь найти среди них хоть что-то веселое.

– Это сложно, Лейк... Радостные моменты были, но их нельзя назвать веселыми в полном смысле этого слова. В тот год мы пережили столько боли...

– Расскажи хоть что-нибудь!

Вырезание тыкв

Уже почти пять вечера. Я выгружаю продукты из машины и перехожу дорогу, чтобы забрать Колдера. Джулии и Лейк надо поговорить, поэтому я собираюсь предложить им на некоторое время забрать Кела к нам. Прежде чем постучаться, я делаю глубокий вдох и готовлюсь к возможной реакции Лейк на мое появление. Я сегодня оставил их с Эдди после уроков, чтобы серьезно поговорить, а когда уходил из аудитории, они сидели там и плакали. Не знаю, злится ли Лейк на меня сейчас, но уверен, что обязан был поговорить с ними серьезно. В противном случае я не стал бы этого делать. Не знаю, поняла ли Лейк, о чем я толковал, но, видимо, скоро это выясню.

Я стучусь. Дверь открывает Колдер.

– Привет, дружок! – Я удивленно смотрю на него. – А с каких это пор ты тут гостям двери открываешь?

– Пошли! – Широко улыбаясь, он хватает меня за руку и тянет в дом. – Мы тут тыквы для Хеллоуина вырезаем! Пойдем, Джулия тебе тоже купила!

– Нет-нет, спасибо. Как-нибудь потом. Вообще-то, я хотел забрать тебя домой, чтобы они могли провести вечер в кругу семьи.

Все четверо сидят за барной стойкой и вырезают тыквы. Я знаю, что Лейк только что вернулась домой и у нее еще не было возможности поговорить с Джулией, поэтому представшая моим глазам семейная идиллия сбивает меня с толку.

– Садись, Уилл! – подвигает мне стул Джулия и подмигивает, давая понять: мне лучше остаться. – Сегодня мы будем просто вырезать тыквы, вот и все. Просто вырезать тыквы.

По ее тону я сразу понимаю, что Лейк сказала ей, что не хочет ни о чем говорить. Это меня ни капельки не удивляет.

– Хорошо, тыквы так тыквы, – отвечаю я и сажусь на пододвинутый Джулией стул, прямо напротив Лейк.

Мы обмениваемся взглядами. Она выглядит спокойной, но немного отрешенной. Не знаю, что она думает по поводу нашего сегодняшнего разговора, но, судя по лицу, по крайней мере не сердится. Вид у нее скорее извиняющийся.

– Лейкен, ты почему сегодня так поздно вернулась? – спрашивает Кел.

Лейк поворачивается к нему, и я тут же отвожу взгляд, делая вид, что сосредоточенно разглядываю стоящую передо мной на столе тыкву.

– Нас с Эдди сегодня оставили после уроков, – как ни в чем не бывало отвечает она.

– Оставили после уроков? А за что? – спрашивает Джулия.

Я чувствую, как кровь приливает к моим щекам.

«Только не говори ей правду, Лейк!»

– Мы на прошлой неделе один урок прогуляли. Решили поспать на солнышке во дворе.

Вот умничка! Я вздыхаю с облегчением.

– Лейк, чего это ты вдруг?! А какой урок вы прогуляли? – недовольно спрашивает Джулия.

Лейк не отвечает, я поднимаю глаза и вижу, что они с Джулией пристально смотрят на меня.

– Мой урок она прогуляла! – смеюсь я. – И что мне было делать?!

– Ой, да я тебя за это ужином угощу! – смеется Джулия, хлопая меня по

плечу.

* * *

Когда нам привозят пиццу, я иду к двери вместе с Джулией и, пока она расплачивается, забираю коробки у разносчика. Ставлю коробки на стойку и достаю тарелки для мальчиков.

– Я хочу попробовать сыграть в «отстой-отпад», мне Кел об этой игре уже все уши прожужжал! – заявляет вдруг Джулия, когда все рассаживаются за столом.

Лейк недоуменно смотрит на нее. Она не знает, что такое «отстой-отпад», но объяснений не требует.

– Отличная идея! Я начну! Покажу вам, как играть, – поддерживаю я, делаю глоток лимонада и начинаю с отстоя. – Мой сегодняшний отстой – миссис Алекс, – сообщаю я.

– Кто такая миссис Алекс и почему она твой отстой? – спрашивает Джулия.

– Наша секретарша. Она... Ну, скажем так, равнодушна ко мне. Сегодня мне надо было сдавать отчет о посещаемости. Мы всегда оставляем их в ячейках перед уходом из школы, а миссис Алекс собирает их и заносит данные в систему. Подхожу к своей ячейке и вижу, что над моей фамилией, точнее над буквой «у», нарисованы два фиолетовых сердечка! А фиолетовыми чернилами у нас пользуется только миссис Алекс...

Лейк и Джулия хохочут как сумасшедшие.

– Миссис Алекс в тебя втюрилась? – наконец выдавливает из себя Лейк. – Она же... старая! И замужем!

Немного смутившись, я улыбаюсь и киваю. Пытаюсь смотреть на Джулию, но, замороженный смехом Лейк, не могу глаз от нее отвести. Удивительно! Одна ее улыбка способна кардинально улучшить настроение на целый день.

Лейк со вздохом откидывается на спинку стула.

– А теперь ты должен сказать, какой у тебя сегодня был отпад, да? – спрашивает она. – Такие правила?

Я киваю, не в силах оторвать от нее взгляд. Даже ее глаза улыбаются. Знаю, что в ближайшие дни ей придется очень нелегко, но, видя, как она радуется, все равно испытываю поразительное облегчение. Даже в такой ситуации ей не чужды положительные эмоции – это хороший знак!

– Мой отпад? – Я смотрю ей прямо в глаза. – Мой отпад происходит прямо сейчас.

На долю секунды мне кажется, что в комнате нет никого, кроме нас с Лейк: остальных я не слышу, не вижу и даже забыл о том, что они существуют. Мы улыбаемся друг другу, как будто между нами существует какой-то тайный сговор и в нашем маленьком мире на двоих все чудесно.

– Ладно, теперь понятно, как в это играют. – Джулия откашливается, подаваясь вперед и нарушая нашу идиллию. – Кел, ты следующий!

Джулия смотрит на мальчиков, притворяясь, что не заметила безмолвного контакта между мной и Лейк. Я заставляю себя оторвать взгляд от Лейк и перевожу его на Кела, а то не сдержусь, перемахну через стойку и поцелую ее на глазах у всех.

– Мой отстой: я так и не могу придумать, кем нарядиться на Хеллоуин! Мой отпад: Уилл согласился снова свозить нас на ориентирование на выходных!

– Я? Согласился?! – удивленно смотрю я на него, ибо впервые слышу об этих планах.

– Согласился?! – ехидно передразнивает меня Кел. – Да ладно тебе, Уилл, будет весело! Я просто мечтаю съездить на ориентирование на выходных!

– Ладно, – смеюсь я, – Колдер, твоя очередь!

– Та же фигня, – говорит он, мотнув головой в сторону Кела.

– Так нечестно! – протестует Джулия. – Повторять нельзя!

– Ну ла-а-адно, – закатывает глаза Колдер и со стоном кладет кусок пиццы обратно на тарелку. – Мой отстой сегодня в том, что отстой моего лучшего друга в том, что он не знает, кем нарядиться на Хеллоуин! А мой отпад в том, что отпад моего лучшего друга в том, что Уилл согласился отвезти нас на спортивное ориентирование на выходных!

– Ну ты и умник! – подмигиваю я Колдеру.

– Моя очередь! – говорит Джулия. – Мой отпад сегодня в том, что мы сидим тут все вместе и вырезаем тыквы.

Она откидывается на спинку стула и с улыбкой обводит всех нас взглядом. Я смотрю на Лейк, но она опустила взгляд на лежащие на столе руки. Снова ковыряет лак. Давно заметил, что она всегда так делает, когда нервничает, совсем как Джулия. Я знаю, что мы с ней думаем об одном и том же. Скорее всего, Джулия вырезает тыквы для Хеллоуина в последний раз в жизни. Лейк прикрывает рукой глаза, как будто пытается сдержать слезы.

– А какой у вас отстой? – спрашиваю я.

– Мой отстой, – отвечает Джулия, не сводя глаз с Лейк, – в том же, что и мой отпад. Мы все еще вырезаем тыквы, – тихо добавляет она.

Я начинаю понимать, что выражение «вырезать тыквы» приобрело совершенно новое значение. Лейк тут же встает и, словно не замечая пристального взгляда матери, собирает со стола пустые тарелки.

– А мой отстой в том, что сегодня моя очередь мыть посуду, – произносит Лейк, подходит к раковине и включает воду.

Кел и Колдер начинают обсуждать костюмы для Хеллоуина. Мы с Джулией подкидываем им разные идеи.

Никто из нас не спрашивает у Лейк, в чем ее отпад.

Глава 15

Медовый месяц

– А у меня было что сказать! – признается Лейк. – Знаешь, какой у меня был отпад? Помнишь, наш разговор, когда мы встретились у мусорных баков? Когда ты рассказал мне о том, как увидел меня впервые? – (Я киваю.) – Вот это был мой отпад. Этот чудесный момент! Все мелочи, все моменты, которые я разделяла с тобой, всегда были моим отпадом, – признается она, целуя меня в лоб.

– И моим тоже, – подхватываю я. – А тот взгляд, которым ты меня наградила, пока мы играли в «отстой-отпад»!

– Если б ты только знал, о чем я тогда думала! – смеется Лейк.

– Интересно! О чем-то неприличном?

– Как только ты сказал, что твой отпад – прямо сейчас, мне захотелось перепрыгнуть через стойку и броситься тебе на шею.

Ничего себе! Никогда бы не подумал, что наши мысли были абсолютно одинаковыми!

– Представляю, что сказала бы твоя мама, если бы мы вдруг набросились друг на друга прямо у нее на глазах! – смеюсь я.

– Да она бы тебе задницу надрала! – заявляет Лейк, поворачиваясь на бок, спиной ко мне. – Обними меня, – просит она.

Я придвигаюсь к ней, подкладываю одну руку ей под голову, а другой крепко обнимаю ее. Она сладко зевает в подушку и шепчет:

– Расскажи мне про «Озеро». Я хочу знать, почему ты его написал.

– Я написал его ночью, сразу после того, как мы поели лазанью с твоей мамой, – отвечаю я, целую ее волосы и пристраиваюсь рядом на подушке. – Когда мы все сидели за одним столом в тот вечер и обсуждали, как будем присматривать за мальчиками, пока она проходит терапию, я понял, что тебе удалось сделать это! Тебе удалось сделать то, что не получилось у меня до смерти родителей: ты брала на себя ответственность, готовилась к неизбежному, ты готовилась встретить смерть лицом к лицу – и делала это совершенно бесстрашно! – восхищенно говорю я, закидываю ногу на ее бедро и прижимаю ее к себе крепче. – Ты так вдохновляла меня, что рядом с тобой мне постоянно хотелось писать стихи. И писать только о тебе!

– А вот это в списке было, – отзывается Лейк, поглядывая на меня через плечо.

– В списке твоей мамы?

– Ну да. Один из ее вопросов: «Он тебя вдохновляет?»

– А я тебя вдохновляю?

– Каждый день, снова и снова, – шепчет она.

– Ну, как я уже говорил, – отзываюсь я, целуя ее в макушку, – ты меня тоже всегда вдохновляла. Я давно понимал, что поллюбил тебя, но в тот вечер, за ужином, у меня внутри будто что-то щелкнуло. Как будто каждый раз, когда мы с тобой были вместе, в мире все вставало на свои места! Я, как и твоя мама, думал, что если мы не будем встречаться, то это поможет тебе сосредоточиться на ней, но мы ошибались. Я понял, что единственный способ для нас обоих обрести истинное счастье – быть вместе. Я хотел, чтобы ты дождалась меня! Я безумно хотел, чтобы ты дождалась меня, но не знал, как сказать тебе об этом. На следующий день был слэм. Ты вошла в клуб, и я понял, что ты должна услышать это стихотворение. Я знал, что поступаю неправильно, но мне так хотелось, чтобы ты знала, как много я о тебе думаю! Как сильно тебя люблю!

– В смысле? – хмурясь, смотрит на меня она. – Как это – «ты вошла в клуб»? Ты же говорил, что заметил меня только тогда, когда я уже к выходу пошла!

– Это я соврал, – как ни в чем не бывало пожимаю плечами я.

Озеро Лейк

Едва подойдя к микрофону, я тут же замечаю ее. Она входит в зал и быстрым шагом направляется к свободной кабинке, даже не взглянув в сторону сцены. Сердце начинает бешено колотиться у меня в груди, на лбу выступают капельки пота, и я нервно вытираю их тыльной стороной ладони. То ли так вспотел от света софитов, то ли от нервного напряжения, которое испытал, увидев ее в зале. Ну как же я теперь буду читать свое стихотворение? Не могу сделать это при ней! Зачем она пришла? Она же сказала, что не собирается!

Делаю шаг в сторону от микрофона, чтобы собраться с мыслями. Как же быть? Все равно прочитать? Тогда она поймет, что я к ней чувствую... Но, может, это и неплохо. Может быть, если я рискну, то увижу, как она отреагирует, и пойму, стоит ли просить ее дожидаться меня. Как же я хочу, чтобы она меня дождалась! Больше всего на свете! Мне страшно даже думать о том, что она может позволить кому-то другому любить себя! Пусть узнает, что я к ней испытываю, пока еще не слишком поздно!

Я пытаюсь расслабить плечи, а потом делаю шаг к микрофону, отбрасываю в сторону последние сомнения и произношу слова, которые откроют ей глаза на истину.

Раньше я *любил* морскую стихию.

Все в ней меня восхищало.

Коралловые *риффы*, белые *мысы*, ревущие *волны*,
ласково омывающие скалы, легенды о *пиратах* и *русалочьих*
хвостах,

о потерянных и *обретенных* сокровищах...

И *ВСЕ*

рыбы

в *море*.

Да, раньше я *любил* морскую стихию,

все в ней меня восхищало.

Как она *пела* мне *колыбельные*, когда я *лежал* в *постели*,

а потом *пробуждала* меня с *силой*,

которая *вскоре* стала *пугать* меня.

Ее *сказки*, ее *ложь*, ее *хитрый* взгляд.

Я бы осушил ее до *дна*,

если бы только *захотел*.

Раньше я *любил* морскую стихию.

Все в ней меня восхищало.
Коралловые **риффы**, белые **мысы**, ревущие **волны**,
ласково омывающие скалы, легенды о **пиратах** и **русалочьих**
хвостах,
потерянных и **обретенных** сокровищах...
И **ВСЕ**
рыбы
в **море**.
Все так. Но если бы вы хоть раз попытались **провести** свою **яхту**
по ее бурным **волнам**, то сразу бы **поняли**, что
ее **белые мысы** – ваши **враги**. А пытались ли вы хоть раз
доплыть до берега, когда вашу **ногу** сводит **судорогой**,
а вы только что **плотно пообедали в** закусочной «**Туда-сюда**»
и теперь вас **тянет** ко дну и **ревущие волны**
вышибают из вас **дыхание ветра**, наполняя **легкие**
водой, пока вы **машете** руками,
пытаясь привлечь **что-то внимание**, но ваши друзья
просто
машут
вам в ответ?
И если вы росли в **грезе**х о **жизни**,
о том, как однажды вы станете пиратом,
у вас появится **свой** корабль со **своей** командой и как **все**
эти русалки
будут любить
только
вас?
Что ж, тогда вы **поймете**...
так же как недавно понял я...
что все **хорошее**, что есть в морской стихии,
все **прекрасное**
Призрачно и **нереально**.
Одним словом, чистый фейк.
Оставьте морскую стихию себе.
Я выбираю **Лейк!**

* * *

Закрыв глаза, я вздыхаю и пытаюсь сообразить, что делать дальше.
Подойти к ее кабинке? Подождать, пока она сама меня найдет? Медленно

отхожу от микрофона в сторону боковой лестницы, спускаюсь со сцены, затаив дыхание и считая ступеньки, и со страхом ожидаю, что будет дальше. Мне нужно срочно увидеть ее!

Пройдя через весь зал, я обнаруживаю, что в кабинке ее уже нет, и возвращаюсь к сцене в надежде, что, возможно, она подошла туда, чтобы найти меня. Но ее нет и там. Через несколько минут я вижу, что к кабинке, где сидела Лейк, подходят Эдди и Гевин.

А они что тут делают?! Лейк же сказала, что никто из них приходит не собирается! Слава богу, они опоздали к началу, а то бы Гевин услышал мое выступление! Я подхожу к ним как ни в чем не бывало, хотя нервы мои на пределе и внутри все дрожит от напряжения.

– Привет, Уилл! – здоровается Гевин. – Хочешь к нам присесть?

– Пока нет, – качаю головой я. – Ребята, а вы... – Я осекаюсь, боясь, что Гевин сейчас снова наградит меня многозначительным взглядом. – Вы Лейкен не видели?

Гевин откидывается на спинку дивана и ехидно приподнимает бровь.

– Видели-видели, – отвечает Эдди, – но она сказала, что уже уходит. Шла в сторону парковки за клубом, но я только что нашла тут ее сумочку! Так что она вернется, как только поймет, что сумки нет!

Ушла??? Я тут же разворачиваюсь к выходу, не сказав ребятам ни слова. Если она дослушала до конца, а потом просто взяла и ушла, значит серьезно на меня обиделась! Черт, ну почему я не выбрал другое стихотворение?! Почему не подумал о том, как она себя почувствует? Распахнув дверь, я выхожу из клуба и сворачиваю за угол, на парковку, в безумной надежде догнать ее, пока она не уехала. Сначала я иду быстрым шагом, потом вприпрыжку, а под конец бросаюсь бегом. Вижу ее джип, но Лейк в машине нет. Оглядываюсь по сторонам – никого. Я уже собираюсь вернуться в клуб и поискать ее там, но тут слышу ее голос. Она разговаривает с каким-то парнем. От одной только мысли, что кто-то может приставать к ней, у меня непроизвольно сжимаются кулаки. Мне не нравится, что она тут наедине с каким-то неизвестным типом, поэтому я иду на звук голосов и наконец вижу ее.

Точнее, их.

Хави прижимает ее к своему фургону, она отталкивает его, а он гладит ее по щеке и целует. Это зрелище порождает во мне дикую ярость. Я даже не подозревал, что способен так взбеситься. Единственное, о чем я могу думать, – как бы поскорее оттащить от нее этого засранца! Если уж она решила завести новый роман и забыть о наших отношениях, то Хави на эту роль ну никак не годится!

Не успеваю я придумать какое-то более разумное решение проблемы, как мои руки сами хватают его за рубашку и оттаскивают от Лейк. Он спотыкается, падает на спину, я прижимаю колено к его груди и отвешиваю ему затрещину. Как только мой кулак врежется ему в челюсть, я понимаю, что эти три секунды могут стоить мне всего, ради чего я трудился не покладая рук. Теперь я наверняка вылечу с работы!

На долю секунды я замираю, и Хави не упускает случая воспользоваться моим замешательством, вскакивает на ноги и бьет меня прямо в глаз, сваливая с ног. Схватившись за глаз, я чувствую, как между пальцев сочится теплая кровь. Лейк приказывает ему прекратить этот кошмар. А может быть, она обращается ко мне. А может быть, к нам обоим. Я встаю, открываю глаза, и тут Лейк оказывается между мной и Хави, поэтому удар, который предназначался мне, приходится ей в спину. Она вскрикивает от неожиданности и падает ничком.

– Лейк! – кричу я и поспешно переворачиваю ее на спину.

Убедившись, что она в сознании, я даю волю своей ярости.

Желанию отомстить.

Ненависти.

Я готов прибить этого засранца! Схватившись за ручку какой-то машины, я встаю на ноги. Хави подходит к Лейк и пытается извиниться, но я не даю ему времени на пустые любезности и бью его изо всех сил. Он падает на землю, я опускаюсь на колени рядом с ним и бью его еще – на этот раз за Лейк. Я уже заносу кулак для очередного удара, как невесть откуда взявшийся Гевин хватает меня, оттаскивает, и мы оба пятимся назад. Гевин заводит мне руки за спину и кричит, чтобы я пришел в себя. Я вырываюсь, встаю на ноги. Надо срочно увезти отсюда Лейк, подальше от Хави. Возможно, она сейчас на меня злится, но, если честно, это чувство взаимно.

Лейк садится и хватается за грудь, пытаюсь сделать вдох. Мне хочется наорать на нее, но злость тут же сменяется беспокойством. Я понимаю, что ей больно. Взяв ее за руку, я помогаю ей встать, обнимаю за талию и веду к машине.

Усадив Лейк, я закрываю дверь и обхожу машину, чтобы сесть на водительское место, но сначала пытаюсь отдышаться и хоть немного успокоиться. Представить не могу, как ей могло прийти в голову целоваться с Хави, после того как я со сцены практически признался ей в любви! Ей что, вообще на меня наплевать?! Прикрыв глаза, я глубоко вытягиваю воздух через нос и сажусь за руль.

Выехав с парковки, я пытаюсь хоть как-то привести в порядок мысли,

но ничего не получается. Руки дрожат, сердце выпрыгивает из груди. Моя карьера под угрозой... Но на самом деле я думаю только о том, что она целовалась с ним.

Она с ним целовалась!

Всю дорогу до дома я не могу думать ни о чем другом. Лейк не говорит ни слова – наверное, чувствует себя виноватой. Подавив желание повернуться к ней и сказать все, что я думаю о ее поведении, я останавливаюсь у обочины и, в гневе стукнув кулаком по рулю, выхожу из машины. Для нас обоих будет лучше, если я немного проветрюсь. Краем глаза я вижу, как Лейк морщится от боли, и быстро отхожу подальше, чтобы не наговорить ей лишнего. Иду быстрым шагом, пытаюсь прочистить голову, но ничего не помогает. Отойдя от машины метров на сто, я наклоняюсь, беру пригоршню камней и швыряю их изо всей силы.

– Черт! – кричу я. – Черт, черт, черт!

Сейчас я и сам не уверен, на кого или на что злюсь. Лейк мне ничего не должна. Она может встречаться, с кем хочет. Может целоваться, с кем пожелает. Она не виновата, что я так реагирую. Не надо было мне читать это стихотворение! Я просто напугал ее. Наши отношения только-только начали налаживаться, а я взял и все испортил.

Я снова все испортил.

Задрав голову, я смотрю в небо, а потом прикрываю глаза. Холодные снежинки падают мне на лицо. Глаз начинает опухать, кожа вокруг горит. Чертовски больно! Надеюсь, Хави тоже досталось!

Вот засранец!

Размахнувшись, бросаю еще один камень, а потом возвращаюсь в машину. Нам с Лейк о многом нужно поговорить, но до самого дома мы не произносим ни слова.

* * *

Добравшись до своего дома, я помогаю ей лечь на диван, иду в кухню и достаю из холодильника упаковку льда. Воздух между нами аж звенит от напряжения, но я никак не могу решиться заговорить с ней. Не хочу знать, почему она убежала после моего выступления. Еще меньше мне хочется знать, почему она убежала к Хави! И уж точно не хочу знать, почему она с ним целовалась!

Подхожу к дивану и вижу, что Лейк лежит с закрытыми глазами и вид у нее спокойный, даже умиротворенный. Некоторое время я наблюдаю за ней, пытаюсь угадать, о чем она думает, но спрашивать не хочу. Я умею вырезать тыквы не хуже, чем она.

Я встаю рядом с ней на колени, она тут же открывает глаза, с ужасом смотрит на меня и дотрагивается до моего лица:

– Уилл! Что у тебя с глазом!

– Все в порядке, ничего страшного, – отвечаю я, отводя ее руку, потом наклоняюсь и берусь за край ее рубашки: – Не возражаешь?

Она отрицательно мотает головой, поэтому я задираю рубашку, оголяя ей спину – на том месте, куда ее пнул этот засранец, уже расплывается синяк. Я прикладываю к ушибу упаковку льда и осторожно расправляю рубашку.

Оставив Лейк лежать на диване, я выхожу из дома и пересекаю улицу, чтобы сообщить Джулии о том, что произошло. Постучав, я жду пару минут. Наконец дверь открывается, Джулия в ужасе смотрит на мое окровавленное лицо и выдыхает одно-единственное слово:

– Лейк?!

– С ней все в порядке, – спешу успокоить ее я. – В клубе была драка, ее ударили по спине. Она у меня дома, и...

Не успеваю я закончить фразу, как Джулия отталкивает меня и бросается бегом к моему дому. Я пытаюсь догнать ее, а когда захожу в гостиную, она уже обнимает Лейк, берет ее за руку и помогает встать. Я придерживаю дверь, и они уходят. Лейк даже не смотрит мне в глаза. Я отправляюсь в ванную промывать рану. Заклеиваю ее пластырем, а потом беру телефон и пишу Гевину сообщение.

Если я заскочу за тобой рано утром, съездишь со мной забрать джип Лейк и пригнать его в Ипси?

Нажимаю «Отправить» и сажусь на диван. Поверить не могу, что все это произошло на самом деле. Кажется, что я попал в чей-то чужой сон. Точнее, в чей-то кошмар!

Рано – это во сколько?

Рано. Мне надо быть в школе в 7:30. В 6 сможешь?

При одном условии. Если завтра тебя не уволят, ты освободишь меня от домашних заданий до конца года.

Тогда увидимся в шесть.

Гевин открывает пассажирскую дверь и садится ко мне. Я еще не успел выехать из его двора, как он начинает:

– Ты понимаешь, что попал по полной программе? Ты знаешь, кто у Хави папа? Даже если тебя не уволят сегодня, то к вечеру точно выгонят!

Я киваю, но ничего не отвечаю.

– Уилл, какого хрена ты решил надрать задницу собственному ученику?!

Я вздыхаю, выкруливаю на шоссе и притворяюсь, что внимательно слежу за дорогой.

– Слушай, я понимаю, что это как-то связано с Лейкен. Но что такого учудил Хави? Ты мутузил его так, будто он боксерская груша! Пожалуйста, скажи мне, что он первый начал, а ты только защищался. Тогда тебя, может, и не уволят. Это была самозащита? – требовательно спрашивает он.

Я отрицательно качаю головой.

Он со вздохом откидывается на сиденье и продолжает:

– А потом ты еще и везешь ее домой! Какого черта ты позволил ей сесть в твою машину у него на глазах? Одного этого достаточно, чтобы тебя уволили. Мог бы и с Хави так не стараться! Какого черта ты набил ему морду?

– Слушай, Гевин, – наконец отзываюсь я. – Думаешь, я не понимаю, что вляпался по самое не хочу? Так что будь добр, просто помолчи!

Он кивает, кладет ноги на торпеду и больше не произносит ни слова.

* * *

Впервые в жизни я пришел на работу раньше, чем миссис Алекс. В школе стоит зловещая тишина, и на долю секунды я даже жалею, что секретарши еще нет. Я прохожу мимо ее стола и направляюсь в сторону кабинета мистера Мёрфи. Заглянув в открытую дверь, вижу, что директор сидит за столом, прижав к уху телефонную трубку и закинув ноги на стол. Мистер Мёрфи радостно улыбается мне, но тут замечает фингал у меня под глазом, и улыбка на его лице мгновенно гаснет. Он поднимает палец, делая мне знак подождать, и я отхожу подальше от двери, чтобы не мешать ему разговаривать.

Я сотни раз представлял себе этот момент. Момент, когда я войду в кабинет к мистеру Мёрфи и напишу заявление об уходе. Конечно же, я всегда воображал, что за порогом кабинета попаду прямиком в объятия Лейк.

Но эти фантазии не имеют никакого отношения к реальности. Теперь Лейк меня ненавидит, и у нее есть на то все основания. Каждый раз, когда она старается приблизиться ко мне, я отталкиваю ее, а стоит ей только попытаться привыкнуть жить без меня, как я выкидываю нечто такое, что сводит ее с ума. Как мне вообще в голову пришло выступить вчера с этим стихотворением? Мы наконец-то наладили отношения, она научилась

более позитивно воспринимать ситуацию, и тут я беру и все порчу!

Снова!

Я только этим и занимаюсь: порчу ей жизнь. Наверное, поэтому она и выбрала Хави. Мне хотелось бы думать, что она целовалась с ним, только чтобы заставить меня ревновать, но больше всего на свете я боюсь, что она просто-напросто забыла меня. Боюсь этого больше всего на свете, но вместе с тем понимаю, что именно это ей и нужно.

– Мистер Купер, – проходя мимо, обращается ко мне директор Мёрфи, – у вас что-то срочное? Или подождете, пока я вернусь? У меня встреча в восемь.

– Ну, вообще-то... – заикаясь, отвечаю я, – дело довольно важное...

– Насколько важное? – Он останавливается около стеллажа с ячейками и забирает свою корреспонденцию. – Настолько важное, что не может подождать до десяти утра?

– Не может, – развожу руками я. – Вчера вечером я вроде как ввязался в драку... с одним из учеников.

– Вроде как? – оглядывается на меня мистер Мёрфи, тут же теряя весь интерес к сортировке почты. – Так да или нет, мистер Купер?

– Да, – отвечаю я. – Да, это правда.

– С кем? – спрашивает он, поворачиваясь ко мне и устало прислоняясь к стеллажу с ячейками.

– С Хавьером Крузом.

– Я скажу миссис Алекс, чтобы она пригласила его отца прийти ко мне в десять, – качая головой и потирая затылок, задумчиво произносит мистер Мёрфи. – А пока попробуйте найти кого-нибудь, кто вас может заменить. Будьте у меня в десять.

С этими словами он подходит к столу миссис Алекс и что-то записывает. Я киваю, ничуть не удивляясь его сдержанной реакции, забираю свою сумку и иду на выход.

– Мистер Купер? – окликает меня он.

– Да, сэр?

– Еще кто-то из учащихся участвовал в этом? Кто может подробно и точно рассказать, что произошло?

– Да, – вздыхаю я. Мне не хочется ее впутывать, но, похоже, выбора у меня нет. – Лейкен Коэн.

– Это девушка Хавьера? – спрашивает он, записывая имя Лейк.

Услышав его вопрос, я непроизвольно морщусь, но, судя по тому, что произошло вчера, вопрос совершенно логичный.

– Думаю, да, – отвечаю я и выхожу из кабинета, надеясь, что в десять

утра я не встречу здесь с Лейк и Хави. Не уверен, что смогу держать себя в руках, находясь в одной комнате с обоими.

* * *

Я сижу за столом и жду начала совещания. К счастью, мистер Мёрфи побеседовал с Хавьером отдельно, так что мне с ним общаться не придется. Я должен встретиться с директором, как только он поговорит с отцом Хавьера. Особого желания рассказывать свою версию событий я не испытываю, поскольку в данной ситуации был явно не прав. Тот факт, что на совещание приглашен представитель полиции университетского городка, заставляет меня нервничать еще больше. Какие могут быть последствия того, что случилось вчера вечером, я слабо представляю, особенно если Хавьер решит подать на меня в суд, но думаю, что в любом случае получу по заслугам.

Дверь открывается, и в кабинет входит Лейк. Мне приходится собрать в кулак всю оставшуюся силу воли, чтобы не смотреть на нее. Кажется, стоит мне только взглянуть на нее, и все тут же поймут, что я к ней испытываю, поэтому я пристально рассматриваю столешницу.

– Присаживайтесь, пожалуйста, мисс Коэн, – говорит мистер Мёрфи.

Лейк делает шаг вперед и садится рядом со мной. Я сжимаю кулаки, пытаюсь разрядить напряжение, которое со вчерашнего дня только усилилось.

– Это мистер Круз, отец Хавьера, – представляет ей присутствующих мистер Мёрфи, – а это офицер Вентурелли. Уверен, вы знаете, почему вас вызвали. До нашего сведения дошло, что вчера вне территории школы произошел некий инцидент, в котором участвовал мистер Купер. Мы будем вам очень благодарны, если вы изложите нам свою версию событий.

Я поднимаю взгляд на Лейк. Она поворачивается ко мне и вопросительно смотрит. Я молча киваю в знак того, что она может говорить правду. Я бы никогда не стал просить ее выгораживать меня. Она снова поворачивается к мистеру Мёрфи. Наш бессловесный разговор занял не больше трех секунд, но в ее глазах однозначно читается беспокойство.

Она меня не ненавидит! Она за меня волнуется!

Лейк откашливается и ерзает на стуле, а потом кладет руки перед собой на стол и начинает ковырять лак.

– Между мной и Хавьером возникло некоторое недопонимание, – говорит она. – И тут появился мистер Купер и оттащил его от меня...

Как только она начинает говорить неправду, я чувствую, что краснею. Зачем она меня выгораживает? Я же дал ей понять, что хочу, чтобы она

рассказала все как было. Толкаю ее под столом коленкой, она украдкой смотрит на меня, но я не успеваю попросить ее рассказать, как все было на самом деле...

– Не могли бы вы начать сначала, мисс Коэн? – перебивает ее мистер Мёрфи. – Нам нужно знать, как все произошло. Где вы были и что вы все там делали?

– Мы были в Детройте, на поэтическом слэме. Посещение слэма является частью внеклассной работы по предмету мистера Купера. Я приехала раньше, когда из наших никого еще не было. В какой-то момент я почувствовала себя неважно и решила поехать домой, а на парковке столкнулась с Хавьером.

– Почему вы себя неважно почувствовали? – вмешивается в беседу офицер Вентурелли.

Лейк бросает на меня быстрый взгляд.

– Возможно, я не совсем точно выразилась, – пожалав плечами, тихо отвечает она. – Один из выступавших... – Она запинается, делает глубокий вдох и, прежде чем продолжить, касается меня коленом под столом. Она делает это специально, а у меня перехватывает дыхание, и я вообще перестаю понимать, что происходит. – Просто одно из стихотворений меня очень сильно тронуло, – шепчет она. – Так сильно, что я решила уехать, чтобы совсем не расчувствоваться.

Наклонившись вперед, я кладу локти на стол и закрываю лицо руками. Ушам своим не верю! Неужели она и правда сказала это ради меня?! Она попыталась объяснить мне, что почувствовала, слушая мое выступление! Я борюсь с непреодолимым желанием обнять ее и расцеловать на виду у всех, а потом во всеуслышание заявить, что я увольняюсь!

– Я припарковалась в переулке позади клуба, – продолжает Лейк. – По дороге к джипу я встретила Хавьера, и он предложил проводить меня до машины. Я попросила разрешения воспользоваться его телефоном, но он стоял на зарядке в машине, поэтому мы подошли к ней. Говорили о погоде, а потом... – Она умолкает и нервно ерзает на стуле.

– Мисс Коэн, если вам будет проще рассказать мне об этом без свидетелей... – начинает мистер Мёрфи.

– Нет-нет, – качает головой она, – все в порядке. Я спросила у Хавьера что-то, кажется про погоду, а он полез ко мне целоваться. Я сказала, что не хочу, и попыталась оттолкнуть его, но он настаивал. Я не знала, что делать. Он прижал меня к фургону, и как раз в этот момент подошел мистер Купер, увидел, что происходит, и оттащил его от меня.

Сам того не замечая, я так сильно вцепляюсь в край стола, что Лейк

наступает мне на ногу под столом и выразительно смотрит на мои руки. Я разжимаю пальцы, прикрываю глаза и делаю несколько медленных, спокойных вдохов и выдохов. Наверное, ее признание должно принести облегчение, ведь теперь мой припадок ревности оправдан: я и правда защитил ее. Однако я испытываю далеко не облегчение – напротив, я просто в ярости! Повезло этому засранцу Хавьеру, что его здесь нет, а то я бы воспроизвел события вчерашнего вечера в мельчайших подробностях прямо в кабинете у директора!

Лейк продолжает рассказывать свою версию событий, но я уже ничего не слышу. Изо всех сил стараюсь держать себя в руках, но эти несчастные пять минут даются мне с огромным трудом. Лейк отпускают, мистер Круз и офицер Вентурелли выходят следом за ней. Я встаю и начинаю расхаживать взад и вперед по кабинету. Мистер Мёрфи пристально следит за мной. У меня внутри бушует такой сильный гнев, что я не в силах произнести хоть слово. Директор Мёрфи молча наблюдает за мной.

– Мистер Купер, – наконец спокойно произносит он, – можете ли вы что-нибудь добавить или все так и было?

– К сожалению, именно так все и было, – глядя ему прямо в глаза, отвечаю я.

– Уилл, вы поступили совершенно правильно. Перестаньте ругать себя. Хавьер перешел все мыслимые границы. Кто знает, что могло бы случиться с этой девушкой, если бы вы не остановили его.

– Его исключат? – спрашиваю я, останавливаясь и берясь за спинку стула.

Мистер Мёрфи встает, подходит к двери, из-за которой слышны голоса: офицер Вентурелли разговаривает с мистером Крузом, – прикрывает ее и поворачивается ко мне:

– Исключить его нет оснований. Хавьер утверждает, что между ними возникло непонимание: он думал, что девушка не против. Мы отстраним его от занятий из-за драки на несколько дней, но больше ничего сделать не можем.

Я киваю, понимая, что теперь у меня уж точно нет выбора. Я не смогу находиться в одном помещении с Хавьером: это обязательно плохо закончится.

– Тогда я хотел бы написать заявление об уходе, – спокойно говорю я.

Глава 16

Медовый месяц

– Значит, ты уволился по собственному желанию?! – пораженно восклицает Лейк. – Я-то думала, вы вместе решили, что это лучший выход из положения! Уилл, они разрешили бы тебе остаться в школе?! Какого черта ты решил уволиться?

– Лейк, да я все равно уже не смог бы там работать! Ситуация накалилась до предела! Если бы я в тот день не подал заявление об уходе, то рано или поздно меня все равно уволили бы по одной из двух возможных причин!

– С чего ты взял?

– Да потому, что так и есть! Я при первой же встрече набросился бы с кулаками на Хавьера. Или набросился бы на тебя, но совсем по другой причине.

– Да, – смеется Лейк, – ситуация была напряженная! Рано или поздно мы точно сорвались бы!

– Рано или поздно?! Да мы сорвались в тот же день! – говорю я, напоминая ей о небольшом инциденте между нами в кладовке, и, видя, как Лейк хмурится и со вздохом прикрывает глаза, спрашиваю: – Что с тобой?

– Ничего, – качая головой, шепчет она. – Просто мне тяжело вспоминать тот вечер. Ты меня сильно обидел.

– Знаю. – Я целую ее в лоб. – Прости меня.

Прачечная

Мне удастся дотянуть до конца рабочего дня: меня не отстраняют, не увольняют и не арестовывают. Мой перевод в Детройт для завершения педагогической практики – лучшее, на что я мог рассчитывать.

Я подъезжаю к нашему дому и вижу, как мальчики помогают Лейк и Джулии выгрузить из багажника продукты. Едва я выхожу из машины, ко мне подбегает Колдер. Братишка весь сияет от восторга:

– Уилл! – Он хватает меня за руку. – Я тебе сейчас такое покажу!

Мы переходим через улицу. Я забираю из багажника и заносу в дом оставшиеся пакеты. Поставив их на пол, я вижу, что там совсем не продукты, а всякие швейные принадлежности.

– Угадай, кем мы будем на Хеллоуин? – восклицает Колдер.

– Даже не представляю...

– Мы будем раком Джулии! – восторженно кричит он.

Я не ослышался?!

В комнату входит Джулия со швейной машинкой в руках, и я вопросительно смотрю на нее.

– Живем ведь только один раз – правда? – улыбается мне она, ставя машину на барную стойку.

– Она разрешит нам самим сделать опухоли для легких, – вступает в разговор Кел. – Хочешь тоже попробовать? Мы тебе разрешим большую сделать!

– Э-э-э... – растерянно бормочу я.

– Кел, – вмешивается Лейк, – Уилл и Колдер не смогут нам помочь. Они на выходные уезжают из города.

Лицо Колдера так сияет от восторга и радости, что в душу мне закрадываются сомнения: быть может, нам стоит остаться здесь?

– Ну, вообще-то, я был не в курсе, что мы тут делаем рак легких! – говорю я. – Думаю, поездку вполне можно перенести.

* * *

– Где у тебя сантиметр? – спрашивает Лейк у матери.

– Не знаю, – пожимает плечами Джулия. – А он у нас вообще есть? Я что-то сомневаюсь...

У меня дома точно есть сантиметр, поэтому я пытаюсь придумать какой-нибудь предлог, чтобы Лейк пошла со мной. Она, конечно, умирает от желания узнать подробности сегодняшнего разговора с директором. К

тому же мне надо перед ней извиниться за свое поведение накануне вечером. Мало того что она пережила ужасные минуты с Хави, так еще и я по дороге домой вел себя как последняя сволочь. Я изо всех сил старался не наорать на нее, а надо было ее утешить!

– У Уилла есть, можно взять попользоваться, – говорит Лейк. – Уилл, можешь принести?

– А у меня что, есть сантиметр? – играю под дурачка я.

– Ну конечно, – закатывает глаза она. – В коробке со швейными принадлежностями!

– У меня есть коробка со швейными принадлежностями?!

– Да, в прачечной, – кивает Лейк, раскладывая перед собой ткань. – Рядом со швейной машинкой, на полке, за выкройками твоей мамы. Я расставила их в хронологическом порядке, поэтому... Ладно, забей! – быстро осекается она, качает головой и встает. – Давай я тебе покажу.

Вот умница!

Я с готовностью вскакиваю на ноги... Может быть, чуть быстрее, чем стоило бы.

– Ты разложила выкройки в хронологическом порядке? – удивленно спрашивает Джулия.

– Неудачный денек выдался, – бросает ей через плечо Лейк.

Придержав дверь для Лейк, я закрываю ее за нами. Она оборачивается, и маска сдержанного спокойствия тут же слетает с ее лица:

– Ну как? Что там было? Господи, я чуть с ума от беспокойства не сошла!

– Можно сказать, они погрозили мне пальцем, – говорю я, направляясь к дому. – Сказали, что, поскольку я защищал другую ученицу, они ничего не могут мне предъявить, – поясняю я, забегаю вперед и распахиваю перед Лейк дверь.

– Отлично! И что с твоей практикой? – спрашивает она.

– С этим немного сложнее... Все вакансии в Ипсиланти только в начальных школах, а у меня диплом по среднему школьному образованию, поэтому меня направляют в школу в Детройте.

– В смысле? – Она встревоженно смотрит на меня: – Вы что, переезжаете?!

Я в восторге! Лейк приходит в ужас от одной мысли о нашем переезде!

– Нет, – со смехом отвечаю я. – Это же всего на восемь недель. Хотя, конечно, придется покататься... К тому же я не смогу отвозить мальчиков в школу и забирать после занятий. Знаю, что сейчас не самый подходящий момент просить тебя о помощи, но...

– Перестань! Ты же знаешь, что мы все сделаем! – заверяет меня она, достает сантиметр и уносит швейную коробку обратно в прачечную.

Сам не знаю почему, я иду за ней следом. Боюсь, что она сразу же пойдет обратно домой, а мне еще столько нужно ей сказать! Прислонившись к косяку, я внимательно наблюдаю за ней. Она молчит и смотрит прямо перед собой, поглаживая выкройки моей мамы. Взгляд снова становится отсутствующим.

До сих пор не могу понять, как мне могло прийти в голову, что она добровольно позволила Хави поцеловать ее, особенно после моего вчерашнего выступления. Я слишком хорошо ее знаю, да и она прекрасно знает, что достойна парня получше Хави.

Черт! На самом деле она заслуживает кого-то получше меня!

Лейк протягивает руку к выключателю, гасит свет, оборачивается и слегка вздрагивает, увидев, что я стою в дверях, загораживая ей дорогу. Тихонько ахнув, она поднимает на меня свои прекрасные зеленые глаза и смотрит с надеждой. Вглядываясь в мое лицо, она ждет, что я сделаю: заговорю с ней или отойду и пропущу ее. Мне не хочется ни того ни другого. Больше всего на свете я хочу обнять ее и продемонстрировать свои истинные чувства, но сделать это не могу. Лейк смотрит прямо на меня, и взгляд ее постепенно перемещается к моему рту. Потом она прикусывает нижнюю губу и опускает глаза.

Боже мой, да я бы мечтал оказаться ее нижней губой!

Сделав глубокий вдох, я готовлюсь сказать ей все, что хочу, прекрасно понимая, что делать это не стоит. Но мне нужно, чтобы она поняла, почему я так вел себя вчера вечером. Скрестив руки на груди, я ставлю ногу на порог и внимательно его разглядываю. Лучше сейчас не смотреть ей в глаза. Я и без того с трудом удерживаю себя в руках. Мы уже давно не оставались с Лейк наедине. За последние несколько недель мне удалось убедить себя в том, что мне хватит сил справиться со слабостью, которую ощущаю в ее присутствии.

Как же я ошибался!..

Сердце надрывно стучит в груди, и меня охватывает неутолимое желание обнять ее за талию и прижать к себе. Я еще крепче сжимаю руками плечи и, скрипя зубами, пытаюсь сдержаться и не выложить ей всю правду. Тщетно. Слова сами слетают с моих губ.

– Вчера вечером, – хрипло произношу я, чувствуя, как напряжение между нами нарастает с каждым сказанным словом, – когда я увидел, как Хави тебя целует... мне показалось, что ты не против.

Я бросаю на нее взгляд, стараясь уловить реакцию, хотя знаю, что она

привыкла скрывать свои чувства и умеет делать это лучше, чем кто-либо из моих знакомых.

Лейк наконец понимает, что накануне вечером я вовсе не защищал ее и вел себя как ревнивый бойфренд, а не рыцарь на белом коне.

– Ах вот как... – тихо шепчет она.

– Я не знал всей правды до сегодняшнего утра, пока ты не рассказала, как было на самом деле.

Удивительно, что мне удалось сдержаться сегодня утром в кабинете у директора. Больше всего на свете мне хотелось перепрыгнуть через стол и засветить отцу Хави в челюсть за то, что он вырастил такого засранца! Кровь закипает при одной только мысли о нем! Я делаю глубокий вдох, набираю столько воздуха, сколько могу, и шумно выдыхаю. Заметив, что сжимаю кулаки, пытаюсь расслабиться, провожу рукой по волосам и оборачиваюсь к Лейк.

– Господи, Лейк, ты не представляешь, как я разозлился! Мне так хотелось надрать ему задницу! А теперь, теперь, когда я знаю, что он и правда сделал тебе больно, мне вообще хочется его убить!

Прислонившись лбом к двери, я прикрываю глаза. Надо перестать думать о нем. Он обидел ее, а меня не было рядом, чтобы вовремя защитить. Я вдруг отчетливо представляю, как он насильно прижимает свои губы к ее рту... Черт, получается, что он был последний, кто целовал ее. Она не заслуживает таких поцелуев! Она заслуживает, чтобы ее целовали с любовью! Чтобы ее целовал тот, кто думает о ней каждую секунду! Тот, кто скорее умрет, чем обидит ее! Целовать эту девушку должен только я!

Лейк хмурит брови и растерянно смотрит на меня:

– А откуда... Откуда ты знал, что я там?

– Я тебя видел. Когда я закончил выступление, заметил, как ты пошла к выходу.

Она смотрит на меня и тихонько вздыхает. Нащупывая рукой какую-нибудь опору, она делает шаг назад. Даже в темноте я вижу в ее глазах надежду.

– Уилл, ты хочешь сказать, что...

Я подхожу к ней вплотную. Грудь вздымается с каждым вдохом. Я пытаюсь успокоиться и не показать ей, насколько искренне я говорил вчера со сцены. Легко коснувшись кончиками пальцев ее щеки, я беру ее за подбородок и привлекаю к себе. Даже простое прикосновение к ее коже напоминает мне о том, что со мной делает ее поцелуй. Он вводит меня в транс. Ее прикосновение потрясает меня до самой глубины души, и я изо

всех сил стараюсь успокоиться.

Лейк кладет руку мне на грудь, и я обнимаю ее, ощущая легкое, как бы против ее воли, сопротивление. На самом деле она жаждет поцелуя не меньше, чем я. Прижимаю ее к стене и быстро целую, пока никто из нас не передумал. Как только наши языки соприкасаются, она тихо стонет и расслабляется в моих объятиях, опуская руки. Я целую ее нежно и в то же время страстно, нетерпеливо.

Обняв ее за талию и не отрываясь от ее губ, я легко поднимаю Лейк и сажаю на сушилку, а сам встаю меж ее бедер. Она тянет меня за рубашку, заставляя подойти ближе. Я прижимаюсь к ней, а она обнимает меня ногами за талию. Легко впиваясь ногтями мне в плечи, она гладит меня по спине, по шее, зарывается пальцами в волосы... У меня по всему телу бегают мурашки. Лейк тянет меня за волосы, заставляя опустить голову ниже, и подставляет для поцелуя шею, а сама пользуется этим моментом, чтобы перевести дыхание. Она тихо стонет, когда мои губы покрывают ее шею дразнящими поцелуями. Я погружаю руки в ее локоны и слегка запрокидываю ей голову... Боже, какая у нее невероятно нежная кожа, просто идеальная! Как я и надеялся, Лейк выгибается, давая мне молчаливое разрешение, и я целую ее все ниже и ниже, а рукой провожу по полоске кожи над джинсами. Коснувшись края ее трусиков, я издаю тихий стон.

Мне кажется, что гулкая пустота, уже давно образовавшаяся в моем сердце, начинает заполняться. Я чувствую, как с каждой секундой, с каждым поцелуем, с каждым нежным поглаживанием ее рук во мне нарастает желание. Мне нужно гораздо больше, чем эти тайком украденные моменты страсти. Гораздо больше!

– Уилл... – беспомощно выдыхает она.

Я что-то бормочу, не отрываясь от нее, совершенно не в состоянии произнести что-нибудь членораздельное. Сейчас мне совершенно не хочется разговаривать. Проведя рукой по ее спине под рубашкой, я нащупываю бюстгальтер, обнимаю ее еще крепче и продолжаю покрывать ее шею поцелуями.

– Уилл, это значит... значит... нам больше... больше не надо притворяться? – шепчет она, с трудом переводя дыхание, пока я целую ее в шею. – Мы сможем быть вместе? Раз... раз ты больше не мой учитель...

Я замираю, услышав эти слова, перемежающиеся тяжелыми вздохами. Больше всего на свете мне хочется закрыть ей рот поцелуем и ни о чем не разговаривать. Как здорово забыть обо всем хотя бы на один вечер! Всего на один!

Но я не могу себе это позволить.

Я совершенно безответственно поддался минутной слабости, а она все неправильно поняла. Ведь я все равно учитель. Не ее учитель, но все же. А она школьница. И все, что между нами происходит, неправильно, как бы мне ни хотелось убедить себя в обратном.

Обдумывая сложности, которые повлечет за собой ответ на ее вопрос, я незаметно для себя самого выпускаю Лейк из объятий и делаю шаг в сторону.

– Уилл?.. – недоуменно произносит она, соскакивает с сушилки и подходит ко мне с выражением такого страха, нет, даже ужаса в глазах, что у меня внутри все сжимается.

Снова!

Я снова так поступил с ней!

На моем лице непроизвольно возникает выражение мучительного сожаления, и Лейк, разумеется, это замечает.

– Уилл, скажи... Правила все равно действуют?! – со страхом в голосе спрашивает она.

Я не знаю, что ей сказать, чтобы не сделать больно. Я снова допустил чудовищную ошибку.

– Лейк... прости меня, это был момент слабости... – пристыженно шепчу я.

– Момент слабости?! – Она упирается руками мне в грудь. – Вот как это теперь называется?! Момент слабости?! – кричит она. – И что же ты собирался делать, Уилл?! Когда ты собирался взять себя в руки и выставить меня за дверь на этот раз?!

Я морщусь, понимая, что снова ляпнул не то.

Развернувшись, она вылетает из прачечной. Я смотрю ей вслед, и меня охватывает паника: что, если на этот раз я ее не просто расстроил, а потерял навсегда?

– Лейк, ну не надо! Прости! Прости меня! Это больше не повторится, клянусь!

– Ты чертовски прав! – оборачивается она и смотрит на меня полными слез глазами. – Это и правда больше не повторится. Твою мать, Уилл, только я смирилась! После целого месяца мучений я наконец-то научилась быть рядом с тобой и нормально общаться! А ты взял и все испортил! Я так больше не могу! – кричит она, в отчаянии всплескивая руками. – Я не могу думать ни о чем, кроме тебя! Но теперь у меня нет на это времени! Есть вещи поважнее твоих «моментов слабости»!

Ее слова задевают меня за живое. Она совершенно права. Мне стоило

невероятных усилий добиться, чтобы она приняла все как есть и не взваливала на себя ношу отношений со мной. Но я не могу устоять перед соблазном удовлетворить свое эгоистичное желание. Я не заслуживаю ее прощения. И уж тем более любви.

– Принеси сантиметр, – говорит она, придерживая рукой дверь.

– Ч-ч-что?!

– Принеси сантиметр! Он на полу в этой чертовой прачечной!

Возвращаюсь в прачечную, нахожу валяющийся на полу сантиметр и протягиваю его Лейк. Когда наши руки соприкасаются, она старается избегать моего взгляда и смахивает наворачнувшиеся на глаза слезы. Теперь она, возможно, возненавидит меня. Эта мысль приводит меня в ужас.

Я люблю ее и ради нее готов на все!

Но пока я еще не готов. Пока не готов.

«Она должна понимать, что и мне приходится очень нелегко», – думаю я, а вслух говорю:

– Лейк, не делай из меня последнюю сволочь. Пожалуйста!

– Ну уж ты точно не жертва обстоятельств! – восклицает она и выходит, хлопнув дверью.

– Дождись меня, – срывается с моих губ, как только дверь закрывается. – Я хочу, чтобы ты дождалась меня, – повторяю я. Знаю, она меня не слышит, но все равно произношу эти слова вслух. Мне хочется догнать ее и повторить это, глядя ей в глаза.

Я люблю ее. А она любит меня. И что бы там ни думала Джулия на этот счет, я хочу, чтобы Лейк меня дождалась. Мы должны быть вместе! Просто обязаны! Если я не остановлю ее сейчас, то буду жалеть об этом до конца своих дней!

Распахнув дверь, я уже собираюсь бежать следом за Лейк, но вижу ее и останавливаюсь: она стоит на пороге своего дома и вытирает слезы – слезы, которые пролились из-за меня. Я смотрю, как она делает несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться. Вижу, как она старается забыть о том, что произошло, чтобы помочь маме, которая ждет ее дома, и вся ситуация предстает передо мной в совершенно ином свете.

Сейчас я ей точно не нужен. На мне слишком много обязательств, а учитывая, что сейчас происходит в ее жизни, она не может забыть обо всем ради меня. Мои слова и поступки лишь еще больше огорчают ее, доставляют еще больше душевной боли, поэтому я не могу просить ее дождаться меня. Сейчас она должна думать не об этом. Джулия права: Лейк должна думать о своей семье.

Я неохотно возвращаюсь в дом, закрываю за собой дверь и падаю на

колени. Осознание необходимости отпустить ее буквально сбивает меня с ног.

Глава 17

Медовый месяц

– Больше всего на свете я жалею, что в тот вечер не догнал тебя, – признаюсь я. – Надо было сказать тебе все, что хотелось. Так нам обоим было бы много легче...

– Не знаю, – вдруг произносит Лейк. Она сидит, обхватив колени, и смотрит на меня сверху вниз. – Я рада, что все сложилось так, как сложилось. Думаю, нам обоим нужна была передышка. И уж точно я не жалею о тех трех месяцах, которые провела с мамой... Нам обеим это пошло на пользу.

– Ну вот и славно, – улыбаюсь я. – Только поэтому я за тобой и не побежал.

– И все равно... – продолжает она, падая обратно на кровать. – Мне было так тяжело жить рядом с тобой. Мне так не хватало твоего присутствия, но я не хотела, чтобы кто-нибудь об этом знал. Как будто я целых три месяца притворялась на людях, что у меня все хорошо. Никто, кроме Эдди, не знал, что происходит на самом деле. С мамой я поделиться не могла: боялась, что она сильно расстроится, если узнает, как мне грустно.

– Но слава богу, – подхватываю я, наклоняясь к ней и ложась сверху, – что она знала о наших чувствах. А вот интересно, ты пришла бы на слэм накануне моего выпускного, если бы она тебя не поддержала?

– Нет. Ни за что! Если бы она не рассказала мне о вашем разговоре, я бы так и продолжала думать, что ты просто недостаточно сильно любишь меня!

Я прижимаюсь лбом к ее лбу и шепчу:

– Я так рад, что ты пришла! В тот вечер ты навсегда изменила мою жизнь!

Обучение

За последние три месяца я говорил с Лейк всего один раз.

Один раз!

Со временем должно было вроде как стать легче, но не стало. Особенно сегодня, когда я провел свой последний урок. Завтра у меня выпускной – день, которого я должен ждать с нетерпением, но я, напротив, боюсь этого дня, ведь Лейк меня не ждет.

В этой жизни есть две вещи, с которыми я научился справляться: любовь и ненависть. Были времена, когда Лейк любила меня, были времена, когда она меня ненавидела. Несмотря на полярную противоположность, любовь и ненависть порождены одним: страстью. С этим я жить научился.

Однако я не могу смириться с ее равнодушием.

Пару недель назад я зашел к ней, чтобы рассказать о предстоящей работе в средней школе, а ей, казалось, было все равно. Если бы она порадовалась за меня и пожелала удачи, я бы это понял. Если бы она расплакалась и стала умолять меня не уезжать, на что я так надеялся, я понял бы это еще лучше. Честно говоря, именно ради этого я и решил рассказать ей о новой работе. Я готов был отказаться от места, если бы Лейк сказала, что у меня есть шанс быть с ней вместе.

Но она отреагировала по-другому. Поздравила меня, но совершенно безразличным тоном. Просто в знак вежливости, не более того. Ее безразличие в результате решило нашу судьбу, и в тот момент я понял, что слишком много раз разбивал ей сердце, а теперь наша история для нее закончена.

Закончена. Раз и навсегда.

До начала работы у меня есть две недели, в течение которых я буду никем – ни студентом, ни преподавателем, а всего лишь выпускником колледжа двадцати одного года от роду. Хотя теоретически, согласно подписанному мною контракту, я по-прежнему оставался преподавателем, меня не покидало желание пойти к Лейк и сказать ей, как сильно я ее люблю. Меня ничто не смогло бы остановить... Кроме ее явного безразличия в последнее время. Похоже, она смирилась с тем, что нам не судьба быть вместе, и я, с одной стороны, радовался за нее, а с другой – испытывал адские муки. Последнее, что мне стоит делать, – это тащить ее с собой на дно.

Господи, наверное, это будут две самые тяжелые недели в моей жизни!

Нужно держаться от Лейк подальше!

Слушатели начинают хлопать, и я возвращаюсь в реальность. Сегодня я сижу в судейском комитете, но не слышал ни единого слова из того, что произнесли выступающие, поэтому просто поднимаю стандартную девятку, даже не взглянув на сцену. Я даже идти-то сюда не хотел. На самом деле сегодня я вообще никуда не хотел идти.

Когда баллы подсчитаны, ведущий объявляет имена победителей. Я откидываюсь на спинку стула и закрываю глаза, надеясь, что вечер пройдет быстро. Мне хочется только одного – пойти домой и лечь спать... А потом настанет завтра, у меня будет выпускной, но и он закончится. Не знаю, почему я так боюсь выпускного... Наверное, потому, что я единственный, кто не смог раздать все приглашения. Обычно выпускникам не хватает билетов, а мне, наоборот, некого приглашать.

– Я хочу прочитать свое стихотворение, – слышу я вдруг голос Лейк.

Я подсакиваю словно ужаленный, чуть не переворачивая стул. Она стоит на сцене с микрофоном в руках. Парень рядом со мной громко смеется, присоединяясь к хохоту зрителей, которые сочли забавным, что она вот так просто взяла и влезла, нарушив регламент.

– Глянь, какая красотка! – толкает меня локтем в бок сосед.

Я смотрю на нее, не в силах пошевелиться, готовый сию минуту умереть на месте. Какого черта она творит?!

Не сводя с нее глаз, я смотрю, как она подносит микрофон к губам и произносит:

– Я знаю, что нарушаю протокол, но у меня экстренный случай.

Зал взрывается от хохота, и Лейк ошарашенно смотрит на ведущего. Она напугана. Такое поведение совсем не в ее стиле. Ведущий подталкивает ее к центру сцены. Я делаю глубокий вдох и мысленно прошу ее сохранять спокойствие.

Она ставит микрофон на стойку, настраивает высоту, прикрывает глаза, делает вдох, и тут парень, который сидит рядом со мной, кричит:

– Три бакса!

«Сейчас ему прилетит, Богом клянусь!»

Лейк тут же открывает глаза, достает из кармана купюру и отдает ее ведущему. Потом снова начинает готовиться и произносит:

– Мое стихотворение называется...

Но тут ее снова отвлекает ведущий, трогая за плечо. Она раздраженно оборачивается. Я глубоко вздыхаю, потому что меня все эти проволочки тоже раздражают. Забрав у ведущего сдачу, она убирает деньги в карман, что-то сердито шипит ему, и он тут же уходит со сцены. Лейк

поворачивается к зрителям и внимательно обводит взглядом зал.

«Она должна понимать, что я здесь! Что она такое творит?!»

– Стихотворение называется «Обучение», – произносит она.

У меня в горле встает комок. Если бы я захотел пошевелиться, то не смог бы: тело словно онемело и перестало мне подчиняться. Я замороженно смотрю, как, сделав несколько глубоких вдохов, она начинает:

За этот год я многому *научилась*.

У *всех*.

У моего младшего брата...

У «Братьев Эйвитт»...

У моей *матери*, у *лучшей подруги*, у *учителя*, у *отца*

и еще

у

одного

парня.

У парня, в которого я *серьезно, по уши, безумно, невероятно и несомненно влюблена*.

За этот год я многому *научилась*

у *девятилетнего* мальчика.

Он показал мне, что *можно жить*

немного *наоборот*.

Что можно *смеяться*

над тем, над чем, *по мнению многих,*

смеяться нельзя.

За этот год я многому научилась

у одной *группы!*

Они научили меня, как снова *почувствовать* то, что ты *чувствуешь*.

Научили, как решить, чем *стать*,

а потом просто взять и *стать* этим.

За этот год я многому научилась

у больной *раком* женщины.

Она *так* многому меня научила. И *до сих пор* учит.

Научила всегда *задавать вопросы*.

И никогда не жалеть о сделанном.

Научила *расширять* границы,

потому что *именно для этого* они и созданы.

Посоветовала найти *баланс* между *головой* и *сердцем*,

а потом
подказала, **как** это сделать...
За этот год я многому **научилась**
у одного **приемного ребенка**.
Она научила меня **уважать** выпавшую мне **судьбу**.
И быть **благодарной** за то, что у меня вообще есть **судьба**.
Она показала мне, что **семья** —
это не обязательно **кровные** родственники.
Иногда **семьей**
становятся **друзья**.
За этот год я многому **научилась**
у моего **учителя**.
Он рассказал мне,
что **балом** правят не **баллы**,
балом правит **поэзия**...
За этот год я многому **научилась**
у своего **отца**.
Он показал мне, что **герои** не всегда **непобедимы**
и что **магия**
находится **внутри** меня самой.
За этот год я многому научилась
у
одного
парня.
У парня, в которого я **серьезно, по уши, безумно, невероятно**
и несомненно влюблена.
Он научил меня **самой** важной вещи:
делать **ударение** на слове
жизнь.

* * *

ШОК!

Я просто в шоке.

В полном шоке.

Я тупо таращусь на стол перед собой, все еще до конца не осознавая услышанное.

«...Парня, в которого я серьезно, по уши, безумно, невероятно и несомненно влюблена».

Влюблена?

Именно так она и сказала!

Влюблена! В настоящем времени!

Она любит меня! Лейкен Коэн меня любит!

– Выставляй баллы, чувак! – говорит мой сосед, вручая мне таблицу с оценками.

Я смотрю на табличку, потом на сцену, но ее там уже нет. Обернувшись, я вижу, как она практически бежит к выходу.

Какого черта я тут расселся? Она ждет, чтобы я как-то отреагировал на услышанное, а я застыл как идиот!

Я встаю как раз в тот момент, когда судьи справа от меня поднимают оценки. Трое поставили ей девятку, один – 8,5. Я обхожу стол и поднимаю за них всех десятки. Может быть, и не баллы правят балом, но стихотворение было классное!

– Она заслуживает десятки!

Я запрыгиваю на сцену и вырываю микрофон из рук ведущего.

– Ну что еще?! – закатывая глаза и разводя руками, стонет он.

– Это плохая идея! – говорю я в микрофон, как раз в тот момент, когда Лейк распахивает дверь, готовясь выйти из зала. – Нельзя уходить, пока тебе не выставили оценки.

Она смотрит на судейский стол, потом на меня и улыбается.

Крепко схватив микрофон, я намереваюсь прочитать стихотворение, которое написал для нее, но Лейк притягивает меня словно магнитом, и я едва сдерживаюсь, чтобы не спрыгнуть со сцены и не броситься к ней. Однако я ухищрюсь сдержать порыв: пусть сначала услышит, что я хочу ей сказать.

– Я хотел бы выступить прямо сейчас. У меня экстренный случай, – обращаюсь я к ведущему.

Он кивает и отходит в сторону. Я смотрю на Лейк, которая стоит в центре зала и не сводит меня взгляда.

– Три бакса! – доносится из толпы чей-то крик.

Черт! Я хлопаю себя по карманам и понимаю, что оставил бумажник в машине.

– У меня нет налички, – говорю я, поглядывая на ведущего.

Он переводит взгляд на Лейк. Она достает два доллара, которые ей дали на сдачу, подходит к сцене и бросает купюры на сцену.

– Одного доллара не хватает! – заявляет ведущий.

Твою мать! Не хватает какого-то несчастного доллара!

В зале начинают двигаться стулья, люди со всех концов зала подходят к сцене, окружают Лейк и начинают кидать на сцену долларовые банкноты.

Потом все быстро садятся обратно, а Лейк, онемев от изумления, разглядывает кучу денег на сцене.

– Та-а-ак... Ну что ж, этого вполне достаточно... – произносит ведущий, сгребая деньги. – Как называется твоё стихотворение, Уилл?

– «Не на третьем месте», – отвечаю я, улыбаясь Лейк.

Она немного отходит от сцены и останавливается в ожидании начала. Я делаю глубокий вдох и готовлюсь наконец сказать ей все, что должен был сказать еще три месяца назад.

Я познакомился с девушкой,

прекрасной девушкой!

И влюбился в нее.

Влюбился *по уши*.

К сожалению, иногда **жизнь** встает у нас на *пути*.

Жизнь **однозначно** встала у **меня** на пути.

Просто взяла и **загородила** мне дорогу.

Жизнь **забаррикадировала дверь** деревянными досками

два на четыре, приколоченными друг к другу

и намертво прилепленными **к бетонной стене**

толщиной сантиметров тридцать, загородила дорогу

решеткой из прочных стальных **прутьев**,

приваренных к титановой рамке,

и **как бы я ни старался** пробить ее —

она

не поддавалась.

Иногда **жизнь** нам не **поддается**,

а просто встает **прямо** у нас на *пути*.

Она преградила дорогу моим **планам, мечтам, стремлениям, желаниям**, моим «**хочу**» и «**надо**».

Она оторвала меня от этой **прекрасной** девушки,

в которую я так **сильно влюбился**.

Жизнь пытается подсказать, что будет **лучше**.

Что должно быть **важнее** всего.

Что должно быть на **первом месте**,

или **на втором**,

или **на третьем**.

Я изо **всех сил** старался, чтобы все было **упорядочено**,

расставлено по алфавиту, в хронологическом порядке,

чтобы всему было **идеальное место** и **идеальное время**.

Я думал, что жизнь *хочет* от меня именно этого.
Жизни *необходимо*, чтобы я поступал именно так.

Правда ведь?

Чтобы *все* было *по порядку*?

Иногда жизнь встает у нас на *пути*.

Встает прямо у нас на *пути*.

Но она не загораживает нам дорогу полностью, потому что хочет, чтобы мы просто *сдались* и *подчинились ей*.

Жизнь не загораживает нам дорогу, потому что хочет, чтобы мы *отдались ей*, чтобы нас *подхватило потоком*.

Жизнь хочет, чтобы мы *сражались* с ней.

Научились делать ее *своей собственной*.

Она хочет, чтобы мы схватили *топор* и *разбили* доски в *щепки*.

Хочет, чтобы мы взяли *отбойный молоток* и *пробились* сквозь *бетон*.

Хочет, чтобы мы взяли *факел*, *расплавили металл* и *сталь* и наконец добрались до всего

упорядоченного, расставленного по алфавиту, в хронологическом порядке, в нужной последовательности.

Она хочет, чтобы вы смешали все *как попало*, *растворили*,

перемешали.

Жизнь не хочет, чтобы вы *говорили* ей, что ваш младший *брат всегда* должен быть на *первом* месте.

Жизнь не хочет, чтобы вы *говорили* ей, что ваша *карьера* и *образование всегда* должны быть на *втором* месте.

И жизнь *совершенно точно* не хочет, чтобы *я* позволил ей взять и сказать мне,

что *девушка*, с которой я познакомился, —

прекрасная, сильная, потрясающая, стойкая девушка,

в которую я *так сильно* влюбился, —

должна *всегда* быть на *третьем* месте.

Жизнь знает.

Жизнь пытается *сказать* мне,

что для *девушки*, которую я *люблю*,

для девушки, в которую я так

сильно влюбился,

предназначено *первое* место.

Для *нее* предназначено первое место.

* * *

Произнеся последнюю строчку, я кладу микрофон на сцену и спрыгиваю вниз. Подхожу к Лейк и обнимаю ее. У нее по щекам текут слезы, и я вытираю их большими пальцами.

– Я люблю тебя, Лейк! – шепчу я, прижимаясь своим лбом к ее. – Ты заслуживаешь первого места!

Как же легко наконец-то говорить ей правду о своих чувствах! Честность так естественна! Скрывать свои истинные чувства на протяжении многих месяцев было просто невыносимо. Этот камень наконец падает с моего сердца, и я вздыхаю с облегчением.

Она смеется сквозь слезы и накрывает мою руку своей, улыбаясь мне самой прекрасной улыбкой на свете:

– Я тоже тебя люблю! Я так сильно тебя люблю!

Я нежно целую ее в губы. Такое ощущение, что сердце распухает в груди, когда она отвечает на мой поцелуй. Я обнимаю ее, зарываюсь лицом ей в волосы и крепко прижимаю к себе. Закрываю глаза, и мне кажется, что здесь нет никого, кроме нас двоих. Кроме меня и этой девушки. Эта девушка снова в моих объятиях, она прикасается ко мне, целует меня, дышит мной, любит меня!

И теперь это не сон!

– Наверное, нам не стоит целоваться прямо тут, – шепчет мне на ухо Лейк.

Открыв глаза, я вижу некоторое беспокойство на ее лице. Действительно, как бы то ни было, а она все еще школьница, а я вроде как преподаватель. Если здесь есть кто-то из наших знакомых, нам и правда лучше уйти.

Взяв Лейк за руку, я веду ее к выходу. Как только мы выходим на улицу, я обнимаю ее за талию и прижимаю к двери. Я ждал этого много месяцев! Еще две секунды без ее прикосновений, и я просто умру!

Кладу руку ей на поясницу и снова целую ее. Когда наши губы соприкасаются, у меня возникает чувство, о котором я постоянно думаю с той самой минуты, как мы впервые поцеловались. Но на самом деле настоящее чудо происходит сейчас, когда мы снова вместе и я знаю, что мои чувства к ней взаимны.

Она просовывает руки мне под куртку и гладит меня по спине, прижимаясь ко мне и целуя в губы. Я готов провести остаток жизни, обнимая и целуя ее. Однако, несмотря на все, что мы прошли, несмотря на

мои чувства к ней, ответственность есть ответственность. Я не знаю, как долго она готова ждать меня. Мысль об этом мгновенно убивает во мне радость.

Оторвавшись от ее губ, я глажу ее по голове, прижимая к груди. Делаю долгий, глубокий вдох, она тоже вздыхает и сцепляет руки у меня за спиной.

– Лейк, – глядя ее по волосам, говорю я, – я не знаю, что будет в ближайшие несколько недель. Но я хочу, чтобы ты знала, что если я не смогу разорвать контракт, то...

Она тут же отшатывается в сторону и смотрит на меня с таким ужасом, какого я еще не видел. Решила, что я готов отказаться от нее?! Неужели она действительно верит в такой абсурд?! Боже, как мне ее жаль! За последние три месяца я причинил ей столько боли, что она к этому, похоже, уже привыкла.

– Уилл, ты не можешь...

– Тихо-тихо, малыш. – Я подношу палец к ее губам. – Я же не говорю, что мы не сможем быть вместе. Нравится тебе это или нет, теперь ты будешь со мной! – объявляю я, прижимая ее к груди. – Я просто хотел сказать, что если я не смогу разорвать контракт, то надо будет подождать еще четыре месяца. Я хочу, чтобы ты пообещала мне, что дождешься меня, если до этого дойдет. Нельзя, чтобы кто-то узнал, что мы вместе, пока я не пойму, как лучше поступить.

– Обещаю, – кивает она, уткнувшись лицом мне в грудь. – Обещаю, что буду ждать тебя столько, сколько потребуется!

Закрыв глаза, я прижимаюсь щекой к ее макушке. Боже, как же я благодарен ей! Я столько раз ее отталкивал, а она все-таки не потеряла веру в меня.

– Тогда нам, наверное, не стоит так тут стоять, – продолжаю я. – Хочешь, пойдём ко мне в машину?

Лейк не отвечает. Все ясно и так.

Я пока не готов перестать с ней целоваться, но делать это на виду у всех все-таки не стоит. Я беру Лейк за руку, веду к машине, открываю пассажирскую дверь, но сначала сажусь сам, а потом усаживаю ее к себе на колени. Закрыв дверь, я вставляю ключ в зажигание, чтобы прогреть машину. Лейк устраивается поудобнее, садясь на меня верхом. Я прекрасно понимаю, что это положение очень интимно, учитывая, что я могу пересчитать по пальцам одной руки, сколько раз мы с ней целовались. Но обниматься по-другому в машине невозможно.

– Я люблю тебя, Лейк, – шепчу я, беря ее руки в свои и целуя каждый

пальчик.

– Повтори! – улыбается она. – Мне нравится, как ты это говоришь!

– Очень хорошо, потому что мне очень нравится это говорить! – подхватываю я, целую ее в щеку, потом в губы и снова шепчу: – Я люблю тебя!

– Еще раз! – просит она. – Ты себе не представляешь, как я мечтала услышать это от тебя! Надеялась, что мои чувства к тебе взаимны!

А ведь все это время она не знала, что я к ней испытываю! У меня заняло сердце.

– Я люблю тебя, Лейк! Очень сильно! Прости меня за все, что тебе довелось пережить!

– Уилл, ты поступал правильно, – качает головой она. – По крайней мере, пытался! Я все понимаю. Просто я надеюсь, что теперь все в прошлом и ты меня больше не оттолкнешь. Еще одного раза я просто не выдержу!

Ее слова острым ножом вонзаются мне в сердце, но я это заслужил. Даже не знаю, что нужно сказать или сделать, дабы убедить ее, что я здесь, с ней, и никуда не денусь. Убедить ее в том, что на этот раз я действительно выбираю ее.

Прежде чем мне представился шанс убедить ее в этом, она закрывает мне рот таким страстным поцелуем, что с моих губ срывается стон. Мои руки оказываются у нее под рубашкой, я глажу ее по спине. Никогда не забуду ощущение ее мягкой, теплой кожи под моими руками!

Как только я касаюсь ее, она начинает снимать с меня куртку. Я стараюсь вытащить руки из рукавов, не прерывая поцелуя. Наконец мне это удается, и я отбрасываю куртку, снова обнимая ее под рубашкой.

Прикасаюсь к ней, целовать ее, быть с ней вместе – это так естественно! И абсолютно правильно!

Я приникаю губами к заветному месту на шее, которое так сводит меня с ума. Она склоняет голову набок и тихо стонет. Я крепко держу ее за талию, покрывая ключицы поцелуями. Медленно скольжу руками по ее телу, пока пальцы не касаются бюстгалтера. Я чувствую, как бешено колотится ее сердце, а мое словно старается обогнать его и выпрыгнуть из груди. Как только мои пальцы оказываются под бюстгалтером, Лейк слегка отстраняется и хватает ртом воздух.

Я тут же убираю руки, обнимаю ее за плечи, молча кляня себя за нетерпение, и отодвигаю от себя, чтобы мы оба могли отдышаться, а потом откидываюсь на спинку сиденья и прикрываю глаза.

– Прости, – шепчу я, открывая глаза, – я слишком тороплюсь. Прости!

Я так много раз представлял себе, как буду прикасаться к тебе, что это кажется таким естественным! Прости!

– Все в порядке, – качает головой она, убирая мои руки со своих плеч и сжимая мои ладони. – Мы оба торопимся. Просто нужно немного притормозить. Но мне кажется, что все совершенно правильно! Мне так хорошо с тобой!

– Потому что это правильно!

Она молча разглядывает меня, а потом вдруг страстно впивается мне в губы. Застонав, я крепко обнимаю ее, прижимаю к груди, но тут же снова кладу руки ей на плечи и слегка отталкиваю, а потом опять привлекаю к себе и целую. Так происходит несколько раз, и мне все время приходится напоминать себе, что торопиться не надо. В какой-то момент я пересаживаю ее на водительское сиденье, но тут же снова склоняюсь над ней и продолжаю целовать ее... Снова и снова. Она смеется, догадываясь, как сильно я ее хочу. Какими жалкими выглядят мои попытки держать себя в руках. Мне все-таки удается оторваться от нее и прислониться к пассажирской двери.

– Ты заставляешь меня напрячься, – проведя рукой по волосам, смеюсь я. – Ну, ты понимаешь, в каком смысле!

Она улыбается и даже в темноте заметно, что краснеет.

– О господи! – Я со стоном потираю руками лицо. – Я тебя так сильно хочу! – Я наклоняюсь к ней, целую, но одновременно дергаю дверную ручку, и дверь за ее спиной открывается. – Иди! – шепчу я, не отрываясь от ее губ. – Беги в свой джип! Там ты будешь в безопасности! Увидимся дома!

Она кивает и ставит одну ногу на асфальт, но я не хочу, чтобы она уходила. Хватаю ее за бедро, затаскиваю обратно и снова целую.

– Ну иди же! – умоляю ее я.

– Да я пытаюсь! – смеется она, высвобождаясь из моих объятий, и выходит из машины.

Но я иду следом.

– Ты где припарковалась? – шепчу я ей на ухо, обнимая за талию.

– Вон там, через несколько машин, – показывает она.

Я залезаю в задний карман ее джинсов, достаю ключи и иду вместе с ней к джипу. Открыв дверцу, я помогаю Лейк сесть и целую на прощание.

– Как доедешь, сразу домой не иди! Я еще не закончил! – приказным тоном говорю я.

– Да, сэр! – радостно отвечает она.

Я захлопываю дверь, жду, пока Лейк заведет мотор, и стучу по окну.

Лейк опускает стекло.

– Эта поездка домой станет самыми долгими тридцатью минутами в моей жизни! – обнимая ее за шею, шепчу я, потом целую ее в висок и делаю шаг назад. – Люблю тебя!

Она поднимает окно и прижимает ладонь к стеклу. Я прижимаю свою с другой стороны – так, чтобы кончики наших пальцев оказались на одном уровне.

– Я тоже тебя люблю! – одними губами произносит Лейк и сдает задом, выезжая с парковки.

Я провожаю ее взглядом до выезда на шоссе и возвращаюсь к своей машине.

Не понимаю! Не понимаю, как мне удавалось так долго жить без нее, ведь она неотъемлемая часть моей жизни! Я просто умру без ее прикосновений!

* * *

Не просидев в машине и минуты, я набираю ее номер. На самом деле я еще никогда ей не звонил просто так – только когда дело касалось Кела или Колдера. Как же приятно набирать ее номер!

Она едет прямо передо мной, поэтому я вижу, как она берет телефон, склоняет голову и зажимает трубку плечом:

– Алло!

– Нельзя говорить по телефону за рулем! – укоряю ее я.

– Так не звони мне, когда я за рулем! – смеется она.

– Но я соскучился!

– Я тоже! Я по тебе скучаю всю ту минуту, что прошла с нашего расставания, – насмешливо отзывается она.

– Я хочу говорить с тобой, всю дорогу до дома, только, пожалуйста, включи громкую связь и положи телефон! – с улыбкой прошу я.

– Зачем?

– Затем, что ездить, наклонив голову набок, опасно!

В зеркало заднего вида ее джипа я вижу, как она улыбается, кладет телефон и выпрямляется.

– Так лучше?

– Лучше! А теперь слушай. Я поставлю тебе одну песню «Братьев Эйвитт». И прибавь до максимума громкость на телефоне! – прошу ее я и ставлю песню, которую без конца слушал с того самого вечера, когда влюбился в нее. Потом начинается следующая песня, затем еще одна. Время от времени я и сам подпеваю, а Лейк всю дорогу до Ипсиланти

молча слушает.

* * *

Лейкен сворачивает к своему дому, я к своему. Быстро заглушив двигатель, выскакиваю из машины и подбегаю к ее джипу. Она даже дверь не успевает открыть. Сделав это за нее, я хватаю ее за руку и буквально вытаскиваю на улицу. Мне хочется прижать ее к джипу и зацеловать до смерти, но я знаю, что, скорее всего, за нами следят три пары любопытных глаз. Я бы отдал все на свете, лишь бы побыть с ней наедине, а не стоять тут, у всех на виду. Но я просто целую ее в лоб, глазу по голове, испытывая благодарность за каждую проведенную рядом с ней секунду.

– Во сколько тебе нужно быть дома?

– Вообще-то, мне уже восемнадцать! – пожимает плечами Лейк. – Какой уж тут комендантский час?..

– Давай не будем испытывать ее терпение, Лейк! Я хочу, чтобы все было правильно!

Мне вообще повезло, что Джулия позволила ей быть со мной, поэтому совершенно не хочется ее расстраивать.

– Уилл, нам что, обязательно сейчас говорить о моей маме?

– Нет-нет, – улыбаюсь я, качая головой, нежно привлекаю ее к себе и целую так, будто мне совершенно все равно, кто на нас смотрит.

Оказывается, мне и правда все равно, черт побери! Несколько минут я пытаюсь зацеловать ее до смерти, пока дело не доходит до того, что я уже не могу себя контролировать – руки сами так и тянутся вниз. Я слегка отстраняюсь, чтобы перевести дыхание.

– Пойдем к тебе, – шепчет она.

Предложение более чем соблазнительное, но я прижимаю ее к груди и прикрываю глаза:

– Мне нужно, чтобы ты сначала поговорила с мамой. Я должен знать пределы дозволенного!

– Зачем? – смеется она. – Чтобы выйти за них?

– Вот именно! – Я беру ее за подбородок и смотрю прямо в глаза.

Во дворе мигает освещение, – значит, Джулия решила все-таки обозначить пределы, пусть даже таким способом.

– Че-е-ерт! – расстроено тяну я. – Видимо, это означает «спокойной ночи!».

– Думаю, да, – соглашается Лейк. – Ничего, мы же завтра увидимся, да? Во сколько у тебя выпускной?

– Во второй половине дня. Приходи утром, позавтракаем вместе! Я тебе

приготовлю все, что пожелаешь! – обещаю я.

Лейк кивает:

– А обед? Что ты делаешь в обед?

– Готовлю для тебя.

– А ужин? Вдруг я решу с тобой поужинать? – продолжает она.

Боже, как она соблазнительна!

– Ну, вообще-то, на ужин у нас есть планы... На выпускной придут бабушка с дедушкой, а потом мы пойдем ужинать в ресторан. Хочешь с нами?

– Думаешь, стоит? – В глазах Лейк вспыхивает тревога. – А если кто-нибудь увидит нас вместе? Ты же все еще учитель, хоть временно и не работаешь...

Черт! Я ненавижу эту новую работу, еще даже не приступив к ней!

– Значит, придется как-то решить это завтра.

– Но я хочу прийти к тебе на выпускной. Можно?

– Только попробуй не прийти! – Больше всего на свете мне хотелось пригласить на выпускной именно ее, но до сегодняшнего вечера я думал, что это невозможно. – Хотя мне, конечно, будет очень сложно держать себя в руках, – добавляю я, целую ее на прощание и делаю шаг назад. – Я люблю тебя!

– А я тебя!

Отвернувшись, я иду в сторону дома. Меня обуревают противоречивые эмоции: с одной стороны, я испытываю огромный душевный подъем оттого, что мы наконец-то вместе, с другой – чувствую внутреннее опустошение из-за того, что приходится уходить. Я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на нее в последний раз, и вижу, что она смотрит мне вслед.

– Ты что?! – спрашивает она, заметив мою довольную улыбку.

Одного вида ее улыбки достаточно, чтобы я всю оставшуюся жизнь был счастлив и доволен. Ее счастливый вид – лучшая награда в мире. Никогда больше не хочу видеть, как она грустит!

– Оно того стоит, Лейк! Мы не зря так страдали. Обещаю тебе. Даже если тебе придется ждать меня, я позабочусь о том, чтобы ты не пожалела!

– Я и так не жалею, Уилл! – прижимая руки к сердцу, заверяет меня она.

Господи, я недостойн этой девушки!

Я поспешно возвращаюсь к ней и обнимаю.

– Я серьезно. Я так сильно люблю тебя, что даже в груди больно, – добавляю я, быстро целую ее. – В хорошем смысле этого слова. Мы думали, что нам тяжело в разлуке? А как, черт побери, я смогу заснуть сегодня?

После того, как мы с тобой целовались? После того как ты сказала, что любишь меня?

Не дожидаясь ответа, я прижимаю ее к джипу и целую так, как мечтал с тех самых пор, как понял, что мы с ней идеальная пара и должны быть вместе. Я целую ее самозабвенно, потому что понимаю: больше нам расставаться не придется. Этот поцелуй не станет последним. Целую ее, понимая, что это не очередное расставание, а всего лишь начало.

Во дворе снова начинает мигать освещение.

Мы оба замечаем это, но нам все равно. Однако через несколько минут мы все-таки успокаиваемся и отстраняемся друг от друга. Я прижимаюсь лбом к ее лбу и смотрю ей в глаза.

– Ну вот, Лейк, – говорю я, показывая на нас обоих. – Теперь все по-настоящему. Я никогда больше не уйду от тебя. Никогда!

– Обещаешь? – шепчет она, глядя на меня полными слез глазами.

– Клянусь! Я безумно люблю тебя!

– Повтори! – просит она, и по щеке скатывается одинокая слезинка.

– Люблю тебя, Лейк! – Я вглядываюсь в ее лицо, словно боясь, что не смогу запомнить какую-нибудь мелкую деталь, прежде чем уйду.

– Еще один раз!

Прежде чем я в очередной раз успеваю признаться ей в любви, дверь распаивается и на пороге появляется Джулия:

– Так, похоже, нам придется договориться о некоторых правилах, – говорит она, но в ее голосе больше радости, чем раздражения.

– Простите, Джулия, – кричу я, поворачиваясь к Лейк, целую ее в последний раз и ухожу. – Дело в том, что я безумно люблю вашу дочь!

– Да уж вижу! – смеется Джулия.

Я произношу слова любви в последний раз и ухожу домой.

Глава 18

Медовый месяц

– И с тех пор мы жили долго и счастливо, – заканчивает Лейк.

– Ну да, – смеюсь я, потому что все было совсем не так. – Недели две!

Пока твоя мама не застукала нас!

– Господи, а я-то и забыла! – стонет Лейк.

– Я и рад бы забыть, да не получается, уж поверь мне, – отзываюсь я.

Точка возврата

– А куда мы едем?

– Сюрприз! – отвечаю я, пристегиваясь и убавляя громкость в приемнике.

Впервые с тех пор, как две недели назад мы официально начали встречаться, я могу в открытую повести ее на свидание. Я смог расторгнуть контракт со школой, потому что меня приняли на магистерскую программу по педагогике. Теоретически ничто больше не мешает нам быть вместе. Не знаю, что подумают люди, ведь всего пару недель назад я еще был ее учителем. Но, если честно, мне все равно. Как я уже говорил Лейк, отныне она для меня на первом месте.

– Уилл, сегодня четверг! Кажется, я знаю, что это за сюрприз! Мы что, едем в клуб «ДЕВУТЬ»?

– Возможно.

– Ты что-нибудь для меня прочитаешь? – улыбается она.

– Возможно, – подмигиваю я и беру ее за руку.

– А мы не рано едем? Или сначала заскочим в ресторан? А как же горячие бутерброды с сыром?

– Возможно, – повторяю я.

– Уилл! Это будет самое отстойное свидание в моей жизни, если ты не станешь чуточку разговорчивее! – закатывает глаза она.

– Да, мы едем в клуб «ДЕВУТЬ»! – со смехом отзываюсь я. – Да, сначала мы будем ужинать! Да, я написал для тебя стихотворение! Да, мы рано уедем из клуба, чтобы успеть вернуться ко мне домой и заняться кое-чем интересным в темноте!

– Ой, беру свои слова обратно! Это самое отпадное свидание в моей жизни!

* * *

– Значит, из всех ресторанов Детройта ты выбрала бургерную?! – качаю головой я.

Держась за руки, мы идем к входу в клуб. Мне хочется над ней поиздеваться, но на самом деле я в восторге от ее выбора.

– Ну и что? Я люблю бургеры!

– А я люблю тебя, – обнимая ее и целуя в шею, отзываюсь я.

В холле я продолжаю обнимать и целовать ее. Она сбрасывает мою руку с талии и уворачивается от поцелуя:

– На людях ты должен вести себя по-джентльменски! Пока не вернемся в машину, больше никаких поцелуев!

– В таком случае, – возмущаюсь я, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, – нам здесь делать нечего. Пошли отсюда!

– Ни за что! – отталкивает меня она. – Если ты собираешься соблазнить меня на своем диване, то сначала должен соблазнить меня словом, а уж потом телом! Ты обещал мне выступить, и я никуда отсюда не пойду! – заявляет она, уверенно ведя меня к кабинке, где нас уже ждут Эдди и Гевин. Она садится рядом с Эдди, я – рядом с ней.

– Привет, – здоровается с нами Эдди, с любопытством глядя на нас во все глаза.

– Привет! – отзывается мы в один голос, и выражение лица Эдди становится еще более любопытным.

– Странно! – наконец провозглашает она.

– Согласен, – кивает Гевин, – и правда странно!

– А что тут странного? – недоуменно спрашивает Лейк.

– Видеть вас вместе, – отвечает Эдди. – Знаю, вы встречаетесь уже пару недель, но я впервые вижу тебя с ним. Вот так, по крайней мере. Типа вы такие влюбленные и все такое! Странно...

– Ох, перестань! – хмурится Лейк.

– К этому надо привыкнуть. А то пока кажется, что вы делаете что-то противозаконное! – не унимается Эдди.

– Мне двадцать один год, – оправдываюсь я. – И теперь я даже не учитель! Что тут странного?!

– Не знаю. Странно – и все тут! – отвечает она.

– Да, правда странно, – поддерживает ее Гевин.

Я, конечно, понимаю, о чем они, но, по-моему, ребята немного перегибают палку. Особенно Гевин. Он-то еще несколько месяцев назад знал о моих чувствах к Лейк.

– А что именно странно? – спрашиваю я, обнимая Лейк за плечи. – Вот это?

Повернувшись к Лейк, я целую ее в губы, пока она не начинает смеяться и не отталкивает меня. Мы оба поворачиваемся к Эдди и Гевину, но они смотрят на нас как на сумасшедших!

– Фу! – морщит носик Эдди.

– Знаешь что... – Я беру пакетик сахара и бросаю в нее. – Иди тогда и сядь от нас подальше!

– А мы сюда первые пришли! – швыряет в меня сахар Гевин.

– Тогда терпите! – парирую я.

За столиком воцаряется молчание. Лейк и Эдди не подозревают, что мы с Гевином просто шутки шутим.

– Лично я считаю, – наклоняется вперед Гевин, – что вы с миссис Алекс смотрелись бы куда лучше!

– Она меня отвергла, – пожимаю плечами я и киваю на Лейк. – Пришлось довольствоваться запасным вариантом.

Лейк фыркает, и тут к микрофону подходит ведущий:

– Сегодня жертва была определена заранее, поскольку время нашего выступающего ограничено. Уилл Купер, на сцену! Поприветствуем!

Зрители начинают хлопать, я встаю с места и вижу, как Лейк иронично приподнимает бровь:

– Время ограничено?!

– Я же предупреждал, – шепчу ей на ухо я, – мы тут ненадолго. У нас с тобой еще куча очень интересных дел!

Я целую ее в щеку и иду на сцену, даже не нуждаясь в подготовке. Я начинаю декламировать, едва подойдя к микрофону, чтобы не потратить зря ни единой секунды:

– Мое стихотворение называется «Дар».

Если бы мой *папа* был жив, то сидел бы здесь
и смотрел на сцену с *улыбкой* на лице.

Он *гордился бы* мужчиной, которым я стал.

Он *гордился бы* тем, что я занял его *место*.

Если бы моя *мама* была жива, то ждала бы меня дома
и учила бы моего *брата* всему, чему научила меня.

Она *гордилась бы* мужчиной, которым я *стал*.

Она *гордилась бы* тем, кем я стал.

Но их здесь *нет*. Уже *довольно давно*.

На это требуется *время*, но постепенно приходит понимание.

Я все еще *тоскую* по ним с каждым *вдохом*.

Их отсутствие *всегда* будет заметно.

Но каждая *улыбка* на твоём *лице* как будто *стирает*
каждое *воспоминание* о том, о чем я хотел бы *забыть*.

Твой *смех* заполняет собой *пустоту*,

твои *поцелуи* исцеляют *раны* моей *души*.

Если бы мой *папа* был здесь, он сидел бы рядом с тобой
и *обнимал* тебя, повторяя: «*Спасибо*...

Спасибо, что спасла моего *мальчика*.

Спасибо за то, что принесла *свет* в его *жизнь*».

Если бы моя *мама* была здесь, она была бы очень счастлива, что у нее *наконец* появилась *дочь*.
Она любила бы тебя так же сильно, как люблю тебя *я*.
Она заставила бы меня *пообещать* однажды *жениться* на тебе.
Но их здесь *нет*. Уже *довольно давно*.
Но я чувствую их *гордость*. Вижу, как они *улыбаются*.
Слышу, как они говорят: «*На здоровье, Уилл!*»,
когда я *благодарю* их за то, что они послали мне тебя с *небес*.

* * *

Я возвращаюсь в кабинку. Лейк пытается обнять меня в знак благодарности, но я быстро хватаю ее за руку, тяну к выходу и машу рукой Гевину и Эдди:

– Увидимся, ребята!

Даже не дождавшись ответа, мы выходим из зала. Всю дорогу до машины я иду на пару шагов впереди Лейк и практически тащу ее за собой. Не могу думать ни о чем, кроме того, что скоро мы останемся наедине! Нам никак не удастся уллучить для этого время, и мне до смерти хочется провести с ней пару часов, чтобы нас никто не отвлекал. А то я с ума сойду!

Запахнув ее в машину, я быстро сажусь за руль, завожу двигатель, поворачиваюсь к ней и впиваюсь в ее губы страстным поцелуем, умудряясь одновременно выехать задом с парковки.

– Уилл, ты хоть понимаешь, что мы уже едем? – протестует она, пытаясь высвободиться из моих объятий.

Взглянув в зеркало заднего вида, я быстро выкручиваю руль вправо и снова поворачиваюсь к Лейк.

– А то! Мы спешим! Тебе же скоро домой, у нас остается всего два часа!

Я снова прижимаюсь ртом к ее губам, но она отталкивает меня, упираясь рукой мне в лоб.

– Тогда перестань со мной целоваться и езжай! Не думаю, что мне понравится с тобой обниматься, если ты погибнешь в автокатастрофе!

* * *

– Тормози! – просит Лейк за несколько домов до нашего.

– Почему?

– Пожалуйста! Доверься мне!

Я торможу и паркуюсь у обочины. Лейк целует меня, а потом

вытаскивает из зажигания ключи.

– Если мама увидит твою машину, то поймет, что мы вернулись. Она просила прийти вместе с тобой к нам, если мы вернемся рано. Не хочет, чтобы мы оставались наедине у тебя. Давай зайдем с черного хода, а машину заберем позже.

– Кажется, я влюбился в поразительно умную девушку! – Я восторженно смотрю на нее.

Мы оба выходим из машины и забегаем за дом, перед которым припарковались. Идем за забором, потом пригибаемся и быстро пролетаем следующие три двора, пока не оказываемся на задворках моего дома. Я беру у нее ключи и открываю заднюю дверь. Почему я чувствую себя взломщиком? Это же мой дом!

– Свет не включай! А то она поймет, что мы вернулись, – прошу я, провожая ее по темному коридору.

– Я ничего не вижу, – ворчит она.

– Разрешите вам помочь! – Я с готовностью беру ее за талию и подхватываю на руки.

Лейк верещит от удовольствия, обнимая меня за шею. Я несу ее в гостиную и аккуратно кладу на диван. Снимаю куртку и ботинки, а потом на ощупь нахожу ее в темноте. Провожу рукой по ногам, снимаю с нее обувь, а она тем временем скидывает куртку.

– Хочешь, я тебе еще что-нибудь помогу снять? – шепчу я.

– Ммм, сам рубашку сними! – хихикает она.

Я не возражаю и быстро стягиваю рубашку через голову:

– Слушай, а почему мы шепчемся?

– Не знаю, – все так же шепотом отзывается она.

Какое счастье снова слышать ее шепот... Смотреть, как она лежит на спине... на моем диване.

В ближайшие два часа между нами столько всего произойдет, что я окончательно теряю терпение. Собрав в кулак остатки силы воли, я не тороплюсь ложиться сверху, а встаю на колени рядом с диваном. Я безумно хочу ее, но сегодня вечером все должно быть, как захочется ей, а не мне. Когда дело касается Лейк, все мое терпение куда-то улетучивается в один момент!

В темноте я касаюсь ее щеки и мягко поворачиваю лицом ко мне. Дыхание Лейк учащается. Я сто раз прикасался к ней, но в темноте, когда нам никто не может помешать, даже простое прикосновение кажется куда более интимным.

Лейк обнимает меня за шею, и мы начинаем нежно целоваться. Ее губы

влажные, холодные и просто идеальные, но как только они слегка приоткрываются и я начинаю ощущать ее вкус, то понимаю, что «идеальные» – недостаточно сильное слово!

Она страстно отвечает на мой поцелуй. Мы медленно исследуем тела друг друга, и мне хочется быть уверенным, что на этот раз я не стану торопиться. Пока мы целуемся, я продолжаю гладить ее по щеке, а потом медленно перехожу к шее, плечам, бедрам... Каждое мое движение раззадоривает ее, поэтому я обнимаю ее за талию и кладу руку под рубашку, ожидая, что она в любой момент может сказать «стоп».

Или, наоборот, попросит продолжить...

Лейк гладит меня по спине, притягивает к себе, давая понять, что я должен лечь рядом с ней на диван.

– Лейк, не надо, – немного отстраняясь, прошу я. – Если я лягу рядом с тобой на этот диван... – Я не заканчиваю фразу и тяжело вздыхаю. – Поверь мне. Нельзя это делать.

Она берет меня за ту руку, которой я обнимаю ее за талию, перекладывает ее на свой живот и ведет вверх, пока мои пальцы не утыкаются в чашки ее бюстгалтера.

Святые небеса!

– Уилл, я хочу, чтобы ты лег со мной на диван, – говорит она, и я тут же убираю руку, но только затем, чтобы снять с нее рубашку.

Точнее, сорвать с нее рубашку!

А потом ложусь рядом с ней. Как только я накрываю Лейк своим телом и чувствую, как она прижимается к моей груди, мы снова начинаем целоваться и рука моя возвращается в указанное ею место. Она улыбается, закидывает ногу мне на бедро, а я целую ее в шею.

– Я чувствую, как у тебя сердце бьется, вот тут! – Я целую ее в ямку между ключицами. – Так приятно!

– А еще оно бьется вот здесь! – отзывается она и на этот раз кладет мою руку под бюстгалтер.

– Господи, Лейк! – со стоном утыкаюсь я лицом в диван. – Что ты со мной творишь?!

Я хочу трогать ее. Везде! Не знаю, что меня останавливает... Какого черта я так разволновался?!

– Уилл?

Я поворачиваюсь к ней, помня, что моя ладонь все еще лежит на ее груди. Господи, да моя ладонь еще никогда не испытывала такого счастья!

– Нужно немного помедленнее? Лейк, ты только скажи!

– Нет, – качает головой она, глядя меня по спине. – Побыстрее!

Эти слова окончательно рассеивают все мои сомнения. Я нащупываю застежку ее бюстгальтера и спускаю бретели с плеч. Прижимаясь губами к ее нежной коже, я жду, пока она тихо не застонет, и начинаю ласкать ее грудь, но потом на мгновение замираю. В замке поворачивается ключ!

– Ш-ш-ш! – шепчу я.

Входная дверь распахивается, в гостиной зажигается свет. Выглянув из-за спинки дивана, я вижу, что по коридору идет Джулия. Уткнувшись в шею Лейк, я в ужасе шепчу:

– Черт! Это твоя мама!

– Нет-нет-нет, только не это! – шепотом восклицает Лейк, в панике пытаюсь застегнуть бюстгальтер.

– Тихо! – Я зажимаю ей рот. – Может, она нас не заметит!

У нас обоих сердца чуть из груди не выскакивают. Я точно это знаю, потому что руку с груди Лейк так и не убрал. Она понимает, в какое неловкое положение мы попали.

– Уилл, убери руку! Жуть какая!

– Что она тут делает? – спрашиваю я, убирая руку.

– Понятия не имею, – качает головой Лейк.

И тут-то все и случается!

Говорят, что перед смертью вся жизнь проносится у человека перед глазами.

Так это правда!

Джулия входит в комнату и вскрикивает.

Я отскакиваю от Лейк.

Лейк буквально слетает с дивана. И вот оно! Когда Джулия видит, что Лейк стоит у меня в гостиной и застегивает бюстгальтер, вся моя жизнь проносится у меня перед глазами за считанные доли секунды!

– А это мы! – глупо говорю я.

Что я несу?! И это мои последние слова?! Джулия зажимает рукой рот и смотрит на нас широко открытыми глазами.

– Это мы, – повторяю я, на случай если она еще не поняла.

– Я просто... Колдер попросил меня принести его подушку, – объясняет Джулия, сжимая в руках подушку моего брата.

Переводя взгляд с Лейк на меня и обратно, она наконец-то все понимает, и испуг на ее лице сменяется гневом! Я наклоняюсь, быстро поднимаю с пола и протягиваю Лейк рубашку.

– Мам, – умоляющим голосом начинает Лейк, но не знает, что говорить дальше.

– Иди домой! – велит ей Джулия.

– Джулия, дело в том... – пытаюсь встрять я.

Джулия не дает мне договорить.

– Уилл! – разъяренно кричит она. – С тобой мы попозже поговорим!

Услышав эти слова, Лейк приходит в ярость и напрочь забывает о смущении:

– Мам, мы, вообще-то, взрослые люди! Не смей так с ним разговаривать! И ты не можешь запрещать нам заниматься этим! Это смешно!

– Детка, не надо! – тихо говорю я Лейк, беря ее за локоть.

– Ну уж нет, Уилл! – огрызается она. – Я взрослый человек, и она не будет мне указывать, что делать!

– Лейк, ты еще школьница! – Я кладу руку ей на плечо, стараясь успокоить. – Ты живешь в ее доме. Мне не следовало приводить тебя сюда. Прости... Мама права. – Я целую ее в лоб и помогаю надеть рубашку.

– Господи! – орет на меня Джулия. – Уилл, ты что, сбрендил?! Не смей помогать ей одеваться у меня на глазах!!!

Черт, да о чем я только думаю?!

Отпустив край рубашки, я поднимаю руки вверх и отхожу от Лейк.

– Прости, – прежде чем уйти, шепчет она и умоляюще смотрит на меня.

Не успевает дверь за ними закрыться, как до меня доносятся крики Джулии:

– Лейк, да ты же с ним всего две недели встречаешься! Ты что творишь?!

Голоса стихают, я опускаюсь на диван и чувствую себя невероятным идиотом. Невероятно виноватым идиотом. Невероятно жалким виноватым идиотом. И тем не менее... невероятно счастливым!

Едва я успел поднять с пола свою рубашку, как дверь снова распахивается. На пороге появляется Джулия. Держа Лейк за локоть, она твердым шагом ведет ее обратно в гостиную и сажает на диван напротив меня.

– Дело не терпит отлагательства! – заявляет Джулия. – Я вам не доверяю. Стоит мне лечь спать, вы начнете сначала!

Мы с Лейк растерянно смотрим друг на друга.

– Вы уже занимались этим? – спрашивает Джулия у Лейк, и та в ответ со стоном закрывает лицо руками. – Занимались или нет?

– Нет! – сердито отвечает Лейк. – Нет, мы еще не занимались сексом! Довольна?

Я слушаю их разговор, надеясь, что меня в него не втянут.

– Еще? Значит, собираетесь?

– Мам, а что ты хочешь услышать в ответ? – всплеснув руками, вскакивает с дивана Лейк. – Мне, вообще-то, восемнадцать! Думаешь, я скажу тебе, что собираюсь хранить обет безбрачия?! Так это вранье!

Джулия откидывается на спинку дивана и несколько секунд смотрит в потолок. Потом поворачивается ко мне, и я опускаю взгляд. Я так смущен, что не могу смотреть ей в глаза.

– Где твоя машина? – спокойно спрашивает она.

Я бросаю взгляд на Лейк, потом снова поворачиваюсь к Джулии и неохотно признаюсь:

– В конце улицы.

– Почему? – резким тоном интересуется она, и, надо признать, имеет на это полное право.

– Мам, перестань! Это смешно!

– Смешно? – Джулия возмущена до глубины души. – Тебе смешно, Лейк? А мне нет! Смешно, что вы припарковались в другом конце улицы, чтобы тайком от твоей матери заняться сексом! А еще смешно, что ты делаешь вид, будто все в порядке, хотя вы почему-то пытались сделать так, чтобы я ни о чем не догадалась!

Некоторое время мы молчим. Лейк облокачивается на спинку дивана и прикрывает глаза.

– Ну и что теперь? – интересуется она. – Если ты собираешься запретить мне выходить из дома, так давай уже, а то уж больно неловкая ситуация! Ты ставишь меня в идиотское положение!

Джулия разъяренно вздыхает, подходит к дивану и садится рядом с Лейк:

– Не ставлю я тебя в идиотское положение, Лейк. Просто я... – Она не договаривает и закрывает лицо руками.

Лейк снова закатывает глаза.

Я издаю тихий стон.

– Лейк? – окликает ее Джулия, сделав глубокий вдох. – Я просто...

Она пытается все объяснить, но в глазах стоят слезы. Увидев, что Джулия плачет, Лейк мгновенно выпрямляется и придвигается к ней поближе.

– Ну, мам... – обнимает она Джулию.

Я вижу, что, несмотря на весь свой гнев, Лейк тревожится о маме, и у меня просто сердце тает: я начинаю любить ее еще сильнее!

– Ох, – вздыхает Джулия, вытирая глаза и отстраняясь от Лейк. – Просто это так тяжело... Пойми меня, – просит она, беря Лейк за руку. – Мне не хочется сваливать все на болезнь, но по-другому не получается.

Скоро в нашей жизни произойдет событие, после которого ты очень резко повзрослеешь. Это случится уже в этом году, как бы мы ни делали вид, что все в порядке, и ты станешь растить моего мальчика. Мысль о том, что из-за меня тебе придется рано повзрослеть, разрывает мне сердце. Из-за меня тебе придется стать его опекуном. Из-за меня тебе в восемнадцать лет придется стать главой семьи. Вся остальная жизнь: влюбленности, колледж, мальчики... секс... Просто мне кажется, что это все, что у тебя осталось, прежде чем тебе придется повзрослеть окончательно. Я знаю, что не смогу предотвратить неизбежное. Взваливая на тебя такой груз ответственности, я лишая тебя юности! Наверное, мне просто хочется, чтобы ты перестала взрослеть, хоть ненадолго! Ради меня! Просто перестань взрослеть так быстро!

– Прости, мам, я понимаю... прости, пожалуйста! – сквозь слезы просит Лейк.

– И меня тоже, – присоединяюсь к ее просьбе я, чувствуя себя последней сволочью.

– А на тебя, Уилл, – улыбается Джулия, вытирая слезы, – я все еще сердита! Ладно. – Она встает и по очереди смотрит на нас обоих. – Будем считать, что мы поняли друг друга. Завтра, Лейк, мы с тобой идем к гинекологу. Пусть подберет тебе таблетки! И пожалуйста, – поворачивается она ко мне, – думайте головой. Куда вам спешить? Вам всю жизнь придется куда-то торопиться! Вам нужно быть хорошим примером для мальчиков, ведь они вас обожают! А вы их чему учите? Безобразничать за спиной у мамы? Думаете, они ничего не понимают? Все они понимают! А когда они станут подростками, поверьте, придется нелегко. Меньше всего на свете вам захочется, чтобы они припомнили, как вы себя вели в их возрасте! И теперь я хочу, чтобы вы мне кое-что пообещали.

Я не могу не согласиться с ее словами.

– Что угодно, – с готовностью киваю я.

– Подождите год. Куда вам спешить? Вы оба так молоды, так молоды! Вы встречаетесь всего две недели. Поверьте, чем лучше вы узнаете друг друга, чем сильнее полюбите, тем лучше вам будет!

Я изо всех сил пытаюсь забыть, что слышу это от матери моей девушки, но все равно чувствую себя не в своей тарелке.

– Ну, ма-а-а-ам! – стонет Лейк, падая на диван.

– Обещаем! – говорю я, вставая с дивана, и тут же жалею о сказанном. Я-то знаю, что будет дальше. Теперь мне придется целый год сдерживать себя рядом с Лейк. Это же целая вечность! Особенно после того, что

произошло между нами сегодня вечером.

– Простите меня, Джулия. Мне очень жаль. Я с большим уважением отношусь и к Лейк, и к вам, и... Простите. Мы подождем. Я люблю Лейк, и сейчас мне этого достаточно. Достаточно того, что я могу просто любить ее.

Лейк вздыхает, и я оглядываюсь на нее. Она улыбается и обнимает меня за шею.

– Господи, я тебя просто обожаю! – шепчет она и целует меня.

– Лейк, ты уж поцелуй его как следует! Потому что ближайшие две недели ты сидишь дома!

– Дома?! – недоверчиво переспрашивает Лейк, и мы с ней пораженно смотрим на Джулию.

– Да, – кивает она. – Как бы ни нравился мне твой парень, правда в том, что ты тайком пробралась в его дом, прекрасно зная, что я против того, чтобы вы находились здесь наедине. Поэтому – да, две недели дома! У тебя пять минут, чтобы попрощаться и вернуться домой, – заканчивает Джулия и уходит, прикрыв за собой дверь.

– Две недели? – спрашиваю я Лейк, но не дожидаясь ответа и без передышки целую ее в течение всех отпущенных нам пяти минут.

* * *

Я как-то прожил без нее двадцать один год. Потом, после того как мы познакомились, я каким-то чудом выдержал без нее целых три месяца. Теперь, когда мы наконец-то можем встречаться, мне придется провести без нее еще две недели! И они показались мне самыми долгими в моей жизни.

Я знаю, что еще нет и восьми утра, и конечно, если я заявлюсь к ней в такую рань, то она решит, что я совсем сошел с ума. Но две недели ожидания показались нам вечностью, поэтому я, не раздумывая, перебегаю через улицу и уже заносу руку, чтобы постучать, как дверь вдруг распахивается и она бросается мне на шею, покрывая мое лицо бесчисленными поцелуями.

– Прекрасное поведение для скромной девушки, – раздается из-за спины Лейк голос Джулии.

Я ставлю Лейк на землю, тихонько кивая ей в знак того, что нам лучше держать себя в руках. Лейк закатывает глаза, хватая меня за руку и тащит в дом.

– Что будем делать? – спрашивает она.

– Что хочешь, – отзываюсь я. – Может, мальчиков куда-нибудь сводим?

– Правда? – кричит из кухни Джулия. – Было бы здорово! Мне не помешает немного отдохнуть, а то две недели я была вынуждена любоваться на кислую физиономию твоей девушки!

– Пойдем ко мне, – смеется Лейк и тащит меня по коридору. – Мне собраться надо!

Как только мы входим к ней в комнату, она закрывает дверь и тянет меня к постели. Падает на спину, я падаю сверху, и наши губы наконец-то воссоединяются после долгой, мучительной разлуки.

– Я так по тебе скучал! – шепчу я.

– Не так сильно, как я!

Мы целуемся.

А потом еще.

И еще.

Жаль, что нам придется выйти из этой комнаты, потому что лично я мог бы провести так весь день. Она уже приподнимает мою рубашку, с моих губ срывается тихий стон, и я утыкаюсь лицом ей в шею, вспоминая, что произошло между нами две недели назад. Мне хочется прикоснуться к ее телу, посадить ее к себе на бедра, но я понятия не имею, что нам теперь разрешено, а что нет. Мы же обещали ждать целый год!

Да как мне вообще в голову пришло согласиться? Я, конечно, понимаю, что имела в виду Джулия, но все равно не знаю, как мы сможем выдержать целый год. Господи, да я уже сейчас с ума схожу!

– Малыш, – говорю я, слегка отстраняясь от нее и садясь рядом на кровать. – Нам надо поговорить.

– О чем? Куда пойти?

– Нет, – качаю головой я и снова целую ее. – Об этом, – объясняю я, показывая рукой на нее. – Надо поговорить и решить, что можно, а что нельзя. Я искренне хочу сдержать обещание, которое мы дали твоей маме, но в то же время не могу к тебе не прикасаться! Поэтому нам нужно установить какие-то границы, чтобы я снова не совершил ошибку.

– Ты имеешь в виду, что нам надо решить, как далеко мы можем заходить? – улыбается в ответ она.

– Именно, – киваю я. – Пожалуйста, останавливай меня, если дойду до точки возврата. Договорились?

– Ну что ж, – отзывается она с озорной улыбкой, – границы можно определить только одним способом: выяснить, где они находятся!

– Идея хорошая! – поддерживаю ее я, убираю упавший ей на лицо локон и нежно целую в губы, а потом трюсь носом о ее подбородок и целую в ухо. – Ну как? Возврат?

– Да ты что! И рядом не стояло! – протестует она.

Кладу руку ей на плечо и медленно провожу пальцами вниз, до самой талии. Потом наклоняюсь так, чтобы наши губы соприкасались, и шепчу:

– Как насчет этого? – Я раздвигаю ей губы языком, ласкаю под рубашкой живот и чувствую, как напрягаются ее мышцы. – Вот здесь твоя точка возврата? – дразню ее я.

– Не-а, – качает головой она, – продолжай!

Скользнув губами по ее шее и продолжая ласкать живот, я добираюсь до того места, где обычно находится бюстгальтер, но ничего не обнаруживаю.

– О господи, Лейк! Ты что, издеваешься?! – со стоном восклицаю я, уткнувшись лицом в подушку. – Ты смерти моей хочешь?!

– Ну, до возврата еще далеко, – качает головой она. – Ты продолжай, продолжай!

Подняв голову с подушки, я пожираю глазами ее губы, а потом касаюсь груди, и вот тут-то все и начинается: мои губы не могут оторваться от нее. Лейк стонет и закидывает ногу мне на талию... Я мгновенно вскакиваю.

– Что ж, похоже, мы определили мою точку возврата! – тяжело дыша, заявляю я, провожу рукой по волосам и отхожу к стене, на безопасное расстояние. – А теперь одевайся и поехали. Я тут с тобой наедине находиться больше не намерен!

Она смеется, прыгивает с кровати и идет к шкафу.

– Лейк? – окликаю ее я. – Если хочешь прожить этот день целой и невредимой, пожалуйста, не забудь надеть бюстгальтер!

Подмигнув, я выхожу из комнаты.

Глава 19

Медовый месяц

Лейк широко улыбается с закрытыми глазами.

– Спишь? – тихо спрашиваю я, легко касаясь ее губ.

Уже поздно, а нам завтра ехать домой, но я еще не готов ложиться спать. Хочу, чтобы эта ночь длилась вечно! Лейк мотает головой и открывает глаза:

– Помнишь, как мы впервые прошли точку невозврата?

– Ну, если учесть, что это было вчера ночью, – со смехом отвечаю я, – то я бы сказал, что помню все в подробностях!

– Хочу, чтобы ты мне рассказал! – Она снова опускает веки и прижимается ко мне.

– Чтобы я рассказал о том, что произошло вчера ночью?!

– Да, – кивает она, уткнувшись мне в грудь. – Это была лучшая ночь в моей жизни, и я хочу, чтобы ты рассказал мне о ней!

Я улыбаюсь. Мне будет чертовски приятно рассказать ей о самом отпадном отпаде в своей жизни.

Первая брачная ночь

– Еще три минуты! – сообщает Лейк, заводит руку за спину, нажимает на дверную ручку и открывает дверь. – А теперь переноси меня через порог, муженек!

Наклонившись, я подхватываю ее на руки, а потом закидываю на плечо. Я открываю дверь, толкая ее ногами Лейк, переносу свою жену через порог и осторожно опускаю на постель. Лейк верещит от восторга. Дверь за нами захлопывается.

– Пахнет шоколадом! – говорит Лейк. – И цветами! Отличная работа, муженек!

– Спасибо, женушка! – благодарю я и снимаю с нее ботинки – сначала с правой ноги, потом с левой. – А еще я не забыл про фрукты! И про халаты!

Она подмигивает мне, переворачивается и быстро перебирается к изголовью кровати. Потом берет меня за руку и тянет к себе.

– Иди сюда, муженек! – шепчет она.

Я ползу к ней, но вдруг останавливаюсь, уткнувшись в ее рубашку:

– Ну-каними эту жуть.

– Но это же тебе она так не нравится, вот сам и снимай!

Я молча повинуюсь. На этот раз начинаю снизу, прижимаясь губами к полоске кожи над джинсами. Лейк вздрагивает: она боится щекотки. Так-так, запомним! Медленно расстегиваю следующую пуговицу и целую Лейк в пупок. Она снова стонет, но теперь это меня уже не беспокоит: я покрываю поцелуями ее живот, сантиметр за сантиметром, и ужасная рубашка наконец-то оказывается на полу. Снова добравшись до ее губ, я останавливаюсь и в последний раз спрашиваю:

– Послушай, женушка! Ты уверена, что не хочешь объявить точку возврата? Именно сейчас?

– Уверена, бабочка тебя задери! – отвечает она и прижимает меня к себе.

Я улыбаюсь, не отрываясь от нее, и искренне надеюсь, что она не пожалеет о том, что целый год адских мучений наконец-то закончился.

– Прекрасно! – шепчу я, расстегивая бюстгальтер и помогая ей снять его.

Она гладит меня по голове и приникает ко мне всем телом.

Вскоре мы оба уже раздеты и лежим под одеялом. Я так тяжело дышу, что даже не слышу, как громко стучит сердце. Не слышу, но чувствую. Мои руки исследуют ее тело, прикасаясь к ней везде, и я никак не могу решить, подождать ли еще немного или уже наконец скрепить наш брак. Прижавшись губами к ее шее, я делаю глубокий вдох:

– Лейк?

– Да? – задыхаясь, отзывается она.

Чудом найдя в себе силы отстраниться и посмотреть ей в глаза, я хочу сказать, что она не единственная, для кого все происходит впервые.

– Я хочу признаться тебе кое в чем... – начинаю я, делаю паузу, отстраняюсь от нее еще немного и облакачиваюсь на левую руку, а правой придерживаю ее за затылок и нежно целую. – Лейк, никогда в жизни я... – Запечатлев на ее губах еще один нежный поцелуй, я продолжаю: – У меня никогда не было интимных отношений с девушкой. До этого момента мне даже в голову не приходило, что ты первая, с кем я буду заниматься любовью! – Ответом на мое признание служит самая прекрасная улыбка на свете, от которой у меня начинает кружиться голова. – А еще... А еще ты первая и последняя! – добавляю я и прижимаюсь лбом к ее лбу.

Мы смотрим друг другу в глаза, я приподнимаю ее бедра, и наши тела сливаются.

– Я люблю тебя, Уилл Купер! – шепчет она.

– А я люблю тебя, Лейкен Купер!

Замерев от восхищения, я бросаю еще один восторженный взгляд на потрясающе прекрасную девушку, лежащую на постели подо мной.

– Ты лучшее, что случилось в моей жизни, – шепчу я и захожу в нее.

Наши губы сливаются в экстазе, наши языки, наши тела, наши сердца становятся одним целым. А потом эта девушка распахивает окно в мою душу и проникает внутрь.

Глава 20

Медовый месяц

– Мне нравится твоя версия событий! – шепчет она.

Я держу ее в объятиях, как практически все эти два дня. Лучшего способа провести сорок восемь часов я и представить себе не мог. Вспоминаю обо всем, через что мы прошли... Обо всем, что я рассказал ей. Мы столько друг о друге узнали, и я уверен, что каким-то чудом, покидая этот номер, мы будем любить друг друга еще сильнее, чем прежде. Я целую ее в лоб и закрываю глаза:

– Спокойной ночи, женушка!

– Спокойной ночи, муженек!

Возвращение домой

Я подъезжал к своему дому на машине бесчисленное количество раз. Но сегодня я впервые приехал домой вместе со своей женой! Я впервые переступлю порог дома, где буду жить со своей семьей – не с мамой и папой, а со своей собственной семьей. Впервые, подъезжая к дому, я чувствую себя настоящим мужчиной!

– Ты собираешься мотор выключать? – спрашивает Лейк.

Она уже взялась за ручку дверцы и ждет, пока я заглушу двигатель, но я задумчиво смотрю на наш дом.

– Правда же, у нас классный двор? Мне кажется, у нас лучший двор на свете!

– Не знаю, – пожимает плечами она, отпускает ручку и снова падает на сиденье. – Двор как двор.

– Но это же теперь наш двор! – восклицаю я, беру ее за руку и сажаю к себе на колени. – А значит, это лучший двор на свете! Он лучший, потому что он наш! И дом теперь тоже наш! – продолжаю я, стягивая с нее рубашку.

Лейк пытается прикрыться, но я развожу ее руки в стороны, целую в шею и продолжаю перечислять вещи, которые стали теперь не моими, а нашими:

– И посуда в кухне теперь наша! И диван с креслами – наши! И постель теперь наша!

– Уилл, перестань! – смеется она, отталкивая мои руки, когда я

собираюсь расстегнуть бюстгальтер. – Не смей! Мы же в нашем дворе! А если они выйдут нас встречать?

– Да тут же темно! – шепчу я. – И это уже не твой лифчик, а наш! И я хочу его снять! – настаиваю я, прижимая ее к себе, глажу по спине, а потом дотрагиваюсь до пуговицы на ее джинсах. – И еще наши джинсы тоже надо снять!

– Ладно, – улыбается она, медленно кивая, и шепотом добавляет: – Только по-быстрому!

– Могу и по-быстрому, – заверяю ее я. – Вот только не стану торопиться. Никогда!

* * *

Произведя церемонию освящения двора, мы входим в совершенно пустой, темный дом. Я щелкаю выключателем. В кухне загорается свет, и я вижу, что на столе лежит записка:

«Бабушка с дедушкой уехали пару часов назад. Мальчики у Эдди и Гевина через дорогу».

– Что, сразу пойдем их забирать? – спрашивает Лейк, бросая сумочку на диван и входя в кухню. – Я не против немного насладиться тишиной и покоем. Как только они узнают, что мы вернулись, медовый месяц официально будет считаться оконченным. А мне так хорошо... Не хочу, чтобы все закончилось так быстро!

– А кто сказал, что все закончится быстро? – обнимаю ее я. – Мы еще не все комнаты освятили! С какой начнем?

– Твой двор уже не считается, да?

– Наш двор, – поправляю ее я.

Лейк задумчиво прищуривается и вдруг в восторге хлопает в ладоши.

– Твоя прачечная! – восклицает она, но, заметив мой взгляд, поспешно исправляется: – Ой, наша прачечная! – Она хватается за воротник рубашки, встает на цыпочки и целует в губы, а потом, не прерывая поцелуя, тянет за собой...

Входная дверь внезапно распахивается, и кто-то вбегает в гостиную. Лейк поспешно отрывается от моих губ, я зажмуриваюсь, изо рта вырывается разочарованный стон.

– Не обращайтесь на меня внимания, нам просто нужен кетчуп! – кричит Колдер, пробегает мимо нас к холодильнику, хватается бутылку с кетчупом и мчится к выходу. Но уже на пороге оборачивается и бормочет: – Какая гадость!

Дверь хлопает. Лейк смеется и кладет голову мне на плечо.

– Добро пожаловать домой! – без особого энтузиазма произносит она.

– Интересно, – вздыхаю я, – а что они там едят? Ты мне два дня передышки не давала, так что я голодный как волк!

– Не знаю, – пожимает плечами Лейк, отстраняясь от меня, – но я бы тоже не отказалась перекусить!

Мы переходим улицу к дому Лейк. Она берет за ручку, но, прежде чем открыть, поворачивается ко мне:

– Слушай, может, надо постучать? Немножко странно стучаться в собственную дверь, но я же здесь больше не живу...

– Ну уж нет! К нам никто не стучится, так с какой радости будем стучаться мы?

С этими словами я открываю дверь, и мы входим в дом. Мальчики и Кирстен уже сидят за столом, а Эдди и Гевин в кухне раскладывают еду по тарелкам.

– Смотрите-ка, кто вернулся! – при нашем появлении радостно восклицает Кирстен. – Ну, как прошел медовый месяц?

Едва Лейк заходит в кухню, Эдди тут же хватается за руку и тащит в коридор.

– Да-да, Лейкен! – на ходу тараторит она. – Как прошел медовый месяц? Мне нужны подробности!

Девушки скрываются в спальне.

– Медовый месяц прошел идеально! – раскладывая еду вместо Эдди, отвечаю я на вопрос Кирстен.

– А что такое медовый месяц? – спрашивает Кел. – Чем люди занимаются, когда у них медовый месяц?

– Да-да, Уилл, – поперхнувшись лимонадом, смеется Гевин, ехидно поглядывая на меня, – я тоже очень хочу знать, чем люди занимаются в медовый месяц, чтобы хорошо подготовиться к собственному! Ты уж просвети нас!

– Медовый месяц – это время сразу после свадьбы, – отвечаю я, подходя к столу с тарелками в руках и сердито глядя на Гевина. – Люди проводят много времени вместе... Рассказывают всякие истории из своей жизни... Едят разные вкусности. В общем, рассказывают истории и едят еду, вот и все.

– О, так это что-то вроде пикника? – спрашивает Колдер.

– Точно, – отзываюсь я, садясь за стол напротив Кирстен.

Она закатывает глаза и качает головой:

– Он вам врет, потому что вам все еще девять лет! Медовый месяц – это период, когда молодожены занимаются сексом. Традиционно считается,

что впервые. Однако в некоторых случаях, – добавляет она, кивая на Гевина, – люди немного торопятся!

Мы все смотрим на Кирстен, разинув рот, и тут к нам присоединяются Лейк и Эдди.

– А вы чего все так притихли? – спрашивает Эдди.

– Кхм-кхм, – откашливается Гевин и многозначительно смотрит на нее. – Пора играть в «отстой-отпад»! Садитесь, дамы!

– Я начну! – заявляет Колдер. – Мой отпад в том, что мы с Келом наконец-то стали братьями официально! Мой отстой в том, что я теперь знаю, чем Уилл и Лейкен занимались во время медового месяца!

– Присоединяюсь! – поддерживает его Кел.

Лейк вопросительно смотрит на меня, но я киваю в сторону Кирстен:

– Я тут ни при чем. Это все она!

Кирстен награждает меня убийственным взглядом, к которому я уже, кажется, начинаю привыкать, и произносит:

– Мой отстой в том, что, похоже, в этой комнате никто, кроме меня, не знает, как важно образование в области секса. Мой отпад в том, что через несколько месяцев, благодаря тому, что Гевин так и не смог дождаться своего медового месяца, у меня появится постоянная работа няни!

– О нет! – кричит Гевин, второй раз за пять минут подавившись лимонадом. – Мою дочь ты будешь нянчить только через мой труп!

Вытерев рот, он встает и, привлекая к себе внимание, стучит вилкой по красному пластиковому стаканчику.

– Моя очередь! Мне не терпится поделиться с вами моим отпадом! – торжественно заявляет он, поворачиваясь к Эдди, и снова откашливается. Эдди улыбается, и, прижав руку к сердцу, Гевин продолжает: – Мой отпад в том, что вчера вечером женщина, которую я люблю, согласилась стать моей женой!

Как только он произносит слово «жена», Кирстен и Лейк вскакивают с мест и с визгами бросаются обнимать Эдди, а потом прыгают вокруг нее как сумасшедшие. Эдди достает из кармана кольцо, надевает на палец и показывает девочкам. Лейк говорит, что это и есть ее отпад, Эдди соглашается. Гевин тем временем садится на свое место, и, пока девочки визжат, мужская половина компании спокойно продолжает насыщаться.

Взглянув на Лейк, я вижу, что она так и сяк крутит руку Эдди на свету, восхищаясь кольцом. Она улыбается и выглядит удивительно счастливой. Как и Эдди. Мальчики тоже радуются, если не считать того, что они теперь знают, чем люди занимаются во время медового месяца. Гевин смотрит на Эдди и сияет от удовольствия. Я невольно вспоминаю события последних

двух лет, все, через что нам довелось пройти. Сколько боли пришлось вытерпеть, сколько слез было пролито в ожидании этой минуты. Как так выходит: ты думаешь, что жизнь – выжженная, бесплодная долина, что никакого света в конце тоннеля не предвидится, а потом в твоей жизни вдруг появляется она, и благодаря одной лишь улыбке все меняется в мгновение ока.

Лейк ловит на себе мой взгляд и замечает, что я улыбаюсь. Улыбнувшись в ответ, она прижимается ко мне.

– Знаешь, в чем мой отпад? – спрашиваю я, обнимая ее за плечи.

– Нет, – качает головой она.

– Ты. – Я целую ее в лоб. – Ты, и только ты!

Конец.

Эпилог

– Дайте ей какое-нибудь лекарство! – орет Гевин на медсестру.

Он ходит взад и вперед по палате, то и дело стирая со лба скопившиеся капельки пота.

– Да вы на нее посмотрите! – кричит он. – Ей же больно! Посмотрите на нее! Дайте ей что-нибудь!

Смертельно побледнев, он отчаянно размахивает руками, указывая на больничную койку. Эдди закатывает глаза, встает и, взяв Гевина за плечи, выталкивает его в коридор.

– Прости, Уилл. Я думала, что он легче это перенесет, поскольку на этот раз рожаю не я! Если я его отсюда не выведу, он грохнется в обморок, как в тот день, когда родилась Кэти!

Я киваю, но сил смеяться у меня нет. Я чувствую себя совершенно беспомощным, глядя на то, как Лейк мучается от боли. От обезболивающего она отказывается, но еще немного, и я сам схвачу этот чертов шприц и вкачу ей все, что надо.

Я подхожу к изголовью кровати и жду, пока закончится очередная схватка. Лицо Лейк чуть разглаживается, и она переводит взгляд на меня. Я прикладываю влажный платок к ее щекам и лбу, чтобы немного остудить разгоряченную кожу.

– Воды... Пить хочется... – бормочет Лейк.

За последний час она уже десять раз просит пить, и каждый раз мне приходится отказывать ей. Я не хочу видеть, как она сердится, поэтому решаю соврать:

– Пойду попрошу у медсестры.

Я быстро выхожу из палаты, делаю несколько шагов и прислоняюсь к стене, совершенно не собираясь идти на поиски медсестры. Опустившись на пол, я закрываю лицо руками и пытаюсь сосредоточиться на том, что происходит. В любую минуту я могу стать отцом.

Не думаю, что я готов к этому.

Если Кел и Колдер вырастут ужасными людьми, мы с Лейк, по крайней мере, сможем все свалить на наших родителей. А за жизнь малыша, который скоро родится, ответственность будем нести только мы – и никто другой.

О боже!

– Привет! – Кел плюхается на пол рядом со мной и вытягивает вперед ноги. – Как она?

– Злится, – честно отвечаю я, и он смеется.

С тех пор как мы с Лейк поженились и Кел переехал ко мне, прошло уже три года. Знаю, что стану настоящим отцом только сегодня, и в этом случае все, конечно, будет по-другому, но едва ли я любил бы Кела больше, будь он моим родным ребенком. Скажу честно: когда погибли родители, мне казалось, что судьба посмеялась надо мной, так резко изменив мою жизнь. Однако сейчас, оглядываясь назад, я знаю, что на самом деле она преподнесла мне подарок, пусть даже столь жестоким образом. Даже представить не могу, что моя жизнь сложилась бы как-то иначе.

– Слушай, – говорит Кел, завязывая шнурок на ботинке и снова выпрямляя ногу, – мама мне кое-что оставила, чтобы я отдал тебе в этот день.

Взглянув на него, я сразу догадываюсь, о чем идет речь, и протягиваю руку. Кел достает из кармана звездочку.

– Это один из подарков, который она оставила на мой день рождения в прошлом году. И еще записка прилагалась. На самом деле она оставила восемь штук. По одному на каждого ребенка, который у вас может быть. Четыре голубые звездочки и четыре розовые.

– Восемь?! – не веря своим ушам, переспрашиваю я, сжимая звездочку в кулаке.

– Ага. Думаю, она просто перестраховалась! – Он пожимает плечами. – Они все пронумерованы, так что эта именно для первого ребенка.

– А это и для Лейк тоже? – спрашиваю я, с улыбкой глядя на звездочку на моей ладони. – Не уверен, что она сейчас в подходящем настроении.

– Не-а, – качает головой Кел. – Эта для тебя. Для Лейк есть другая.

Рывком поднявшись на ноги, он делает несколько шагов в сторону холла, но потом оборачивается и смотрит на меня долгим взглядом:

– Моя мама все продумала, да?

– Еще как! – улыбаюсь я, вспоминая советы Джулии, которые она до сих пор каким-то чудом умудряется передавать мне.

Кел улыбается и уходит. Я разворачиваю звездочку. Как много раз я думал, что уж эта-то точно последняя...

Уилл!

Спасибо тебе за то, что стал отцом для моего мальчика.

Спасибо за то, что любишь мою дочь так же сильно, как я.

Но больше всего на свете мне хотелось бы поблагодарить тебя за то, что ты стал лучшим на свете отцом для моего будущего внука.

*Потому что в этом я ни капельки не сомневаюсь!
Поздравляю!*

Джулия

* * *

Глядя на звездочку, я недоуменно спрашиваю себя, как получилось, что Джулия благодарит меня, в то время как на самом деле это она изменила мою жизнь! Вся ее семья изменила мою жизнь!

Впрочем, в каком-то смысле все мы, наверное, изменили жизнь друг друга.

– Уилл! – доносится из палаты крик Лейк.

Я вскакиваю, прячу звездочку в карман и бросаюсь к ней. Она крепко сжимает зубы и цепляется за поручни кровати так сильно, что костяшки пальцев становятся совершенно белыми. Одной рукой она хватается за рубашку и притягивает к себе:

– Медсестра! Мне срочно нужна медсестра!

Я киваю и бегом бросаюсь на поиски. На этот раз по-честному.

* * *

Как только доктор произносит: «Пора тужиться», я хватаюсь за поручни кровати, на которой лежит Лейк, чтобы не упасть. Вот оно! Наконец-то! А я не уверен, что готов... В ближайшие несколько минут я стану отцом, и от одной мысли об этом у меня начинает ужасно кружиться голова.

«Я не Гевин!»

«В обморок падать не стану!»

Секунды, кажется, длятся часами. Палата наполняется медперсоналом. Все суетятся, что-то делают с койкой, с оборудованием, с Лейк и с освещением, которое вдруг становится очень ярким. Слишком ярким... А в следующее мгновение до меня доносится голос медсестры, которая почему-то смотрит на меня сверху вниз.

«Почему она смотрит на меня сверху вниз?»

– Вы хорошо себя чувствуете? – спрашивает она.

Я киваю. И все-таки не могу понять, почему смотрю на нее снизу вверх?

Либо я стал на метр восемьдесят ниже ростом, либо лежу на полу.

– Уилл! – Лейк опускает руку с кровати, пытаюсь дотронуться до меня.

Я хватаюсь за поручень и встаю на ноги.

– Больше так не делай! – тяжело дыша, просит Лейк. – Пожалуйста!

Мне надо, чтобы ты держал себя в руках, потому что у меня это не получается! – Она стонет, глядя на меня испуганными глазами.

– Я с тобой! – заверяю ее я.

Она улыбается, но в следующее мгновение улыбка превращается в жуткую гримасу. Лейк так сильно сжимает мою руку, что кажется, кости вот-вот треснут.

Перегнувшись через поручни, я обнимаю Лейк за плечи и помогаю наклониться вперед, когда сестра велит ей тужиться. Все это время мы смотрим друг другу в глаза. Я помогаю ей считать, дышать и умалчиваю о своих опасениях: похоже, рука у меня уже никогда не будет действовать в полную силу. Кажется, уже в тысячный раз мы считаем до десяти, и тут Лейк снова сдавленно стонет, а потом страшно кричит! С той лишь разницей, что на этот раз за ними следует совершенно другой звук!

Детский плач.

Я отворачиваюсь от Лейк и смотрю на врача, который уже держит на руках ребенка.

Моего ребенка!

В палате вновь начинается суэта, а я не могу двинуться с места. Мне очень хочется взять малышку на руки, но меня останавливает не менее сильное желание быть рядом с Лейк и убедиться, что с ней все в порядке. Медсестра забирает ребенка у врача и отходит в сторону, чтобы запеленать его. Я вытягиваю шею, стараясь заглянуть через плечо медсестры и увидеть нашу дочь.

Запеленав наконец малышку, медсестра подходит к Лейк и кладет девочку ей на грудь. Опустив поручень, ложусь с Лейк рядом и обнимаю ее за плечи, а потом убираю уголок одеяла с лица дочки, чтобы мы оба могли ее получше разглядеть.

Как жаль, что невозможно выразить мои ощущения в тот момент. Не поможет ни ваза со звездочками, ни книга, ни песня... ни даже стихотворение. Невозможно описать словами момент, когда женщина, которой ты посвятил свою жизнь, впервые видит вашу дочь.

По лицу Лейк текут слезы. Она гладит малышку по щеке и улыбается.

Плачет.

Смеется.

– Не хочу я считать ей пальцы на руках и ногах, – шепчет Лейк. – Мне плевать, даже если у нее их два, или три, или вообще пятьдесят ног! Я так люблю ее, Уилл! Она само совершенство!

Это правда. Малышка действительно само совершенство!

– Как и ее мама, – шепчу я Лейк на ухо.

Мы склоняемся над дочерью и молча смотрим на нее. Любуемся существом, которое превзошло все мои самые смелые ожидания. Я и не думал, что в моей жизни настанет такой момент. Эта девочка. Эта маленькая девочка – моя жизнь. Ее мама – моя жизнь. Эта девушка и эта девочка – вот моя жизнь.

Я осторожно касаюсь маленькой ручки. Крошечные пальчики рефлекторно сжимаются на моем мизинце, и я уже не пытаюсь сдержать слезы:

– Привет, Джулия! Это я, твой папа!

Мой последний элемент

Мы появляемся на свет
подобно *маленькому элементу мозаики*,
которая есть *жизнь*.
В отпущенные нам годы мы можем
найти *все недостающие* элементы.
Элементы, которые соединяют то, *кем мы являемся*,
с тем, *кем* мы когда-то *были*,
и с тем, *кем* однажды *станем*.
Иногда *почти* все элементы находятся.
И вскоре *займут свои места*.
Некоторое время мы носим их с собой
в надежде, что их *форма* изменится.
В надежде, что они *подойдут* к нашей мозаике.
Но этого *не происходит*.
Рано или поздно нам приходится *расстаться* с ними,
чтобы они могли найти *свою* мозаику.
Иногда элементы *вообще* нам *не подходят*,
как бы нам этого *ни хотелось*.
Мы *сметаем* их *в кучу*.
Мы *сгибаем* их.
Мы *ломаем* их.
Но они никогда *не станут* тем, чем *не являются*.
Вот *эти элементы* принять сложнее всего.
Элементы нашей мозаики,
которым просто здесь *не место*.
Но *иногда*...
Совсем не часто,

если нам *повезет*,
если мы будем *внимательны*,
то найдем *идеальное совпадение*.
Найдем те *элементы мозаики*, которые *сами лягут* на свое место,
новые элементы, которые словно *обнимают старые*,
элементы, которые *притягиваются* к нам.
Элементы, к которым *тянет нас*.
Элементы, которые подходят *так хорошо*, что мы даже не знаем,
где *кончаемся мы*
и где *начинаются они*.
Эти элементы называются:
друзья,
настоящая любовь,
мечты,
страсть,
убеждения,
таланты.
Все это *элементы*, дополняющие нашу *мозаику*,
обрамляющие ее края,
закрывающие пустые *углы*,
заполняющие собой *центр*.
Эти *элементы* делают нас теми, кем *мы являемся*.
Кем мы когда-то *были*.
Кем мы *однажды станем*.
До сегодняшнего дня
я смотрел на *свою* мозаику
и видел законченное *целое*.
Все *края обрамлены*,
все *углы закрыты*,
центр заполнен.
Мне *казалось*, что она закончена.
Ведь все элементы были *на месте*.
У меня было все, чего я *хотел*.
Все, что мне было *нужно*.
Все, о чем я *мечтал*.
Но до сегодняшнего дня
я не понимал, что собрал *все элементы*,
кроме одного,
самого *важного* элемента.

Элемента, который дополняет *картину*.
Элемент, который дополняет *всю жизнь*.
Я держал на руках эту девочку.
Она *сомкнула* свои *крошечные пальчики* на моем.
И вот *тогда* я наконец *понял*:
она и есть тот *сплав*,
клей,
цемент, который *соединил* все мои элементы вместе.
Элемент, запечатавший мою *мозаику*.
Элемент, сделавший мою *жизнь* полной.
Элемент, который делает меня тем, *кем я являюсь*.
Кем я когда-то *был*.
Кем я однажды *стану*.
Ты, малышка.
Ты и есть мой *последний элемент*.

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить моего агента Джейн Дистел. Твоя этичная работа вдохновляет окружающих. Ты занимаешься тем, для чего рождена! Без твоей поддержки, твоих советов и искренности я никогда бы не стала тем, кем стала. Также хочу сказать спасибо всем-всем-всем сотрудникам «Dystel & Goderich» за постоянную поддержку, которую вы оказываете всем своим авторам. И отдельное спасибо Лорен Абрамо. Спасибо, gracias, dank u, merci, danke, grazie!

Я хотела бы поблагодарить моего редактора Джоанну Кастильо. Работать с тобой было настоящим удовольствием, и я с нетерпением жду продолжения нашего сотрудничества! Спасибо за то, что ты всегда так позитивно настроена и умеешь поддержать!

Меня обуревают смешанные чувства из-за того, что серия «Slammed» закончена. С одной стороны, я с радостью прощаюсь с Уиллом, Лейк и всей компанией – они заслужили счастливый конец! С другой – буду очень скучать по этим персонажам, которые изменили всю мою жизнь. Может быть, немного странно выражать благодарность героям книги, но мне правда хочется сказать спасибо им всем. Я провела в их головах полтора года и теперь чувствую себя так, будто прощаюсь с верными друзьями.

Наконец, самую большую благодарность я хотела бы оставить для всех фанатов этой серии. Для тех, кто читает мои книги. Для тех, кто просил продолжения. Для тех, кто писал мне письма и рассказывал о том, что их тронули эти книги. Для тех, в ком моя книга породила желание тоже стать писателем. Для тех, кто поддерживал меня и рассказывал обо мне друзьям просто потому, что им этого хотелось. Год выдался сумасшедший, и именно вы не дали мне сойти с ума! Вы были моим источником вдохновения и мотивации! Благодаря вам я стала тем, кем стала, и никогда не забуду об этом.

Это все благодаря вам!